

рисунок, живопись, скульптура, архитектура, композиция, история искусств

ЖУРНАЛ

№ 11

2002

Московского Академического Художественного Лицея
Российской Академии Художеств

Памяти Львовичу Буриничу - 75 лет.

Москва

Патриотизм Культуры и Жизнь.

О П.Л.Бунине в рамках спецкурса "Аналитическая композиция" (В.А.Иванов, август 2002 г.)

Каждый читатель дорожит своим личным восприятием. Каждый зритель требует зрелища, а не хлеба. Пища для ума, согласитесь, суррогат, будь то сахар, фосфор или Фолкнер. Полный идиот — предел насыщения в данном роде. Полный умник — телесная конституция, что-то вроде Наполеона и Бонапарта вместе взятых.

"Корабль плывет", "тройка мчится", несмотря ни на что, "версты полосаты" — линейки пустого еще листа. "Но!" — "телега жизни" загрохотала. Но... мысль притормозила. "Титаник" культуры не напарывается на айсберг жазни. Пока светло.

Мировая культура — кристаллы уподоблений единой мировой истории. Лакмусом ее сверхобразов направляется познавательный интерес, влекущий от поверхности уникальной явленности в глубины родовой мифологии и вечного архетипа. Соотнесенность с Христом порождает феномены христианской цивилизации. Мы законно говорим о донжуанстве, гамлетизме, донкихотстве, фаустианстве, варьируя культурологический регистр отражений изначальной почвы: французской, английской, испанской, германской. Мы европейцы.

Вот два силуэта Домье: тощий — выглядит Наполеоном III (Дон Кихот), а толстый — Бонапартом (Санчо). Вожаки, оторвавшиеся от народа, разведчики и полицейские пустыни, где "Моисей" — Наполеон III! Вот она, современность! Вот она, история!

Цена решения супергероем архетипической проблемы, символом которой он является — гибель. Мы приписываем "упоеание в бою... в дуновении чумы" Пушкину, но Пушкин — Вальсингаму. Слова, слова, слова. Устанавливая поступками критерий достоверности слов и снов, Харон всех персонажей своей трагедии, как капитан, последним совершает собственный рейс, и уж с того берега — молчание. (К слову, по Гамлету, как "четыре капитана".) Ад — за рай "философии жизни" — Дон Жуану. И снова, кстати, кто он — испанец, француз, австриец, русский? И только ли немец отдает душу за познание, а испанец безумием оплачивает идею справедливости?

Графика Павла Львовича Бунина схватывает и фиксирует динамизм персонажей. Такие остановленные мгновения — это статика временного равновесия между легким намеком внешней репрезентации и массивом демонической изнанки образов. Видимо, это не просто навык и схема индивидуальной манеры, а прозрачность основной темы художника в мозаике фабульно-фактурных преломлений. Угловато, но не мутно.

Фауст Бунина похож на Леонардо, а сам художник — практик фаустовского типа. Но посмотрим, каков тогда его Мефистофель?

"Антинаполеониана" — не анахронизм для публициста и художника России Пушкина эпохи Второй мировой войны.

А кем, как не Наполеоном, обернулся Мефистофель перед массами фаустианцев позапрошлого века. Народы показали твердость... и преданность делу одиночек на ниве обольщения народов, хотя одиночка кончает Битвой народов. А уж разделаться с "чудовищем" после Ватерлоо и особенно после святой Елены девятнадцатому веку оказалось куда труднее, а двадцатому — невозможно. От "Мефисто"-вальсов иные довальсировались до "Фау".

Зигфрид Бунина, светло мумифицированный своей антично-непобедимой героичностью, как крышкой саркофага накрывается сумрачным германо-египетским символом — крылатым шлемом убийцы Хагена, вдвойне оперенным лучами его черного солнца.

Бунинский Дон Кихот сражается не с мельницами — со всей испанской армадой. Он — Тиль. Завершив свою миссию, тонкая и толстая фигурки растворяются в бескрайних ландшафтах с мельницами.

А книга делалась 4 года.

Донжуанская веселость ярко представлена галантной каллиграфией “Мольера”, “Хайяма”, “Вены”, греческо-пушкинской “античности” и просто “натуры” — тем, что зримо, что на поверхности: листа — и страницы жизни.

Глубже — парадоксальное преломление темы в мемуарном жанре, литературно разработанном... для себя. И это — иное раскрытие художника. Вспомним прецедент — амурная фабула гончаровского “Обрыва” перекрывается темой России — “бабушки” — так хрестоматийно.

Наиболее значимые листы Павел Бунин завершает двойной монограммой: П.Б. и О.Н.

О.Н. — бабушка Ольга Николаевна, поющая в кухонном чаду:

“Gaudeamus igitur, iuvenes dum sumus!”.

Р. Киплинг. “Плотины” (перевод П.Б.).

Руку не тянет больше к веслу — рыбачить нас не влечет.
 Все, чему нас учили наши отцы, мы не берем в расчет.
 Все, чему сердце верить велит, мы в сомненьи отбросили прочь;
 Нам ничто не докажет — ни хлеб, что едим, ни отдых, что дарит ночь.

Смотри, протянулась суша вдаль, среди дамб и морских ворот,
 Страна, что создали наши отцы, где фарватер глубины ведет.
 Они умерли, море изгнав и смирив, и труды их не зря прошли,
 Но хоть мы родились под сенью плотин, наше время и мир ушли.

Подступает прилив, во мраке скользя, — теперь он всюду пройдет,
 Волны сжимают Ворота Морей, рвутся к стенам вперед.
 Тревожат гальку, швыряют гальку, громоздят ее на песок,
 Мы так далеки от моря, чтоб знать, что твердыням подходит срок.

И мы тревожно взморьем пошли, но не думали мы никогда,
 Что могут рухнуть плотины, и в бреши хлынет вода.
 Вновь и опять ревел ураган, но нам не было страшно ничуть.
 Мы ведь только пришли к плотинам отцов — на плотины их лишь взглянуть.

Средь болот и усадеб под солнца лучом, что шлет небесная твердь —
 Ухищренья, уловки или расчет, расточение, хворь или смерть...
 Постель нам — тлеющий уголь в золе, а ветер искры несет...
 Мы сдаемся морю в полунощной мгле — а в море прилив встает!

В низинах ревет мятущийся скот, спасенья не видит он,
 Сшибает с ног бегущих людей, фонарями их ослеплен,
 Засовы прочь, пусть спасают жизнь — прилив на равнины идет,
 И шлюзы смывают потоп, и вдаль, через рвы, он волны несет.

Над вершиной плотин девятый вал из бездны встает стеной,
 И в бурунах и брызгах море ревет, поля покрывая волной.
 Несется как конь, что протопчет свой путь или зубами его прогрызет,
 Пока и проросшие дроком луга, и плетни водой не зальет.

Хватайте деготь и паклю, тащите смолу с собой —
 Пламя нам нужно, не дым — узнать, что готовит берег морской.
 Пусть следят звонари на башнях (пока заря не пришла),
 И в вышине пусть слышат они дрожащие колокола.

Теперь мы можем Дня ожидать, своим упиваясь стыдом.
 Они могут рухнуть, плотины отцов, но не думали мы о том.
 Вновь и опять нас звали они, но мы мешкали вновь и опять —
 Нам детей своих осталось убить, как отцов ухитрились предать.

Бродя среди развалин плотин одни, мы видим работу волн
 Против плотин, что создали отцы, чей труд был надеждою полн.
 Но мир исчез и “профит” исчез, и покой наш недостижим —
 А когда мы вернулись, наш собственный дом нам показался чужим!
 (ноябрь 1995 г.)

Р.Киплинг. “Боги Азбучных Истин” (перевод П.Б.).

Свершая свои воплощенья сквозь столетья и племена,
 Зная силу Богов Базара, пред ними склоняюсь сполна.
 Цветение их беспредельно (покуда не подведут).
 Вот тогда Боги Азбучных истин в свой час непременно придут.

Когда мы Их повстречали, обитал на деревьях наш род.
Они нас учили, что воды — мочили, а огонь — обязательно жжет.
Но, не найдя у Них широты, запросов и перспектив,
Мы оставили Их учить горилл и включились в людской коллектив.

Мы помчались дорогой прогресса. ОНИ — не ускорили шаг,
От Богов Базара в отличие, постоянной была Их душа;
Но странно — как мы ни спешили — нас всегда обгоняли ОНИ,
То племя напьется на льдине, то в Риме погаснут огни.

К надеждам, нас распалывшим, весьма старомодно глухи,
Они отрицали съедобность луны, не верили в прочность трухи.
Крылатость свиньи, гуманность змей — им казалось делом пустым,
Так что мы обратились к Богам Базара, сулившим нам все, что хотим.

Нам в Верхнем Палеолите был вечный мир возвещен.
Бросьте оружие — клялись они — и прервется вражда племен.
Мы поверили раз, они предали нас, безоружных, нашим врагам,
И Боги Азбучных Истин сказали — “НАУКА ВАМ”.

Нам в Эпоху Эмансипации обещали Жизни весну
(И мы полюбили соседа, а потом и его жену).
Наши женщины стали бесплодны, нашу честь подняли на смех,
И Боги Азбучных Истин сказали: “ПЛАТА ЗА ГРЕХ”.

Нам в Каменноугольном Веке бысть обещана счастья пора,
Ограбленьем избранного Павла для всеобщего счастья Петра;
Но хоть денег у нас стала куча, ничего не купишь — беда,
И Боги Азбучных Истин сказали: “СМЕРТЬ — БЕЗ ТРУДА”.

И рухнули Боги Базара, с красноречием их мудрецов,
И все мы стали смиренны, и признали, в конце концов,
Что да, дважды два не двенадцать, и не все можно верить глазам —
И Боги Азбучных Истин стали снова учить нас азам.

.....
Так будет в грядущем, так было, содня сотворенья небес,
Что четыре лишь вещи бесспорны с тех пор,
Как пошел социальный прогресс: —
Что вернется пес на блевотину и свинья в болотную вонь,
И дурак, обжегший свой палец, вновь сунет его в огонь;

И что когда Новый мир прекрасный, наконец, наступит для всех,
Мир, где каждому платят за счастье, но никто не платит за грех,
И опять вода нас замочит, и огонь обожжет нас вновь,
Боги Азбучных Истин вернутся сквозь ужас и кровь!

“Слышно или не слышно, черт возьми! — (микрофон). — Еще ближе?” — “Только не меняйте положения головы!” — “Легко сказать — я еще не мумия... надеюсь”.

(Мы на презентации книги П. Бунина “Не славы ради” в ЦДЛ 22 мая 2002 г.)

“...Киплинг умел видеть прошлое — это совершенно точно, и, самое странное, — он видел будущее. Не знаю, как это объяснить... Человек, который не имел никаких атрибутов пророка, — он не питался акридами, у него лохматых волос не было — он был аккуратно причесан, у него были подстриженные усы — и вообще он был похож внешне не то на врача, не то на полковника в отставке.

Кстати, какой-то английский критик — не какой-то, хороший критик — Кайя — писал, что, без сомнения, тут влияние Индии, потому что, родился он в Англии, возможно, он стал бы незаурядным хирургом (склонность к точным терминам). Склонность к терминам у Киплинга была, но было еще и мистическое восприятие всего универсума... Я прочту вам (прекрасный перевод!)... Вот это ощущение природы...

Во-первых, непонятная обстановка: в какой-то хижине просыпается так называемый “единственный сын”. Кто этот “единственный сын”, где он — мы ничего не знаем. Но... веет, я бы сказал, целым ураганом запахов, шумом листьев... вот послушайте (причем, мы не знаем, кто эта “она”, — до самого конца; да и в конце не узнаем, и это нисколько не мешает делу), итак:

...На засов тугой задвинула дверь,
 В очаг подбросила дров,
 Ибо услышала скрип у дверей
 И услышала хнычущий зов.
 Последний пепел упал с головни,
 И уже потух очаг.
 И увидел сон единственный сын
 И тихо крикнул во мрак:
 “Неужели я женщиной был рожден
 И ел из отцовской руки?
 Мне снилось, что защищали меня
 Сверкающие клыки.
 Неужели я женщиной был рожден
 И ел свой хлеб у огня?
 Мне снились товарищи мои,
 Что больно кусали меня.
 Мне снились полночные небеса
 И джунглей полночный крик
 И тени, скользящие от меня,
 И красный их язык...

А дальше он уже переходит почти на какой-то шаманизм!! В Англии все в один голос утверждают: ни один англичанин не разговаривает языком Киплинга! И меня это нисколько не удивляет — его первым языком был хинди; он родился в Бомбее, его окружали индийские нянюшки, которые его отвратительно избаловали... воровали для него сласти... И конечно, человек, который пропитался этой древней природой, древней субкультурой, — конечно, это был не вполне европеец.

Больше того, это сказал один полковник: когда он спрашивал своего субалтерна, а действительно ли так говорят солдаты (в солдатских рассказах), тот ответил — нет, они так не говорят, но они так начинают говорить (после того, как читают его сборники солдатских рассказов).

И это абсолютно то, о чем говорил Оскар Уайльд: пора отбросить трюизм, что искусство подражает природе, — природа подражает искусству; и он приводит пример: посмотрите, к чему привело, например, подражание Христу, или Наполеону; сколько появилось в мире гамлетов и гамлетиков только оттого, что какой-то марионетке пришло в голову загрустить. И верно, да; хотя бы “Гамлет Щигровского уезда”. И вот, видите, такое явление — тот же Уайльд пишет — пойдите на вернисаж, и вы увидите, что половина женщин — более или менее удачные (или неудачные) копии с картин Россетти или Берн-Джонса.

И мы это можем проверить на себе. Когда мы попадаем, например, в Третьяковку и ходим, ну, хоть по залу Серова, оглянитесь при этом на остальных посетителей, и вы с изумлением увидите, что это написано в серовской гамме, если так можно выразиться. То же самое и с каждым другим — это поразительное и не вполне объяснимое явление. Я, грешным делом, думаю, как кто-то выразился: мне за это платят жалованье.

Так вот, у Киплинга все это было. Про него очень хорошо сказал один мой прекрасный друг, Олег Сергеевич Ивашев-Мусатов: “Такое впечатление, что он впервые употребляет слова”. Да, простите, я хотел закончить вот это стихотворение, да, “...сверкающие клыки”.

“...Целый час еще, целый час еще
 До восхода круглой луны...” “Круглой луны”... Ясно, что она круглая, но вот какое-то странное сочетание!..

“...Но я вижу как днем, как светлым днем
 Потолок и бревна стены.
 Далеко-далеко водопады шумят,
 Там оленей ночной водопой,
 Но я слышу блеянье оленят,
 За самкой бегущих тропой.

Далеко-далеко водопады шумят,
Там высокой пшеницы поля,
Но я слышу — рассветный ветер идет,
Колосья в полях шевеля...”

По-моему, это колдовство. Это чистейшее колдовство! И если кончать, то уже совершенно непонятно:

Отопри мне дверь, я ждать не могу,
Мне сегодня не спится тут.
Увижу — товарищи ли мои,
Или волки за дверью ждут”.
Тут встала она, открыла дверь,
Кругом рассветная мгла.
И волчица к сыну вышла из мглы
И у ног покорно легла.....

Я отказываюсь это комментировать! Это выше моего понимания. Очевидно, получилось удивительное сочетание — как теперь выражаются — двух ментальностей: Азии и Европы. По-моему, это уникальный случай. Замечательный индийский критик Чаудхури сказал: “В некотором отношении это певый гражданин Индии. И Индия никогда не забудет своей благодарности этому человеку”. И правильно!

В поразительном романе “Ким”, где все главные герои кто угодно, только не англичане: армяне, тибетский лама, какой-то конский барышник и одновременно английский шпион, и, конечно, прежде всего, сам Ким — выкорымыш двух стай, как Маугли — это туземнорожденный мальчишка, даже не англичанин — ирландец; и мы видим, как в нем ежемгновенно переплетаются эти два ощущения: европейца и азиата. Это совершенно поразительно там выражается. Там нет ни одного фальшивого слова. Я всем рекомендую в свободную минуту прочесть эту чудо-книгу.

Например, там описывается тибетский лама, который поначалу раздумывал о Киме: кто это такой, — чертенок и босяк, или ангел, который был послан ему из горних сфер... И вот он, по ходу своих путешествий, попадает в лагерь английского полка, который отправляется в какую-то карательную экспедицию, и беседует с полковым капелланом. Он выясняет у него, какое бы сахибу дать лучшее образование, и сколько это примерно стоит. Тот, не понимая в чем дело, отвечает — будет стоить столько-то рупий, а самое лучшее образование можно получить в школе святого Ксаверия, после чего лама встает, снисходительно кивает головой, величественно, естественно, как собрат по религиям (во что верил Киплинг, трудно сказать, известно только, что он был очень искренним масоном, и что никто особого вреда от этого масонства не испытал; ну, это я так, а ргo-ros). И вот, через некоторое время, когда Ким уже готовится отправиться в эту школу, его призывает к себе капеллан и говорит: “Послушай, я получил письмо, что это значит — это глупая шутка, или что? Я не понимаю эту Индию”. И вот он читает письмо:

“...Находясь в глубокой медитации на краю проезжей дороги и раздумывая о беседе с Вашей святостью, я заявляю, что по моему скромному мнению, образование должно быть или самое лучшее — или никакого (он дельно говорит, — замечает капеллан). Я попрошу Вас дать ребенку, который есть яблоко моего глаза (ну, это тебя не касается...), — (там, видимо, идут комплименты — он продолжает читать Киму), — лучшее образование Ксаверия. Я, скромный Ваш слуга, желающий счастья Вам, Вашим женам (“что пишет этот язычник?” — это опять капеллан), ...и заявляю, что Вы будете получать соответственное количество рупий, назначенное Вами. Э... С самыми лучшими пожеланиями, да благословит Вас бодисатва и т.д.”, — что это, глупая шутка, или как?” — “Да нет, раз он сказал, что он будет присылать деньги, он их будет присылать”. — “Но откуда? Ведь все-таки это бродяга-нищий!” И в это время появляется глава секретной службы полковник Крейтон: “Падре, разве вы не видите, тут приложен чек. Чеки Гобинда Сахаи оплачиваются всюду немедленно, до Тибета и Китая включительно, — видно, что вы никогда не были в младших офицерах, — познакомьте меня с мальчиком”.

И происходит поразительная по трогательности сцена... Кима посылают на какой-то двуколке в эту самую школу Ксаверия; по пути он завязывает знакомство сначала с возчиком, потом переговаривается с девочками из соответствующих домов (они там перемигиваются), и наконец — вот они у ворот. И не успел возчик сообразить, в чем дело, как Ким выскакивает и целует

пыльные ноги ламы.

“Я здесь потому, — забормотал старик, — что просто хотел убедиться, что деньги, которые я вложил в тебя, истрачены правильно... Это не любовь... ты понимаешь... любовь это иллюзия и безумие (и все это с отточиями!)... Скажи, ты любишь меня?.. Тогда иди скорей, пока мое сердце не

разорвалось...” Ну кто мог написать такие вещи! Совершенно поразительно.

И конечно, любя его, я набрался храбрости и кое-что перевел. Я вам прочту одну вещь, которая как раз, по-моему, едва-ли переводилась; называется она так: “As Easy as A, B, C”. “Так просто, как ABC”. Написано до разных эпохальных событий. Вот оно:

Государствам дано ль вязать и решать
На небесах, как тут:
Что мудрей — нерожденных детей убить,
Иль практичней — когда подрастут?

Сей вопрос мудрецам на пайках канцелярских
Представляется важным вдвойне.
Но уж мы-то узнали, что Священное царство —
Лишь путь к Священной войне.

Управляет народом Господня рука
Или рев разнузданной глотки?
Что же быстрее — смерть от клинка,
Иль дешевле — баллотировкой?

Нам вопросы пришлось эти взять в оборот —
И теперь им не встать из гробов,
Ибо, как ни верти, но тотальный народ —
Лишь школа тотальных рабов.

Кто стремится подлогом, пусть под лучшим предлогом,
К низвержению Прав вековых,
Чье слово и дело лишь власть без предела —
Не должен остаться в живых.
Священный строй, Священный король иль Священный народ нам закон?
Один ответ — примирения нет. Пушки вперед, огонь!

*И повторяйте за мной:
Был народ на земле, с безумным вождем,
Что крикнул миру: назад!
Был народ на земле, террором рожден,
Переделавший землю в ад.
Но земля вздохнула и смяла их.
Погибшие, вам ли забыть!
Был народ на земле превыше всего —
Больше ему не быть!*

Смешно сказать, это написано всего лишь по поводу англо-бурской войны, а этот страшный диктатор всего лишь Крюгер. Но такова магия поэта. Это аберрация. Мы кидаем камень в воду, и от него идут все более увеличивающиеся круги. Киплинг умер в 1936 году, в твердом предчувствии, что наступает страшное мировое побоище. Попробую вспомнить...

*Не видно звезд, чтобы нас обмануть. А заря еще так далека. Идет давно предсказанный шторм.
Держитесь, буря близка!*

Что сказать о таком поэте! Что сказать о таком человеке!

Конечно, как прекрасно заметил Сомерсет Моэм, “писатели относились к нему со злобной и вполне оправданной завистью”. (*Еще бы, проверенное чувство!*)

И даже смерть его их не успокоила. Его похоронили в Вестминстере — где же еще! — “Король умер и уволок с собой своего патентованного трубача”, — написал кто-то. А другой выразился более человечески: “Для меня ушедший король (его хоронили в один день с Георгом VII) — это Киплинг”.

Пожалуй, лучше всего закончить (я, наверное, вас утомил) его словами. Дело в том, что он тоже написал свой вариант “Памятника”. В противоположность прочим — он короткий и сдержан: другая культура, другая психика.

“The Appeal” (“Призыв”, — этим обычно заканчивается каждый сборник стихов Киплинга).

*Когда доставил радость я
Тем, что для вас создал,
Меня оставьте, о друзья,
Велик я, или мал;
И в этот краткий, краткий срок,
Что доля всех живых,
Не жизнь моя вам даст урок,
А участь книг моих...*

Какой пример для каждого художника!..

Ну а сколькими аллюзиями наполнены его детские сказки, его “Маугли” — об этом и говорить нечего.

“Маугли посмотрел в глаза волкам, и тут он впервые увидел, как они его все ненавидят (помните, его выгоняют из стаи во время закрытого собрания волков). “ЗА ЧТО?” И Багира ему объясняет (кстати, Багира — это он): “А за то, что ты вынимал занозы из их лап,.. за то, что ты человек”. Маугли рыдает: “Я, кажется, умираю, Багира?” — “Нет, это только слезы. Теперь ты уже совсем человек”.

“Вас не утомило все это? ...Что? Врете, наверно...”

П.Бунин. “Портрет” (Суворова).

В звездах мундир — привычный наряд,
желчного смеха яд.

Старушечий взгляд — укол стальной,
хохолок петуший — седой.

“Глазомер,
быстрота,
натиск!”

Удача, — куда ни кинь.
“Хочет казаться глупым”,
Заметил однажды де Линь.¹

Твердый слуга порядка,
вот это сказать берусь...
“Власть менять? Слишком шатко”.
“Кровь сограждан — боюсь!”²

Не боялся.
В памяти цепкой
драгунов матерный рев,
степи, телега, клетка,³ —
царь Емельян Пугачев.
Умен был и скрытен немало,
хоть, казалось, шел напрямик...
Царица, та понимала, —
“Александр Васильич — шутник...”

Шутил.
Но знал себе цену. И с этого — не свернуть.
“Цезарь? Да, несомненно.
— Битый Фридрих? — отнюдь!”⁴
И многие страны в оные дни
запомнят из рода в род,
как промчится под гогот своей солдатни
страшный военный юрод.

Он будет молиться,
кричать петухом,
жрать солдатскую кашу,
чтоб сегодня ж послать в столицу рапорт:
“Ура! Варшава — наша!”⁵
И, славы любя слепящий свет,
среди жадно-завистливых взоров,
умная женщина бросит в ответ:
“Ура! Фельдмаршал Суворов!”⁵

Трупы детей, материнский крик,
Кинбурн, Туртукай и Прага...
Солдатский сапог и трехгранный штык
за твоим умом и отвагой.
Трах-та-та-тах, трах-та-та-тах!
Трах-та-та-тах, тах, тах, тах, тах!
Зарю играют Фанагорийцы...⁶
Спит, утомясь, петушок — кровопийца...

Но будут ссылка и вахт-парад, и не матушкин Санкт-Петербург.
И его солдаты пойдут в Сибирь, а кто поважней — в Шлиссельбург.
И в Кончанском ночью зардеет окно,
и в тяжком томленьи конца
он карту Италии прочь оттолкнет:
“Пора унять молодца”.⁷
И заплещет знамя с двухглавым орлом выше альпийских круч,
и русские горны зальются, хрипя, среди снегов, обвалов и туч.

Но здесь положен предел тщете: замкнулся Времени круг.
И над толпами пленных пронесся вдруг неведомый прежде испуг,
когда Массена, опершись на луку, оглядел ряды их, когда он бросил:
“Завтра — фельдмаршала. Прощайте, господа!”⁸
И тронул коня.
Кончался век. Кончалась побед пора.
И конвойный лансьер,⁹ засмеявшись, сказал:
— *Parole d'honneur — Souvara!*

Мысля о смерти всечасной, внемля Глаголу Времен,
стоял он торжественно - ясный в склепе, где спит Лаудон.¹⁰
И, долго читая готики вязь,
замолк Итальянский князь...
— Граф... Кавалер и прочее...
Сколько ненужных вздоров...
Помилуй Бог! покороче.
Хоть так: *здесь лежит Суворов.*

Примечания автора:

1. Известный вельможа и остроумец XVIII в., граф.
2. Мемуары Ермолова. Слова, сказанные Суворовым в ответ на предложение двинуть войска на Петербург при его отставке.
3. Суворовское изобретение.
4. Разговор с Ростопчинным.
5. Переписка: Суворов-Екатерина II.
6. Любимый полк Суворова.
7. Слова Суворова после первого итальянского похода Бонапарта.
8. Массена разбил корпус Римского-Корсакова, шедшего на соединение с Суворовым. Предполагалось, что Суворов также будет взят в плен.
9. Французский легкий кавалерист.
10. Австрийский фельдмаршал, высоко ценимый Суворовым.

О.Н.Каган. “Ходатайство” пенсионерок: БУНИНОЙ НИНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ и КАГАН ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ, прожив. Москва — А — 15, Нижняя Масловка, 2-ой Масловский тупик дом № 6 кв. 12

ХОДАТАЙСТВО.

Мы, (мать и дочь), просим Вашего содействия и поддержки по след. вопросу:

Из Былого (в Пицунде).
*... Сверкает солнце в темноте,
 Среди густых ветвей...
 А вот наш камень!
 Есть, где сесть, идем к нему скорей...
 И по песку — он жжет — быстреей,
 Бегу в морскую тишь,
 А ты на троне из камней
 Торжественно сидишь.
 Бегут спокойствия часы,
 Но их совсем не жаль,
 Лишь прозвонит полет осы,
 Да голубеет даль.
 Лишь ласточка крылом чертит
 У нас над головой,
 И ветер медленно шумит
 Реликтовой сосной.
 И бесконечный оком
 Исполнен полноты.
 Мне радость, мы опять вдвоем,
 Мне счастье — рядом ты...*

ЧАИ

— О.Н. дай чаю, пожалуйста! — “Опять чай!”

— Подстегивает, как ты говоришь. — “Подстегивает... но можно ли так наливать!” — Ну, знаешь ли, это ведь не надолго, и ты помнишь, — одень штаны! Вон и дядя в штанах!... — “Ха, ха, ха!... и тоже в мокрых!” — Ну, так что, — ступай. — “Это очень некрасиво, так говорить”. — Душенька, ну я ведь занят, ну дай же чаю! — “Дам, но ты меня не гони!” — Господи! Да где же я тебя

Мой сын (Буниной), а мой внук (Каган) — известный не только в СССР, но и за рубежом художник, мучается в пятиметровой комнатенке (мы живем в деревянном доме без водопровода, канализации и уборной) — и мучает невольно нас, больных людей, отсутствием условий для труда. Все отсылки в МОСХ (Моск. Союз художников) бесполезны... Там царит дух бездушия и талантливому (это общепризнано — см. многочисленные газетные и журнальные отзывы) — отвечают: “Подождите, потерпите”,

М.Ю.Лермонтов. “Фаталист”.

гоню?! Дай чаю! — “Ну, вот, крепкий, как ты любишь!” — Благодетельница наша! — “Но ты потом все-таки вспомни, что кроме чая существует и многое другое”. — А ты гуляла? — “Еще нет, да уже поздно!” — Все не поздно. Всего два часа. — “Пока то, се!” — Нет, ты это брось! А свежий воздух? Анна Афанасьевна! Помогите О.Н. одеться!

— “*Deus ex machina!*” (Одевается.)

— *Rahina!* Давай-ка я тебе подержу пальто. Вот. А ты говоришь долго. Теперь боты.

— “Ты меня не торопи. Не захочу — и не пойду! И что это у тебя за дурацкая привычка коверкать слова! У Бориса *двоюр. брат!* научился! Два дурака!” — Он же научный!

А. Аф.: “Ну, О.Н., пойдем!”

Под окном: А. Аф.: “Давайте сюда, О.Н. Вот так...”. Шествуют под окнами. Высовываюсь:

— Ну, разве плохо?

— “Я ничего не говорю! Закрой окно, простудишься!” (оггибают угол и выплывают во двор).

Через некоторое время усаживаются на скамейку и обрастают соседками. От удовольствия наливаю еще чашку.

ПЕРЕДЕЛКИНО

Лето. Мы сидим на откосе. Перед нами пологий склон, кустарник, вьется река, через нее мостки, дальше деревни, поля.

Гуляя, мы прошли довольно далеко. Сначала лесок, потом поляна (“отдохнем”, тут же подстилаю пиджак), опять дорога среди сосны (какая все-таки благодать!). И теперь сидим и долго отдыхаем. Солнечный день. А жили более чем скромно. Сарайчик. О.Н. — на единственном топчане. Нина и я — на мешках с сеном. И ничего — все трое спали отлично, ведь вокруг — сосновый лес. Я рисовал за столом, снаружи, или сидя на своей “кровати” — делал А. Франса, а в другое лето — сарайчик визави — Лермонтова и “Снежную королеву”.

Поздно. Рисую, она похрапывает — покой, потом сваливаюсь и я, выключив свет, подхожу к О.Н. и Нине *(Нина Григорьевна, моя матушка: была очень моложавая, и я с детства звал ее по имени; здесь и в дальнейшем)* — чтобы убедиться, что храпят обе. Маленькое окошко, за ним — ночь. Сон.

и проч., и т.п., несмотря на то, что художник — академик Шмаринов Д.А. еще в 1955 г. (председатель секции, членом которой Бунин состоит и куда обратился с заявлением) — написал свое мнение о необходимости предоставления художнику Павлу Бунину помещения для работы. Там даже умеют ответить: “У вас есть 3 метра...” (!!!) “Достаточно...”

Мы пишем об этом к тому, чтобы ясна была причина, в силу которой мы

Ж.-Б.Мольер. “Дон-Жуан”.

“GAUDEAMUS” (ЭХО ГЕЙДЕЛЬБЕРГА)

По радио — *Gaudeamus*; дедушка певал его студентом в Гейдельберге. О.Н. возбужденная идет на кухню (песня оттуда доносится бодро и хрипловато, но очень звучно):

— “*Post iucundam iuventutem, Post molestam senec tutem, nos Habe-e-bit hu-u-mus!*”

В окне — солнечные снопы света.

НЕРАЗРЫВНОСТЬ

— “Ты что-то места себе не находишь! Я вижу — туда, сюда...” — Да нет! Все хорошо! (подсаживаюсь) — Ты знаешь, твои халаты, — из них все еще сыпятся камешки (я стирал их в море, и камешки забивались в швы).

О.Н. (ворочая своей кутузовской шеей): “Да. Вот мы были там, а вот...” — Странно, правда? — “Ну...”

Я рассказываю ей об одной неприятности. О.Н. торжественно:

— “Людей *не* переделаешь. (Меняет тему) — Что это на тебе одета какая-то дрянь? Весь в сером — арестант какой-то!”

Нина:

— За-инь-ка се-рень-кий... — Да нет, я же тут возился... — “Ну и хватит! Сними эту...”

Светит лампа; мурлыкает радио; “за окнами шумит метель”. Потом, когда я уже ложусь спать, из их комнаты доносятся обрывки разговора; Нина:

— Ты знаешь, мама... у нас на работе... — “Ну!”

Заваливаясь с книгой, пребываю в каком-то нерасторжимом чувстве; и отчасти детство — значимость любой мелочи и счастье оттого, что они — рядом...

“Так начальник... и он мне сказал... Это... э”. — “Ладно! Тише. Пусть он заснет”. (Он и засыпает.)

МЫ ПРИКАЗЫВАЕМ ДРУГ ДРУГУ

— Вот это — выстирать! — “Опять! Вещь ни разу не надеванная”. — Послушай, откуда у тебя такое слово? — “Но как еще сказать?” — Ну, ни разу не... (мнусь). — “Вот видишь! Одевай!” — Нет,

вынуждены обращаться в районные организации и, в частности, в свою организацию (Райсобес) — для защиты своих интересов, ибо его интересы — наши насущные интересы.

Я, мать, Бунина Н.Г., страдаю в тяжелой форме гипертонией — 2-ая степень, имею 2-ую группу инвалидности. Мне, Каган О.Н., — 78 лет и возраст сам говорит за себя.

Живем мы в проходной комнате (12 кв.м.) — дело не столько в метраже, сколько

Венеция

Фридрих Прусский в молодости.

но посмотри — воротник... — “Ну, так одень другую... у тебя же их без конца...” — Вот как надо сказать — ни разу не ношенная — понятно? А не это дикое слово... поднахваталась! — “Иди, иди... не ношенная — я от этого не держу!” (Когда уйду, то вдогонку):

— “Да! И купи там этот — *норсульфа-зол*, ну и все...” — Давай рецепты, ах да — список (переписываю названия лекарств). О.Н. смеется: “Память девичья, иди, наконец!”

ALTE DEUTSHLAND

Работаю, мыча не очень ясный для меня мотив, пока он недвусмысленно не выкристаллизовывается в “*дойчланд, дойч-ланд /Германия – нем./, юбер аллес*”.

О.Н. и я:

— “*юбер аллес ин дер вельт!*” /*превыше всего в мире – нем./* О.Н.:

— “Да! А что ты думаешь — *лебен унд leben lassen!* /*жить и давать жить другим – нем./* Я помню, всюду он...” — Да постой, кто? — “Ну, Вильгельм, конечно... он так был изображен — с бакенами...” — Постой, так это, наверное, еще Вильгельм I? — “Ну, я не знаю, не помню, мы видели его на балконе...” — Ну, и что он? — “Ну, и ничего. Мы тогда жили в пансионе... Ах, Ленка Диамант! *Die hipsche Hungarien* /*прекрасная венгерка – нем./*, как ее называли... ты б видел — огненные глаза, черные локоны — огонь!...” — И жалею, что не видел... — “Хватит с тебя!” (Улыбается.)

Вовсе не требовалось постоянного разговора. Было достаточно, если мы слышали, как каждый из нас возился в своей комнате. Ну и, конечно, нет-нет да и подбежишь: с одним, с другим.

Я во время работы: “Солнце спряталось за тучи, стал сильнее мороз трескучий...” О.Н. (с напором): “Уж не слышен шум и гам, скрылись дети по домам...” (детское стихотворение, которое мы оба запомнили с моего 5-летнего возраста).

КАК СДЕЛАТЬ ВЫСТАВКУ

Конец января 68 г. О.Н. возлежит на диванчике у окна, я рядом, вечер. Идет совет.

— Выставка должна открыться через восемь дней. — “ТАК”.

в обстановке — наш сын и внук работает систематически не только днем, но и ночами — у художников это часто бывает, как из-за срочности заказов, так и по ходу творчества. Он работает в нашей комнате, так как у него, в пятиметровой, тесно и негде расположиться, с холстами, бумагой, красками и проч. Мастерская художника — это не цех, не контора предприятия или учреждения, а его жилье.

А так как он работает, т.е. — движется, жжет свет, нагромождает массу бумаги,

Валентин. (И.-В.Гете. "Фауст".)

— И вот: на это уйдет около пяти тысяч, может быть несколько больше. — "Сколько у нас всего?" — Шесть тысяч с хвостом. — "Значит".

— Значит, надеяться не на кого. Единственное — афиша будет напечатана не за мой счет. — "Уже нечто?"

— Да, это рублей пятьсот. Ну, не отказываться же! — "Нет. — (Очень твердо, не повышая голоса.) — Надо довести дело до конца". — Я ведь сделал, что мог. Я ведь предлагал еще столько месяцев назад.

— "Я помню. Что ты от них ждешь!" — Вот именно.

— "И пусть они увидят, что ты и без них справишься". — Но останемся на бобах. — "Как-нибудь".

— Ахнем все наши сбережения. — "Ничего. — (с усмешкой) — Ты помнишь — доктор Штокман: "Тот силен, кто силен один". /"Доктор Штокман" — пьеса Ибсена./ Справимся". — Правда, я думаю, удастся кое-что напечатать. — "Конечно! Не пропадем, как-нибудь!" — И подумай — это выйдет эффектно: и выставка и газеты. — "Ну, ты это любишь! Уж будешь носить". — Буду, конечно. Зато... — "Да. Но это жизнь".

— И так?

— "Трать. Без расхода — нет прихода!" /железное правило О.Н./

Мне до сих пор жутко вспомнить, как каждый день улетало по тысяче. /На водку стеклольщикам. Стекла и пр. достали они же; украли, конечно./ Выставка открылась вовремя. Был народ. Гриша /Г.С.Оганов — многолетний сотрудник "Комс. Правды", затем "Сов. Культуры"/ сказал вступительную речь. Мои воры тоже пришли — трезвые, принарядившиеся, кто-то даже с женой. Поздно вечером:

— Ну, как? — "Ну, не знаю, чего уж еще!"

— Но мы теперь — благородные нищие. — "Ничего, ничего! Образуется". /Речь идет о юбилейной Пушкинской выставке, организованной в клубе "Правда", — очень помог проф. Борис Грушин. Тогда — работник "Комс. Правды"/

И образовалось. Были две выставки уже не за мой счет: 1) Лит. музей, 2) Пушкинский; куплено, как нарочно, рисунков на потраченную сумму.

Подождите,
потерпите

большие и малые полотна, греет воду, запах краски и проч., то о сне нечего и помышлять. Между тем — мы — тяжелобольные люди, сами нуждаемся в уходе, покоя же нет ни днем, ни ночью.

Днем — все загромождено — приходит много людей — критики, рецензенты, журналисты, художники. Когда его нет — кто-то из нас должен показывать его работы, которые стоят и развешаны не только в наших комнатенках, но и в прихожей, и даже в

Бильо-Варени, член Комитета
Общественного Спасения.

— “Ну, видишь! Я сказала...” — И так оно и есть. О, ты мой светоч. — “Ну, ну”.

ДОРОГАЯ МАМЕНЬКА

Нина: “Мама, меня тут приглашает одна — на день рождения...” Я: “То-то будут светочи!”

Нина: “Я же ничего не говорю про твоих знакомых!” — Господи, да говори что угодно (провожу по ее плечу). Маменька тут же перестает волноваться и трогательно улыбается *!у матушки было страшное давление: результат ее работы уборщицей в особо “счастливое” время!*

— “Конечно, иди! И принеси ей что-нибудь, Павел!” — Да, да, конечно; вот золото.

Нина (очень довольна): “Так я пойду на “Правду”, посмотрю ей что-нибудь”. — “Будет много народа?”

Нина: “Да, все наши, начальник поздравлял. Он тоже будет...” — Начальник! — “Ну, что ты цепляешься, как еще сказать?” — Бонза, например... — “Ну, этому конца не будет. Нина! — иди и хорошенько повеселись”. (Зажав денгу в руке, в шубке, Нина отправляется.)

— Вот и хорошо, она отвлечется... (Нина, оборачиваясь): “Чего мне отвлекаться, но все идут и...”

!Господи, да я же не к тому, просто радуюсь!

— “Иди, иди, а то “Правду” закроют!”

Нина: “Я, может быть, задержусь...”

— Конечно. Только не бей стекла и не пой... (Все смеемся. Нина уходит.)

— “У милых хозяев, простых, без затей — есть милая девочка Нина! Любимица общая наших детей, сегодня у ней — именины!” — Что это?

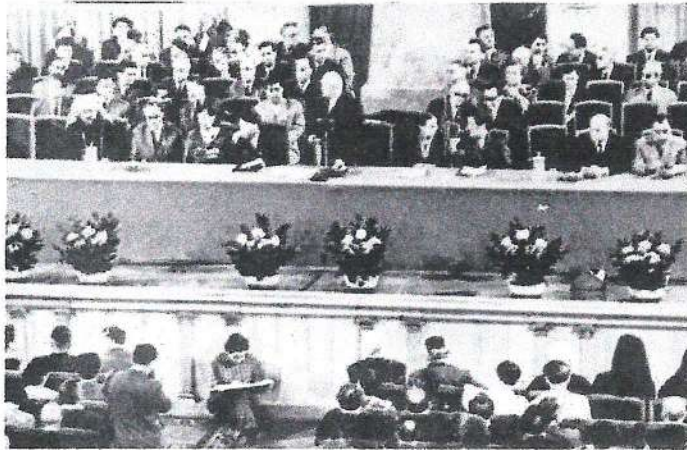
(Не слушая):

— “Какая это была девочка! Ты знаешь, она болела, и пришлось ей вымазать лицо ихтиолом, и доктор сказал — красавица-креолка, а эти губы так и просятся на поцелуй. *Эта* в девках не засидится! (растроганно улыбается), — была такая забавная, — (затем продолжает): — Вхожу в классную — за партой сидят девочки, Нина у доски и диктует: ту-и-ца! Написали? Это курица...”. — Прелесть какая! А стихи?

кухне.

Достаточно сказать, что здесь побывали такие люди, как академики Шмаринов, Соколов-Скаля, писатель К.И. Чуковский, представители прессы (“Комсомольская Правда”, “Московский Комсомолец” и мн. др.), дававшие отзывы о его работах...

Такой факт вообще является полной дискредитацией — не так бедно наше государство, чтобы нельзя было создать мало-мальски приличные условия для молодого,

А.С.Пушкин. “Борис Годунов”.

— “Стихи. Мы были на даче и праздновали ее день рождения, и Гершуни /Геришуни — один из самых известных террористов/ (ах, как он был элегантен — бородка, всегда подтянут...) — прочел эти стихи... У милых хозяев...” (Положение таково, что мы оба можем вот-вот раскиснуть, и я спешу):

— Наверно, он не был монахом, как ты думаешь? (Это я удачно — О.Н. смеется):

— “Вот именно! Когда он собирался в город, кто-то спросил — что он там будет делать? — “Псалтырь читать!” Да... все это было, было!..”

— Ты знаешь, тебе бы с ней сходить куда-нибудь: в гости, в кино... Сама рассеешься.

— “Мне нечего сеяться. Сходим. Пусть Нюра достанет билеты”. — Пускай!

— “Пушай” — поправил жандарм” (О.Н. любит эту цитату из Чехова и всегда ей смеется).

Было так странно и трогательно слышать, как хрупкая женщина с седыми (если я не вспоминал про восстановитель) волосами говорит, обращаясь к О.Н.: “Мама”. Тут же вспоминаю Володю /Белянина, моего друга по МСХШ. Насколько могу судить, по одаренности он был близок к гениальности. Его натюрморты были недалеко от Шардена; у него тоже не сложилась жизнь./, его слова обо мне:

— “Как чудесно быть внуком”. Я был тогда счастлив и, безусловно, понимал это, постоянно чувствовал. Не потому ли, что не зарабатывал? Да нет, зарабатывал, но как-то без ожесточенности, все это было походя, — был ДОМ — вот главное — Нерушимая Стена.

О ПОЛИТИКЕ

— “Ну, что они там?”

— Ну, ты же видишь — все в порядке! — “И отлично! Ну, а что этот, ну, ты знаешь?..” — Накрылся, сукин сын!

— “И скатертью дорога!”

О ФОРСАЙТАХ

О.Н. (читает):

— “Ты, Дарти — предел всему!” — (смеется) — Ну и молодец! Пожил себе в свое удовольствие! А как они все оберегают этого Тимоти...” — Тимоти, О.Н. — “Да; консоли падают”.

растущего художника. Из-за напряженной переработки в невозможных условиях он освобожден Райвоенкоматом от военной службы — в мирное время совсем, в военное признан годным лишь к нестроевой службе (сильнейшая степень истощения центральной нервной системы).

Я, бабушка, воспитавшая художника, — старый педагог, и покойный муж мой также был народным учителем с сорокалетним стажем. Я полагаю, что мы заслужили

Тург. Франция. ("93 год" — с натуры.)

О.Н.! А что такое консоли?

— "Ну, акции, наверное. — (Продолжает читать. Она сидит на тахте, перед ней круглый стол и на нем книга. Сидит она особым образом: руки не на книге, а на коленях). — Не хочется отрываться!" — Так и не отрывайся. — "Нет, кое-что на кухне..." — Успеется.

Звонок, — это Маруся /*Мария Григорьевна Михалевская, старшая дочь О.Н., моя тетка, адвокат*/. О.Н. (разговаривает по телефону):

"Ты знаешь, Маруся, а мы тут перечитываем "Форсайтов" — какая книга!" (Та отвечает, по-видимому, в том роде, что делать нам нечего.) — "Нет, отчего! Павел тоже. Мы с ним делимся впечатлениями". (Говорит не без гордости; Маруся это замечает и рассказывает Борису. /*Борис Н. Михалевский, был на пути к превращению в одного из крупных ученых. Мой двоюродный брат. Однокашник Карла Сванидзе и Натана Эйдельмана*./ Тот потом очень часто повторяет: "Впечатления!").

ЭТО ЖИЗНЬ

— "На прощанье шаль с каймою ты на МНЕ узлом свяжи..." (кладет руку на сердце).

— Ты что? — "То! Сэрце щемит..." — Ну сядь, вот сюда... ничего... а что ты сегодня делала? — "Да ничего такого... по дому... это незаметно, но..." — Еще как заметно! Дом сияет — уют!

О.Н. (довольна): "Видишь ли... забыла — тебе тут звонили..." — Успеется! (Мы сидим рядом.)

— "Но, может быть, деловой звонок..." — И опять-таки, *мейле лобойдется* - идиш!... обождут. (Это ей тоже приятно и мы продолжаем разговор.) Я:

— И посуда — я там видел на кухне — блестит! — "Ну, это уже Ньюра..." — Но как ты ее заставила? — "Так (смеется), — видишь ли, к людям нужен подход... не так, как Маруся — дай! Принеси!" — Ну, ты-то. — "Я-то... (Усмехается опять.) Ну, хватит об этой ерунде! Что у тебя?"

Я докладываю, а О.Н. одобрительно кивает *а ля* китайский болванчик, о чем ей немедленно и сообщается; она вновь смеется и вручает мне телефон; действительно, звонок деловой, и, пока я говорю, она внимательно и с интересом слушает.

Когда кладу трубку: "Ну, насколько я понимаю — парад". — Что поделаешь! Ты ж видишь? — "Очень хорошо — это жизнь. Иди! Деньги проверь в кармане".

Подожгите,
потеряйте

большого внимания, чем БЕЗДУШНЫЕ ОТПИСКИ,

Тем более, что моя старшая дочь, растерявшись в условиях военного времени и после гибели мужа, СДАЛА ДОБРОВОЛЬНО В РАЙСОВЕТ НАШУ ОБЩЮЮ С НЕЙ КВАРТИРУ РАЗМЕРОМ В 70 кв.м. (Вятская улица, д. №35, кв.9). Этот факт хорошо известен бывшему в то время Предрайсовета — тов. Куксину, а также общественнице района, работнику Дома Культуры Окт. р-на — т. Полетаевой, которой в то время

А.С.Пушкин. "Каменный гость".

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Едем на поезде из Переделкина в Москву. О.Н. в голубом плаще, лицо красно-бронзовое, глаза блестят. — Станция Востряково!

О.Н.: "Вот здесь..." (Приготавливается опустить торжественную, ясно какую сентенцию.)

— Ты бы все-таки заткнула свою пасть, а? (Торжественность исчезла, но еще задумчиво): "Востряково!"

— Вижу тебя насквозь, прекрати!... К свиньям собачьим!...

(Бодро-буднично): "Ну, ладно! Так мы уже подъезжаем, давай собираться!" — А вот все сойдут, и мы тогда, не торопясь! — "Ну, а как мы там?" — Где это там? — "Ну, в Москве..." — На машине, конечно! — "Ох-хо-хо-хо!". (И она удовлетворенно оглядывается — короткий, тоже загоревший нос, крупные энергичные морщины у живых глаз, довольно красный мягкий рот, загоревшие руки, в них зонтик и авоська, свисающая почти до земли.)

И вот мы на перроне. "Ну! Тут уже Москва!" — Чувствуешь разницу? — "Ну, как ты думаешь? Осторожней! Сейчас..." (это мы подходим к лестнице). Спустившись в пестроте и сутолоке, останавливаемся у известного заведения. — О.Н.! Может быть, ты?.. — "Доберемся до дому — там видно будет". (И мы в машине.) — Приедем, Нина еще на работе. — "Вот ей будет сюрприз..."

ПОСЛЕ КОМАНДИРОВКИ

— "Ну, наконец! Набегался! Ну, где ты был?... Садись... садись... Нюра, возьмите у него, дайте ему чаю... Ну, что ты?" — Ты знаешь, вот всего сутки не был, а как будто... — "А мне тут какво! Одна как перст!" — Позволь, позволь... Но ведь ей было сказано, быть с тобой, так... — "Нет, выше всяких похвал! Но..." — То-то и оно! (И смотрим друг на друга и смеемся от радости.)

Тут я иду к себе в комнату и заваливаюсь с книгой. То-то и хорошо, что можно и просто помолчать: лишь атмосфера дома — и шабаш! Об этом и говорить не надо! Она грубо заходит и, грузно подволочив к моей раскладушке кресло, ахается в него. Еще минут через 10, как ни стараюсь — книга валится.

— "Да не мучай ты себя!" — Да, ты знаешь, я... — "Валяй, валяй!"

поручались обследования жилищных условий нашей семьи, создавшиеся после войны.

О творчестве Павла Бунина неоднократно писала наша и зарубежная пресса. Достаточно отметить, что статьи о Бунине публиковались в "Комсомольской Правде", в "Московском Комсомольце", в "Советской Культуре", в журнале "Культура и жизнь", издаваемом на 7 иностранных языках. Неоднократно помещает рисунки Бунина журнал "Советский Союз", издаваемый на 14 языках. Статьи о Бунине и его рисунки

Греческий мальчика.

Засыпая, я еще вижу, что она сидит, даже как будто и не глядя на меня. Но минут через 10 сквозь сон слышу музыку Штрауса — "о, как я люблю вас, в то утро сказали вы мне..."

— "Ну да, это было в "Большом вальсе". — Ты помнишь? Мамонтовка, лето...

— "Дедушка, Нина... спит!"

Интересно бы знать, в чем была ее мощь? Необоримость духа, жизнелюбие, мажор, отсутствие нытья, энергия, ум, спокойное чувство избранности даже на кухне при мытье посуды, — что говорить! Откуда это? М. говорила, что первая половина жизни была легка, и потому... Глупости это; мало ли у кого это было, а превращалось в трупки (в "трапки").

Я-то знаю, на кого она похожа, но это только сравнение, а не объяснение. Да и не всегда ей было легче, даже и сначала: семейные обстоятельства (когда мой прадед прогорел: "только, чтобы мама не узнала!" — говаривал он, и его ранняя смерть...) — что говорить. Нет уж, такова она — и все! Спокойствие! Мужество! Я совершенно уверен, что она загородила бы меня от пули (как и я ее) — и не доброта это даже, не знаю... Как она сидела в Хосте на берегу моря... Вот повторяю, как попугай: я был счастлив — но я это понимал, так что подлое — "что имеем, не храним" — это не вполне ко мне, нет, но потерявши —...

ГАГРЫ

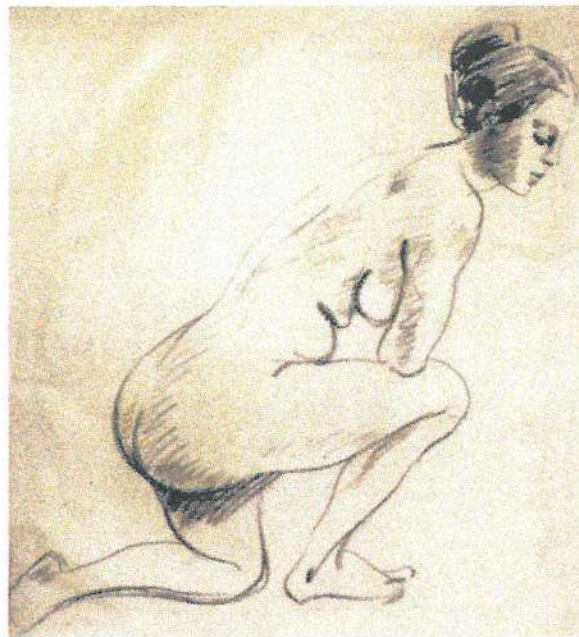
И вот на берегу, недалеко от лестницы, маленькая, по сравнению со всем этим, плотная фигура — вот, поворачиваясь и направо и налево, глаза добегают до нее, и точка. Все это она для меня уравнивает. Представить на секунду, что она там не сидит? НИ ЗА ЧТО! И, возмущенный, — в море! Вон, сидит. Ага — махнула рукой. Так. Обратно, стало быть... вот — берег, горячие камни, ложусь, открываю книгу, а уж потом и я ей машу рукой, что значит, все в порядке, что все как обычно. Этакая дурацкая мысль — неправдоподобная, главное! Я, смеясь над ее абсурдностью, бегу к О.Н. по каменной лестнице. Ну, — вот и я! Ты не пересидела на солнце? Халат в клетку, зонтик — и так будет всегда.

многочисленно публиковались как в странах народной демократии, так и в капиталистических странах (Англия, Франция, Япония, Румыния, Китай, Аргентина, Уругвай, Венгрия, Бирма и т.д.).

Бунин сотрудничает в целом ряде редакций и издательств, как-то: "Молодая Гвардия", "Московский Рабочий", "Смена", "Работница", "Огонек", "Москва", и мн. др. Только что открылась выставка его работ в Лондоне, организованная обществом

За мольбертом Никита Кривов

На скамейке, среди баб. Разговор не слышен, а видно следующее: сидит, не двигаясь, небрежно свесив ноги (от щиколотки до колен даже, пожалуй, худые); коричневые чулки, туфли; и также небрежно брошены на колени руки — загорелые, полные; кисти угловатые, со складками-ямками на локтях, красновато-бронзового цвета. Голова несколько втянута в круглые плечи и одновременно выставлена вперед; глаза любопытно поблескивают, и она иногда поглядывает по сторонам. Потом поднимается и энергичной, немного ныряющей походкой идет к дому, поправляя от ветра характерно, изгибом, закрывающую справа лоб прядь волос. Когда она проходит под окном, я высовываюсь и вопрошаю:

— Уже домой? — "Да! Хорошенького понемножку. Надо посмотреть, что ты..." (И вот она уже в дверях, и вот — на стуле): "Ну, наслушалась!" (мясистые руки, в особых крапинках загара, опять на коленях, на этот раз опираясь).

Вот что было удивительно и трогательно. Видя, как я после бритья вытираю физию кремом, тоже берет крем и массирует лицо: ей сильно за 80 — лицо действительно розовеет, и она, несколько не смущаясь, весело на меня поглядывает. — "Ну, ты доволен? Так и я довольна!"

"ЗАСТОЛЬНАЯ" (БЕТХОВЕН)

— Пуу-сть светится лю-би-мый взгляд огнями хру-у-у-ста-ля! — "Пусть светится!" (прозаически).

— Послушай, у тебя какая-то злостная привычка перебивать меня... (Смеется): "Пой, ласточка, пой!"

Оба: — Нам будет Бэтси песни петь, а Дженни танцевать!

— "Я люблю, когда ты это поешь; вспоминаю старое время. Да..."

За окном вечер, и действительно шумит метель; приходит Гелька. Нина и О.Н., улыбаясь, рассаживаются по диванам; мы с Гелием сидим за круглым столом и читаем Гумилева. Гелий:

— Я была женой могучего вождя...

Я:

— Твое дело! (Нина и О.Н. хохочут. Мы оба — тоже.)

Положите,
поверните

“СССР — Великобритания”, членом которого он состоит. Пушкинским музеем при Государственном Эрмитаже (Ленинград) приобретены 12 его вещей.

Достаточно указать на то обстоятельство, что когда представители иностранной прессы (журналисты, критики, рецензенты) желают ознакомиться с творчеством Бунина, приходится нанимать грузовик для перевозки картин в выставочные залы ВОКС, и в голубой зал “Комсомолки” и т.п., так как Бунину не представляется возможным показать

М.Ю.Лермонтов (лирика).

ТЕКУЩЕЕ

— “Опять ночные бдения! Ты помнишь — Добросердов /преподаватель в МСХШ — милый и добрый/ мне сказал — передайте Павлуше, что я тоже так поступал и потом очень болел”. — Но ведь работа идет! — “Да это-то я понимаю, конечно. Ну, ничего. Потом отоспишься!” — Конечно! — “Но все-таки пусть это не превратится в систему” — Ну, что ты! Просто — надо уже с плеч долой, а там!... — “Так ты это помни!”

— “... Конечно, очень много значит СИСТЕМА: НАДО — значит НАДО!..” — Ну, а усталость?

— “Это, конечно, тоже, но нужна мера, а то разом густо — разом...”

Проходя киоск, я еще не вижу, но чувствую — О.Н. в толпе. Вот, мелькает часть ее головы в косынке; она энергично вылезает из очереди и, несколько покачиваясь, двигается по тротуару, волоча сумку почти на уровне земли.

— “Ох! Дай-ка я”... (О.Н. с силой валится в кресло.) Я:

— Ну да... но ведь столько наворотила!

(Речь идет о хозяйственной деятельности: они с Нюрой целый день наводили блеск, так что усталость более чем понятна.) О.Н., думая о своем, роняет рассеянно:

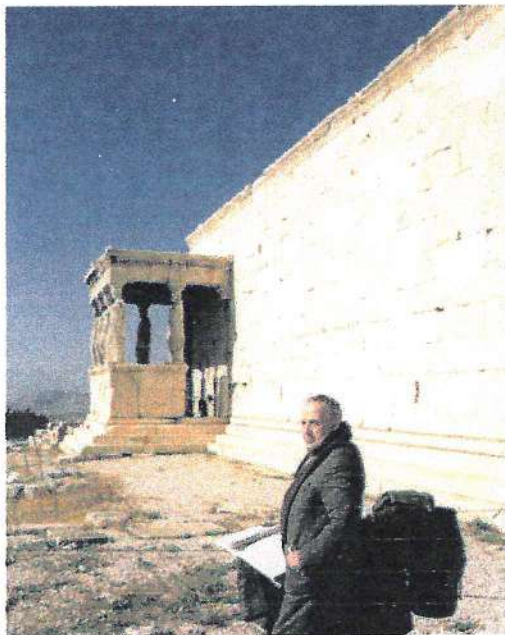
“Я такая... я ВСЕ могу...”

О.Н. И ТУЗЕМЦЫ

О.Н. размышляет: “... Мне нравится, как это у них...” — Ты о чем? — “Поминки. Не вешать носа; ты видишь: собрались, сели...” — Водочка... (Не моргнув): “И правильно... жизнь продолжается...” (Врывается песня — “...и трижды плюнем через левое плечо!” Я: Поминальная. О.Н. сердится: “Дурацкая какая-то... (повторяет) трижды плюну... черт их знает... хотя (смеется)... если им нравится!” — Чем слушать всякую ерунду, шла бы лучше со мной погулять. — “Погулять. Ну что ж!

кому-либо из авторитетных лиц тот факт, что преуспевающий советский художник находится в подобных условиях.

50 его работ посланы в БРЮССЕЛЬ — “Обществом Советско-Бельгийской дружбы”. Бунин является участником выставки — Международной — во время VI-го Всемирного Фестиваля в Москве, и эти работы были также отмечены и репродуцированы (воспроизведены) в журналах “Смена” и “Культура и жизнь”.

И.-В.Герасим. “Фауст”.

Можно” — Потому что, ты видишь — погода... — То-то!

ПОСЛЕ ВЫСТАВКИ

Я жалуясь О.Н. на какого-то редакционного хама. О.Н.:

— “Чего ты хочешь — хам, он и есть хам”

— Если бы я знал раньше...

— (О.Н., торжественно): “Если бы молодость знала, если бы старость могла!” /Она это произносит по-французски./

— А знаешь ли, тебе это не подходит.

— “Подходит или нет, но это правда. Кстати, тебе *эта* звонила...” — Эта? — А почему не та? — “Тех много!” — Но мне кажется... — “Так вот, тебе это только кажется!” Тиль (наш знакомый, заливчатски):

— “Эх, между мною и тобою ниточка завяжется!” — Избавь меня от своей пошлятины, Тиль.

— “Не обращайтесь на него внимания, А.М.”. Тиль:

— “Будьте спокойны, О.Н.. Но нам, кажется обещали чай?” Я. — Подождешь. Он будет — но во благовремении.

Тиль: “И сколько оно продлится?”

О.Н. (смеется): “Оно уже пришло, пожалуйста к столу. Эй, Ньюра!” (звонит телефон, но всем лень шевелиться — мы пришли с выставки). О.Н. (небрежно):

— “Твой телефон!...” Я:

— Мне никогда не тесен... Тиль: “Твой телефон, я бы сказал, я убрала цветами”. (Телефон, между тем, продолжает заходиться.) О.Н.:

— “Ну возьми его, наконец!” — Не возьму, он что-то очень нахален (телефон продолжает звонить). Тиль, наконец, не выдерживает, снимает трубку:

— “Да?” (Это Г.) О.Н.:

— “Ну зови и его”. Я (в трубку): — Заходи. (Трубка негодует):

— “Ты почему не снимал? Зажрался? Сейчас зайду”. (Г. появляется с авоськой, набитой пивными бутылками. Хмурясь и улыбаясь, он вопрошает):

Необходимо отметить, что Павел Бунин работает творчески с 1948-го г., — со студенческой скамьи, что выпущен ряд книг с его иллюстрациями (Бальзак, Гюго, Пушкин и др.), — в одном издании Андерсена (“Сказки и истории”) — 250 его рисунков, в недалеком будущем будет выпущено новое издание сочинений Анатоля Франса с иллюстрациями Бунина.

Напоминаем, что и ряд советских законов стоит на страже интересов молодых

Афины

Вена. Собор св. Стефана.

— “Ты что же, такая гада, а? А я вот для О.Н...” (и ставит перенесенное сокровище на стол). Мы все одновременно, причем О.Н., конечно, первая:

— *O, malzait!* — *Sehr gut!* — *Wollen wir noch einmal!* — *Herrlich!*

О.Н. (сияя): “Вот это подарок! Ну, кто из вас еще додумался, а? Спасибо, Г.!” (Семье О.Н. когда-то принадлежал пивной завод.)

ТРОСТЬ

После прогулки по асфальтированным дорожкам около дома отдыха — там повсюду скамеечки, и О.Н. может присаживаться:

— “Ты знаешь, все в восторге от этой трости (трость — действительно: из испанского камыша, с набалдашником слоновой кости в виде детской головки)! Ты знаешь, она похожа на меня!” — Ну, вот, видишь! А ты не хотела! Вечером на трех, и все такое...

— “Нет, ничего... она, действительно, очень изящна!” (рассматривает с удовольствием трость).

“ЗУБЫ НА ПОЛКЕ”

— Душа моя, что ты так ищешь? — “Зубы... понимаешь, когда спала...” — Господи, да клади ты их на полку, чего проще? Вот они! Держи! — “Ага! Дай сюда! — (погружает их в стакан) — Ну все! Ты свободен!” (смеется). — *Рад стараться ваше пр-во!* — “Иди, иди!”

— О.Н.! Душенька! Что у нас есть из еды? — “Ну что? Все есть... (садится). Ну, а что бы ты хотел?” Я (задумываясь):

— Ну что, что? О.Н. (на мгновение впадая в энергично-пародийный тон зазывалы):

— “Во-первых!” — А во-вторых? О.Н. (раздумывая о своем):

— “А во-вторых... ну, что? Твой любимый творог — раз! Ну я не знаю, котлеты с яичницей; ну можно еще с картошкой...” — Ох! (О.Н. с полным спокойствием, не двигаясь):

— “Надо себя до этого доводить. ...Ну, так *альзо*”. — *Альзо гут!* Да, а пойло?

Подожгите,
потерпите

талантов, и только люди, от которых сие дело зависит, не применяют их и не руководствуются ими, а напротив, — извращают, как это и имеет место во многих отдельных случаях.

(1) Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2.28.1930г.

(2) Добавления, распространяющие это право на художников и скульпторов — пост. СНК СССР от 4.2.1935г., пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1935г.

Кельнер. Вена.

— “Ну, а с пойлом сегодня ол-райт”. — Да? А что? — “Ну, Ньюра там накупила. Словом!... Я знаю... апельсиновая вода... потом, ты хотел портвейн...”

— Что это она? — “Проявила инициативу. Говорит, придет усталый и, конечно, закричит — жрать!” — А откуда у нее случилось злато? — “Оттуда. Ну, я дала, конечно”. — Так что? — “Ну, так что?” — Знаешь что — давай все!

ХЛЕБНИКОВО (“КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ”)

Мы в Хлебникове, на даче у Дмитриевны. 62 год. Вечер жаркого дня; мы сидим на скамеечке около канала. На той стороне загораются огоньки. Небо из сиреневого становится темным; теплый вечер. По каналу проплывают время от времени корабли — тоже освещенные, доносится музыка.

— Послушай, как хорошо! А?

— “Да. Смотри, какой большой (это о пассажирском корабле)... Вообще, чудный день!”

— Но, пожалуй, пойдем, — темнеет, там эти ступеньки... — “Да. Ты иди — я тебя догоню”.

Дело понятное, и я отхожу, но не далеко. Через несколько минут вижу ее силуэт на темнеющем небе. — “Павел!”

— Здесь, здесь, бери меня под руку, нет, — но, а? Какая благодать! (оба стоим и пропитываемся вечерним воздухом и теплым ветром). — Смотри! Поезд идет! (Едет, поблескивая огоньками окон, поезд.) — “Где?”

(Оба смотрим, еще темнеет.) — Ну, все-таки пойдем!

Идем. Высокие травы шуршат и задевают ноги.

— Ну, вот и ступеньки! Осторожно!

— “Ага! Сейчас-те! А(х), а, а, а, а... ну, кажется, все!” — Ну, еще не все! Вот наш дом! — “Ну, это уж дело другое, сейчас будем пить чай!” — Послушай, пойдем завтра на канал с утра? Посмотришь, как твой внук плавает... — “Посмотрим”. (Вдруг смеется.) — Ты чего?

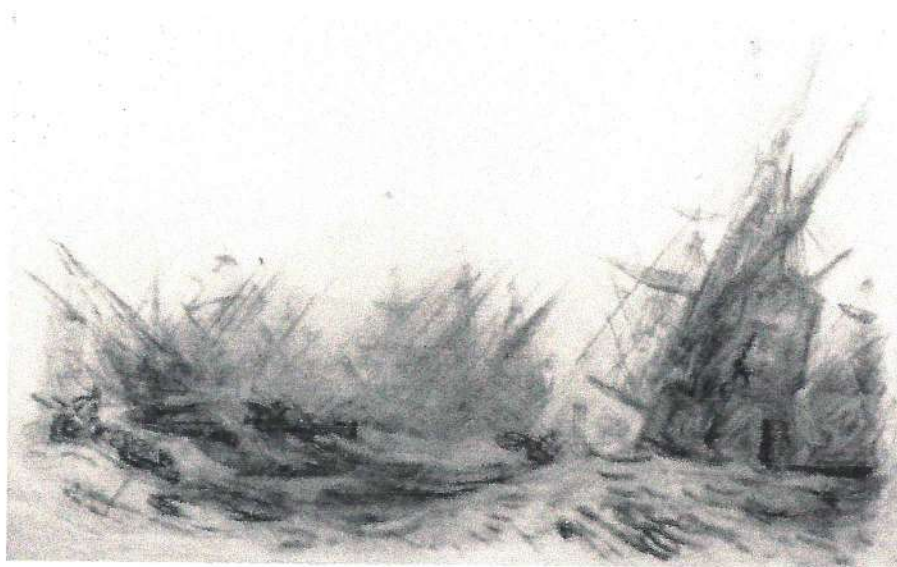
— “Наша дуреха: “Павел Львович интересный, но не денежный”. Ха, ха, ха!”

— Какое, собственно, ее собачье дело?

(Похохатывая): “Это она прикидывает, годишься ты в женихи или нет... Где сухоручка?” (это о знакомом). — Завтра приедет. Ну и как? Не подхожу? — “Не подходишь и вшистка!”

По силе сказанного, — просим поддержать наше ходатайство там, где это следует, о постановке Бунина на учет для предоставления ему и его семье в СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ.

7/IX 1958 г. О. Каган-Бунина

— Что делать! Обойдемся как-нибудь! Балда все-таки!...

— “Ну, *хапнуть!* Мы уже пришли... но, ты знаешь, она довольно безобидная...”

— Это-то так... Ну, вот и терраса. Знаешь что, — ты тут присядь на минуту, а я зажгу свет; чай и прочее... — “Но ты не оставляй меня здесь, а то я буду сидеть, как дура”.

Дмитриевна: “С прогулки. И я с вами посижу!” Я: — Очень хорошо. О.Н., вот ты и не одна.

— “Я ничего не говорю! Но ты все-таки не очень возись. Ну, О.Д., — да, что у вас тут?”

Включаю плитку, разбираю кровать и минут на 10 (чай согревается, а они там поговорят) укладываюсь с книгой. Покой.

Завтра — длинный, длинный свободный день.

С утра сбегая по ступенькам террасы, а в глубине огромного участка — гамак. И вот туда-то я и двигаюсь, прихватив кучу книг. Усевшись и покачиваясь, поглядываю на дом. Он освещен солнцем, и в окне время от времени мелькает в зеленом халате О.Н. Затем она выползает на ступеньки крыльца перед застекленной террасой, озирается и спускается в сад — поскольку он сильно зарос, то только иногда я вижу среди зелени шляпу с искусственными цветами (андерсеновский персонаж — О.Д.) и нечто светло-зеленое — халат О.Н.

А мне и достаточно, тем более что иногда доносятся и голоса, и смех.

Через несколько минут “красивая жизнь” развернется дальше...

— О.Н.! Я пойду часа на два, на три на пляж. Смотри, какое солнце!

— “Но не перегревайся там!”

После этого иду на станцию и мгновенно — поезда-то частые — в Москве. Там — сначала на квартиру; так приятно: она тиха и пуста, а ты свободен и как бы инкогнито.

Ну, газеты, кое-какие письма, позвоню по телефону тому, другому. Потом еду на работу к Н.С. — просто так, хочется повидаться, перекинуться словом, ну и пригласить на дачу — придет, очень хорошо; и теперь, после этой приятной и, разумеется, пустопорожне-деятельной прогулки — обратно на дачу.

Вот и она — как и не уходил (и даже О.Н. по-прежнему подремывает), очень странное чувство. — Ну, вот и я...

О. С. Ивашев-Мусатов. “Павел Бунин в школе и дома”.

Чего-чего ни услышишь на уроке в школе — слушать надо. И я слушал.

“Бунин — к доске”. Идет урок химии. Мы только что приехали из Башкирии, где были в эвакуации всей школой. Это поздняя осень 1943г., и мы числимся в восьмом классе. Но по химии у нас самое начало (война, эвакуация). Физико-химический класс с огромным столом на возвышении вдоль доски. В его торце, спиной к окну, сидит

В. Гюго. “93 год”.

(Сквозь сон): “Ну, ты что? Назагорался?”

(Лицемерно): — Да нет, ты знаешь — пойду опять, но просто зашел тебя предупредить, что хочу еще задержаться... — “Ну, и задержись! Кто тебе мешает!”

Она уютно пригелась под солнцем, которое прямо-таки бьет в окно; раскраснелась, разумеется.

— Да, чтоб не забыть. Знаешь, на днях (час назад) встретил эту паскуду из домоуправления, грозит — платите, или...

(Миролюбиво): “Дрянь поханая! Ну, все-таки надо, чтобы ты...”

— Да ничего, буду в городе — заплачу. — “Ну так иди! Мы к вечеру с Дмитриевной тоже выползем...” — Вот и отлично — на обычную скамейку; так я и подойду.

(Выдерживая вранье до конца): — Да, я вот почему вернулся (действительно, времени на мой побег ушло мало — что-то около 2-х часов, не больше): хотел взять еще вот эту книгу (беру книгу).

О.Н. уже опять спит, а потому, прихватив плед и сняв сандалии, уже на самом деле ухожу на канал.

Часа 4 дня. Солнце жарит, но несколько смягченно, предвечерне. Теперь, после электричек и прочего, как-то особенно приятно растянуться у воды. Значит так: вот тот берег, вот проплывает корабль, шумят в темной волне купающиеся, О.Н. на даче, сама дача мин. в 5-7, дома стоит пустая квартира, Н.С. еще на работе; рядом — как это все странно! — над откосом появляется Г., и, конечно, мы сразу замечаем друг друга.

— “Ага, ты здесь?” — Каким образом? — “О.Н. сказала”. (Начинает рассупониваться.)

— Что она там? — “Ничего. Пьет чай с какой-то смешной, наверно, хозяйкой”. — Так-с! Ну лезем в воду?

— “Погоди! Вот растелешусь, поговорим, подумаем”.

Солнце продолжает двигаться. Все-таки лезем в воду. Мимо плывет пассажирский корабль с мало понятным и почему-то мало приятным названием “Комарно”.

— Ну-ка, давай поторопимся: будет волна — блаженство.

Подплываем почти вплотную — видны лица; брызгаю в окна, но там настроены миролюбиво, и только раздается визг и смех.

Николай Августович (наш директор почему-то пришел на урок). Химик и для нас новый (вместе со своей наукой) и мы ему совершенно незнакомы (иначе бы он не решился на столь опасный в присутствии директора эксперимент — “Бунин — к доске”). Он сидит рядом с директором (но спиной к доске, в пол-оборота), поглядывает на ответ — формулы, возникающие на доске, и постепенно начинает загораживаться от Н.А. рукой, дабы по выражению лица педагога директор не догадался о той фантазмагории, которую

Житель Вены (смотрит, как я Л.Б./рисую его дочь).

Г. (похохатывая): “Дождешься, что тебе переломят голову бутылкой”.

Начинается волна, и мы оба качаемся, как поплавки. “Чертово корыто! А представляешь — взять его на абордаж. Эй, на “Комарно”... Стой!”

Идея нравится, Г. повторяет: “Эй, на “Комарно”...”

И мы направляемся к берегу.

“Хорошо живешь, буржуй!” — А ты знаешь и не дорого, и близко от Москвы, и эта благодать. — “Ну, а что за спешка?” — Да. Я ведь тебе говорил — абонемент — “Процесс О.Уайльда”! Это как?

Гелий мрачно, но с плохо скрытым удовольствием: “Когда?”

— Завтра, в 13 часов. — “Где?” — Дом писателей — побоище было! — “Понятно! Красивая жизнь! Кто еще будет?” — О.Н., ты и я.

— “Ты ее потащишь в такую жару!” — Ну, знаешь — зато!

— “Ну, а я не могу, братец, — работа!” — С прибором на твою работу, ты что, улизнуть не можешь?

— “Можно-то можно! Ну, где встречаемся?” — Савеловский, у такси, в 11.

— “Т-а-а-к! Постарайтесь не опоздать по обыкновению. Да! Я обещал О.Н., что мы не задержимся: будем гонять чай”.

Со вкусом обсушившись и еще погревшись на солнце, поднимаемся, наконец, и идем домой.

О.Н. (еще издали и улыбаясь): “Ну, нашли друг друга!”

На следующий день мы, все вычищенные, в приподнятом настроении (хотя Г. для порядка время от времени хмурится) садимся в машину (причем Г. галантно подсаживает О.Н.), едем в кино.

Там столпотворение: нет ли лишнего? В ответ мы лишь ломимся к двери. О.Н. — молча, Г. сурово, не разжимая губ: “Есть по спекулятивным ценам”. — “Продайте!” — “После, после”... (О.Н. молодцом — пришлось ведь пройти порядочное расстояние, лестница, поезд, машина, теперь вот эта толпа...)

— “Ну, войдем, наконец”. И мы входим. Место идеальное. Представляют артистов.

Г.: “Смотри, а он таки похож на О.”. (Ни черта он, на мой взгляд, не похож, но в том настроении, в котором мы все, не хочется спорить, и я с готовностью поддакиваю.)

с величайшим апломбом кропает на доске Бунин. Директор невозмутим, ученик — тоже, получая при делении тридцати на четыре в результате три (таков ответ в задаче, и на это прозрачно намекает педагог, вопросив: “Так что же? Вы получили три?”). Написано и почеркано на доске вполне достаточно, чтобы запутать любого. Все в порядке, ответ верен, ученик в полном спокойствии (и не думая о только что сотворенной им бездне фантастики) водворяется на место. Потрясенный учитель в сомнении поглядывает в

Дед в Вене.

Девочка на конфирмации. Австрия.

— О.Н.! Ты не устала? Ну, как? — “Ты обо мне не думай, все хорошо!”

Все хорошо. Свет темнеет.

Конечно, после кино мы, полные впечатлений, едем на Масловку.

Г.: “Ну, я вас завезу, а сам...” — Да нет! Ерунда это...

— “Нет, братец, сам понимаешь!” — Понимаю. Но чай-то ты можешь выпить с нами! — “Ну, если быстро”.

— Вот что. О.Н.! Я сейчас провожу Г., а ты тем временем отдохни. Приду, и решим: ехать сегодня или заночуем, хорошо? — “Ну, конечно! Идите, и не торопись!”

— Дай-ка суму — куплю кое-что; ну, а ты побудешь одна часок? — “Иди, иди”.

Мы и идем. И уже теперь обсуждение виденного продлится достаточно долго, потому что я, само собой, и не подумаю вспоминать о чьей бы то ни было работе — гори она.

ЛЕНКА

— “А не хочу! Ничего я не хочу!” — О.Н., улыбаясь, — но твердо укрепились в кресле и небрежно-энергично мешая ложкой чай; голова характерно повязана платочком (допотопно и грубо, но и бессознательно-кокетливо), голова прочно втянута в плечи (очень монументально), а короткий нос весело поднят. Ну, и, конечно, прядь выбивается на правом виске.

— Да, но взгляни, сейчас гулять и гулять! — “Ну вот и гуляй!” — Да нет, вместе! — “Вместе! Найдем двести... Не! Не хочу!...” — Но почему? — “А мне и здесь хорошо!” (прихлебывает). — Ну, а двести... ты же знаешь... двести не двести, но все-таки... — “Так ведь не каждый день... Не! (отрывисто). Но ты (это она продолжает) можешь идти”. — Ну, а как же ты? — “Также я... будь спокоен...” — Но погоди, а монстра? — “Ну, а я ей сказала — к 4-м часам”. — К четырем! Но сейчас-то ведь два! — “Голова! Ничего, я тут осмотрюсь, то, се...” — Се? — “Ну да! Буду читать эту... ну, ты знаешь... где, кстати, она? (“Доктор Живаго”.) Ничего нельзя оставить, я...” — Да нет, вот, держи! — “Аха! А где она была?” — Да я взял посмотреть. — “Нет уж, раз ты дал мне, то!” — Но вот ведь она! Ведь я на стреме. О.Н. (небрежно листая книгу, рассеянно): “Ну, и что эта стрема? Аха! это здесь; ведь я положила закладку...” — Ох! Вот ее-то я... — “Вот видишь! Нет, раз дал... то, как говорит Борис, ты — мне — дай!”

журнал и на нас, не зная, на что решиться (в присутствии директора). Самое спокойное — объяснить следующий материал.

А в классе все спокойно, никто ничего не заметил (т.к. или не слушал или сам ничего не понимал). “Ну, ты силен!” — это я ему после звонка. “А что? Я сделал что-то не так?” — удивленно спрашивает он вполне искренне.

А вот контрольная по математике. Павел сидит за мной и усиленно списывает (у

В.Шекспир. “Ромео и Джульетта”.

— Я, однако, обращаю твое внимание, gnadigste, что она и так в твоих руках... (Это неожиданно смешит О.Н., и она смягчается): “Ладно, пошел!” — Четверть третьего... ну, в конце концов... Да! А Нина? — “Пошла на станцию, ну там, купить кое-что, м-м-м...” — Погоди-ка, она ведь ушла довольно давно, и, стало быть... — “Не теряй времени. Решил идти — иди!” — Когда я решил? — “Ну я же вижу; иди и будь спокоен... Вон там этот наш (это о хозяйине-хохла)... придет скоро, так что”. — Знаешь что? Я вытащу тебе кресло, и ты себе в нем и блаженствуй... вот! И еще подушечка. Блаженствуй! (О.Н. двигается к креслу-раскладушке, волооча книгу и еще что-то там... Она плотно плюхается в своем зеленом халате и, ловко оперевшись локтями на металлические ручки кресла, раскрывает книгу). — А смотри-ка! Вон Нина. Фу ты, черт возьми, с кем это она? С Ленкой, отлично... С битком набитой сумкой — надо помочь... (Срываюсь с места). О.Н., с места не двигаясь, бодро: “Не беги, не беги.

— Давай сюда суму! А ты как?

— Ну, здравствуй, мы уже видели издали, как ты выплясывал вокруг О.Н. Как она?

— А вот сейчас вокруг нее попляшешь ты.

— Охотно!

(Нина): Дай человеку отдохнуть! Не слушайте его, Леночка! (Они обе улыбаются.)

— Ну, а как это вы встретились? (Те одновременно):

— Ну, твой чертеж я, конечно, потеряла, топчусь, как дура на перроне, и вдруг...

— Я иду с рынка и вдруг вижу...

— Вот что! Я тут ненадолго должен сбегать, так вы... (Нина): Ну, если к Корнею, так это надолго... — Да нет, ненадолго, нет, серьезно, через час обязательно, а вы вот что: ты завались и отдохни — натаскалась, а Ленка пусть тем временем ублажает О.Н. — Ладно, я ей тоже привезла... Здравствуйте, О.Н.! (О.Н., сидя): “О, какой гость! Павел!” — Да? — “Никуда ты не пойдешь!”

На этом можно и закончить не без эффекта, но как утерпеть и не рассказать, как мы рассаживаемся около чудовищно-самодельного стола, кресло О.Н. рядом, а вокруг него в виде буквы “П” довольно-таки безобразные скамейки. Нина уходит ненадолго в дом.

— А! Поставь чай — отлично!

А мы, пренебрегая скамейками, рассаживаемся на земле, на траве, то есть, все это выглядит вполне импрессионистски: солнечные пятна на прямо-таки избыточной зелени. Теплынь, благодать!

нас один вариант). У него часто возникают сомнения — шепот. Андрей /А.А. Тутунов/ (сидит рядом) разрешает их просто — “Ты срисовывай, срисовывай” и сам это старательно делает. При этом у него кое-что из одной строки попадает в нижнюю (или верхнюю), но это несущественные детали и ребус для проверки. За нашей спиной возникает Наталия Михайловна (наша математичка). Она прекрасный педагог и человек, всех нас уже хорошо знает и не питает никаких иллюзий относительно математических

Выставка в Камероновой галерее (Царское Село).

Подошедший Карпенко подзывает меня согнутым пальцем: “Твоя?” — Слушай, твою так, что ты... — “Нет, ничего... только трещит очень... (не обращая на меня внимания, устремляется к О.Н.): — Миколаевна! Твой-то какую оторвал!” И он с дружелюбным спокойствием рассматривает Ленкины ноги — смуглые на зелени, очень красиво; она, по мере сил, помогает ему в этом занятии, не прекращая, впрочем, разговора с О.Н.; в темпе рассказывает ей одну смешную историю, и обе хохочут. Нина появляется в дверях домика: “Мама! Чай будет через 10 минут!” — “Прекрасно! Ну, хозяин! Приходи через 10 минут гонять чай”.

— *Данке шён*, Миколаевна! (Крякнув, он топает в своих сапожищах прочь, даря меня напоследок): “Павло, а она ничего, задастая,— молодец!” — Да вали ты! — “Ревнуешь, хад? Миколаевна! Твой-то ревнует... ишь!” (Ленка тем временем, расположив отмеченную Карпенком часть наиболее эффектным образом, стреляет в него глазами, и подлец Карпенко, улыбаясь, проводит горстью по седеющим усам. Нина, из домика): “Леночка! Помогите мне тут — вынесем на стол!” (Ленка, мне): “А ваш хозяин ничего! Иду, Нина Григорьевна, иду! — (мне): — Если смогу, помогу!” (Уходит в домик. Хохол смотрит вслед и удаляется окончательно.) О.Н. (миролюбиво - снисходительно): “Ну, она, кажется готова и здесь не терять время... Ну что ж, как он сказал? Молодец!”

— Что ты хочешь, в конце концов? — “Нет все хорошо, но ты ее не обижай”. — Да помилуй! — “Ну, я же вижу; вот и наши работники ! Ну, ставьте, ставьте сюда и давайте...”

— О.Н., ваш любимый мармелад! (Ленка ставит на стол огромную коробку).

О.Н. (тронута): “Ну, зачем это! Павел вам всем закрутил головы (смеется)... будто я без него не могу... ну, попробуем!” (ест).

— О.Н.! А потом я поведу Ленку на пруд! — “Очень хорошо. А мы тут тем временем без вас”.

— Отдохнем.

О.Н. (смеется): “И это не грех”. Ленка (воровски):

— Но у меня нет купальника.

— И так сойдет, деже лучше.

— Ты находишь? (Типично женским жестом оглаживает свои бедра и вдруг обеспокоенно):

— Нет, неудобно... ведь он сказал — толстозадая (это произносится тревожно и одновременно

познаний каждого. Сразу поняв нашу ситуацию — “Павлик, не списывайте у Олежека, Вы все равно ничего не понимаете”, идет дальше по рядам. Что делать, — все душевные силы учеников поглощены живописью, рисунком и композицией, и Н.М. это прекрасно понимает. Она видит, что половина класса органически не в состоянии воспринять математические абстракции. Но Минпрос требует “всеобщего обязательного и единообразного” обучения — приходится чего-то не замечать. Хорошо хоть то, что на

М.Ю.Лермонтов. “Песня про купца Калашникова”.

со смехом). О.Н., я и Нина— одновременно:

— “Охота вам слушать всякие глупости!”

— Дура, это у него хохляцкая аберрация — дивчина должна быть *щирой*, ясно?

— Ну, что вы, Леночка!

Ленка удовлетворена, но встает и делает несколько движений.

— Нет, по-моему, ничего!

— Да сядь ты! Все в порядке! Ну! (Она успокоенно усаживается): “Ну, а что вы читаете, О.Н.?”

— “Да вот, Павел мне достал...”

— О! Мне дашь?

Когда, вооружившись пледом, книгами и полотенцами, мы идем в лес (к пруду идти лучше всего именно так), еще не исчезнув из вида, мы слышим:

— “Ну, дальше! Нина, иди сюда — давай подсчитаем расходы!”

Ленка: “Она у тебя... Но, по-моему, она ничего, что я приехала? — а?” — Да нет, наоборот!

— И свинцовый взгляд она на меня не клала...

— Да с чего ты взяла? А мармелад?

— Да, мармелад... а вот она сказала, что ты всем...

— Всем знакомым.

— Всем чувихам. (Мы оба смеемся.)

— Ну, рассказывай, что, как?

БЫЛО И ТАКОЕ

— Вот тебе, знаешь ли, часы. — “Я буду совсем важная”.

...А помню, как она продавала на рынке остатки нашей роскоши — серебряные часы деда.

— “Сколько?”

— “**Прошу** пятьдесят” (с нажимом — “прошу”: величественно и беспомощно — горе, — среди этих морд). Приходила с работы часто веселая и раскрасневшаяся. Почти всегда с каким-нибудь пакетом. Много читала “Петр I” (очень оживлялась — “*мин герц*”) и “Форсайты” (этих воспринимала как-то очень лично; Борис говорил — “классовое тяготение”).

случай инспекции есть ученики, которые не подведут (*Олег скромничает: это он о себе.* — П.Б.). А так — все дети очень симпатичны и увлечены своим. Это самое ценное. Это ни по каким минпросовским программам не создать и это надо всячески оберегать и лелеять.

Пришел новый физик, седой, высокий, худощавый. Для знакомства — контрольная на два урока. Вильгельм Вильгельмович то сидит за огромным столом у доски, то выходит покурить в лаборантскую комнатенку. На нас поглядывает, но ни во

О.Н. и Нина

А.С.Пушкин. "Капитанская дочка".

"Эта Ирэн, *этта* женщина", "пушинка" — какая красота!"

ЧЕРТЫ К ПОРТРЕТУ

Патетическая решимость, уверенность в себе, побеждаемая ими беспомощность. Я не нахожу слов... насадка, отпугивающая ястреба.

И всегдашняя совершенно естественная — присущая — готовность обрадоваться, засмеяться. И громадная выдержка. Упала и вывихнула палец. Повез в больницу. Во время операции, я слышал, буквально трещали кости. Ни стопа.

— "Ну, вот и ты; присядь, посиди". — Да, как ты сюда попала? — "А вот наша соседка была так любезна... познакомься..." — Я очень рад. Но не буду мешать вам. О.Н., я подойду через часок. — "Хорошо... (обращаясь к собеседнице) ...да, так я говорю..."

Из-за кустов смотрю на нее — она полна интереса к жизни, беседует.

Вспоминаю Переделкино. Торговки у станции. О.Н. в моей коричневой тужурке — руки в карманы — насаждает на одну из торговок. Она без шапки, рядом пыльная дорога, солнечный день. Она не замечает, что мы любим ее. Ленка говорит:

— "Да!..."

ГАГРЫ

"Хок!" — первая ступенька — "Те!".

Вторая — "Те!" — Ну вот и пришли, приляжешь? — "И не подумаю! Что ты хочешь, чтоб у меня были пролежни? ... Нужна метода. Уж раз начал купаться, не прерывай. Нужна метода". — Сегодня холодно. — "Все равно. Раз начал..."

— *Taugenichts... ничтожество - нем./* — "Что? Я этого не говорила. Ты можешь приписывать что угодно". — Да кто ты такая?

— "Я бабушка художника Бунина". — "В лесу родилась бабушка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зеленая была" (О.Н. любит зеленый цвет — как Наполеон).

— "Какое дурацкое название для кино я слышала: "Осторожно, бабушка!" — как это глупо!"

— Ты пойдешь со мной на берег? — "Нет. У меня тут некоторые дела..."

что не вмешивается, работа идет. Сначала учебники лежали на коленях под партой. Потом легли на стол — так удобнее списывать. Результаты сданы и на следующем уроке (через неделю) розданы проверенными. При этом сказано с легким немецким акцентом: “Я стреляный во-ропей. меня на мякине не проведешь. Но хорошо уж то, что хотя бы два часа Вы работали с учебником”. Шуршат листки — все знакомятся с резолюциями. Со мной рядом полный недоумений Ливий (*Щипачев — бывший “Тимур”*: редкостью

На Акрополе.

Швейцарец.

— Государственные дела. — “В этом роде”. (Она будет писать письма, чтобы пометить их Гаграми: “Мы с Павлом... погода прекрасна...”)

“Миколав-на, иди чай пить” (Гвасалия). — “Сейчас; а ты иди, не теряй времени”.

ПЕРЕДЕЛКИНО. ТАРАС И КАРПЕНКО

О.Н. за маленьким столиком в Переделкине — это не дача, а некий сарай, с электричеством — но вокруг лес и рядом санаторий, так что, если что... Так вот, она сидит за маленьким столом перед домиком и, небрежно зажав карандаш между указательным и безымянным пальцами, проверяет счета. Нина ушла гулять, я тут же вожусь с иллюстрациями. Я:

— Ну, как ты находишь Мусю? (О.Н. отрывается): “Ну, не знаю... Эти её занятия... чем бы дитя не тешилось...” (О.Н. что-то пишет, потом, не поднимая головы): “Глуха!... ей не легко, понимаешь ли... Несчастный человек, в общем... Я пригласила ее с дочкой — ты помягче с ними...”

— Конечно, конечно... — “Она у нее тоже какая-то... словом!” (О.Н. стремительно поднимается.) Я:

— Пройдемся? — “Потом. Сейчас я (рассуждает)... Я не знаю... Я подсчитала... Ничего такого не куплено, а...” — Да ладно, брось! А я на что? (Усмехается): “Что ты, кляча какая-то (с сомнением рассматривает)? *Ханит* на сегодня — иди к Корнею!” /К.И. Чуковский./ — Чего это? (Авторитетно): “Синяки (под глазами)... Нина придет, мы с ней напьемся чаю, — словом! иди ни о чем не думай”. Я: Ну да, но — бриться?

(Гордо): “Иди-иди! И так сойдет! А вот и наш!”

Наш хозяин — хохол; высокий, красивый, седеющий мужик. О.Н. благоволит к нему. Вот и сейчас смеется:

— “Смотри! И этот с ним!” (“Этот” — Тарас — огромный рыжий кот. Ходит за нашим Карпенкой, как собака.) Я: Слушай! Сколько раз тебя просили держать этого подонка подальше? (О.Н. не любит и боится котом.) Карпенко: “Миколавна! *Мальцайт!* *Ви гейт эс иннен?*” (был в плену). О.Н. (автоматически): “*Данке, Зетцен зи битте. /спасибо, садитесь пожалуйста — нем./ Павел!..*”

— Убери кота, твою мать.

— “Не любят нас, Тарас!” Карпенко нагибается к коту, и рыжее чудовище с готовностью

симпатичный парень. — П.Б.). Подсовывает мне свою контрольную — “Что тут неправильно? Что ему не понравилось?” — и тычет пальцем в строчки, подчеркнутые красным. Читаю подчеркнутое: “Как мы уже рассмотрели в предыдущих главах...” — дальше не читаю и спрашиваю у Ливия: “О каких главах ты тут пишешь?”. Вопрос доходит не сразу, но потом его сотрясает внутренний смех.

Это в школе. А дома. В день рождения Павла все торжественно, хотя очень

“Victory” — флагман эскадры Нельсона при Трафальгаре (и П.Бунин).

становится на задние лапы; хозяин щелкает его в нос бронзовой рукой, и Тарас отбывает с недовольной рожей. Все мы смеемся. Карпенко, разглаживая усы: “Гони, гони его, Миколавна (садится). Значит, тут такое дело...”

Какое дело — совершенно ясно: он у нее выханжит тройку и пойдет пьянствовать на станцию, но сначала вволю поточит лясы, — вот и отлично, и я смываюсь. Зато у Корнея первый вопрос:

— “Хуже вы не могли одеться?”

“НАПУТСТВИЕ”

— “Надо идти. Но ты помни — за тебя никто болеть не будет”.

— Я знаю — ты и я.

— “Я и ты! Ступай”.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

— “Звонила тебе какая-то — халутра”.

— Лахудра, О.Н.! — “Все равно!” — А-апчи! — “Видишь, я права!” — А-апчи! — “Будь здоров. Расти большой! (чихаю опять). Ну, хватит, наконец!”

Поправляет гребенку, вставленную в характерно — под углом — подстриженную (мой же) голову. Я очень люблю смотреть, как она поворачивает ее туда и сюда. Сейчас она слушает радио: банкротство крупной фирмы в Шотландии — последние известия.

— “Всюду несчастья! Нет жизни!” — О.Н.! Это ведь буржуи прогорели — чего их жалеть! — “Что они — не люди?” (Продолжает слушать с нахмуренно-агрессивным интересом. Входит Нина): “Мама, посмотри там с обедом — я не знаю” (уходит). — “Сейчас! Нина, я сейчас!”

Тяжело поднимается. Коричневая тонкая жакетка. Она засовывает руки в кармашки и двигается к двери. Сейчас же из кухни доносится: “Ну, что тут у тебя?”.

Стук в дверь. — “Павел, тебя!”

Перевод. Несу паспорт, подписываюсь, все молчат.

А после ухода почтальона:

— Вот это кстати! Душа моя, припрячь золото, а вот это я возьму себе, хорошо? Надо купить

скромно (финансы...). Магией Ольги Николаевны (бабушка Павла — она для него все на свете) крохотные комнатки в труппном домике на Масловке превращаются в уютные. Нехитрое и скромное застолье превращается в непринужденное и дружеское общение. Смех и споры, взгляды и улыбки; теснота — не помеха. И над всем благожелательное внимание главы дома — бабушки. Им двоим достаточно мимолетного взгляда — “Все в

Робеспьер

бумаги, то, се. — “Зачем ты мне объясняешь? Бери сколько нужно!” (Беру руб. 15.) — Очень вовремя! — “Это ВСЕГДА вовремя!” (Мы все трое смеемся.)

— Так, О.Н.! Я сейчас на Масловку в киоск и обратно — ВСКАЧЬ! (Она, развеселившись и вспомнив свою детскую группу):

— “Мой веселый звонкий мяч, ты куда помчался ВСКАЧЬ?”.

Уже проходя под окном, слышу, как она продолжает:

— “Красный, желтый, голубой — не поспеть мне за тобой”.

(Возвращаюсь с рулонами, кистями, красками.) — Вот! Денег как не бывало! — “Ну что ж! Все это тебе нужно. Ты же знаешь — без расхода нет прихода”.

— Хотел было купить еще несколько книг... — “Так и купи! Не можешь себе позволить?” — Нет, но все-таки... разор... — “Ничего! Как это Ленка говорит — будет день — будет пища!” — Как-то противно.

— “Вполне!”

ОТСТОЯВШЕЕСЯ

Идем покупать костюм от первых заработков.

— На вас нет, молодой человек!

О.Н., не глядя, вскидывает руку, я вкладываю деньги. Также, не глядя, она берет руку продавца, молча разжимает его пальцы, влагает мзду, захлопывает длань своей жертвы вместе с содержимым и отбрасывает ее от себя...

— Мадам, пройдите!

Грозно оглядываясь, опираясь на зонтик, О.Н. устремляется в недра магазина... Я, потрясенный, — за ней. Взятка! Вижу собственными глазами — ВСЕ МОЖНО!

ЕЩЕ ДО ВОЙНЫ

Зима 40-го года. Зимние каникулы, очень холодно.

Мы с Ниной едем в Музей изящных искусств; в вестибюле почти никого, продаются

порядке? Ты довольна и не устала?” — “Не беспокойся, ведь день рождения только раз в году”.

А в обычные дни. “Здравствуй, я тут... (все вокруг завалено рисунками), почитай мне.., а я продолжу”. И течет время, и чтение прерывается обменом мыслями по поводу прочитанного и часто уходит в сторону, к другому. А работа над рисунком не прерывается. Разве что влывет тихо Ольга Николаевна с чаем и чем-нибудь.

Ольга Николаевна

репродукции. Я покупаю Календарь Ромма: Казнь Луи XVI и Робеспьера (Дюплесси-Берто), потому что в 39 г. — 159-летие Фр. революции.

Покупаю /на книги мне всегда охотно дают деньги/ и книги — Рамбо, Кареев; и дарят, как нарочно, в это же время “93 год”.

По весне 40 г. я и Нина тайно покупаем в бук. магазине альбом “Наполеон”. Деньги мы накопили с Борисом, обыгрывая, кого можно, в карты. Мы оба уже вовсю интересуемся историей. В доме все время много книг (хороших); взрослые — постоянный (для нас) нерушимый фон, придающий ощущение непроходящей стабильности и спокойствия.

Чтение нисколько не мешает частым снежкам и побоищам во дворе. Но каждый выходной с дедушкой или Ниной — в книжные магазины.

Это были минуты счастья. Я очень любил, да и сейчас люблю книги в красивых переплетах. И какая радость — приносить домой, ну хоть “Дети капитана Гранта” — “б-ка приключений”, голубой с золотом переплет, масса гравюр — блаженство. (Гравюры были посредственные, но уютные. Особенно бури, катастрофы...)

На Кузнецком мы с дедушкой купили громадную, с тучей рисунков, папку “Отечественная война 1812 года”. В другой день (пасмурный и очень приятный) мы, опять-таки с Ниной, пошли, на спектакль “В старой Англии” (некая Диккенсовская смесь — Оливер Твист, Копперфильд и т.д.).

А с О.Н. были на “Петре I” (кино), оба были в полном восторге. — “Мин херц!” Книгу уже к тому времени все в доме прочли вдоль и поперек.

Когда О.Н. одевается, я держу зеленую шубу и каждый раз на ее просьбу поправить ей воротник сначала ставлю его дыбом.

Поход с О.Н. в кино был на радостях. /Я учился тогда в Доме художественного воспитания детей; вместе со мной — Бабицын, Годин, Кусков. Наш педагог — Ангелина Васильевна Щекин-Кротова. Прекрасная старорусская фамилия. Жена Фалька. Директрисой была Лабунская — очень красивая пожилая гран-дам./ Решетников написал обо мне много и хорошо в “Юном художнике”. Мы поехали в редакцию (кажется, где-то в центре) и, идя обратно, зашли в “Метрополь” — на “Петра”.

“ВРЕМЯ ТАКОЕ БЫЛО”

— “Ну, вот и я! А ты опять “Петра”? — Старый друг лучше новых двух!”

Благожелательно оглядев нас, удаляется.

Летом же Павел старался вывозить бабушку с мамой из Москвы — обычно в Переделкино (в первые годы). Скромное помещение (соответствующее финансовым возможностям) тоже делалось уютным. Свежий воздух, лес, вода... Я приехал во вторую половину дня. Первое что увидел — Ольга Николаевна и Нюра (домашняя работница на протяжении многих лет) мирно сидят на лавочке около дома. Тихо. Это уже конец лета,

В.Гюго. "93 год".

— А как ты его находишь? — "Худой какой-то! По-моему, Петр был представительный!" — Да нет, в это время он был такой. — "Ну, не знаю. Но он мне вообще нравится".

— Но, с другой стороны, — зверь?

— "Время такое было! Иначе, наверное, было нельзя..."

ФРАЖЕ

— Душечка, посмотри, красиво я все разложил?

— "Ну, очень... конечно..." — Вот. А на шкафчик поставим родоначалницу (сахарницу — польское фраже, точную копию подаренной О.Н. ко дню ее свадьбы ее дядей). — "И вот она будет постоянно перед глазами".

Из-за этой сахарницы было куплено и прочее "фраже". Ко дню рождения О.Н. оно привозилось на дачу, и праздничный стол сиял всем нам на радость. Речь идет и о белом шкафчике, который я повесил над телевизором, около ее кровати, и наполнил всевозможными лекарствами, чтобы все было под рукой.

— Ты подумай — пригодилось! — "Работа НИКОГДА не пропадает". (Это говорится с абсолютной уверенностью).

Мамонтовка, 40 год. Лето было для меня прекрасно: "Большой вальс", марки и "Наполеон" (Тарле). Позже К.И. нас познакомил. Это была радость, особенно после того, как К.И. передал мне письмо Тарле, переполненное комплиментами. Чудное издание Гюго — "93-й год", "Похороны викинга", "Девятка"/карты/. Поступление в Художественную школу.

Часов 6 вечера. За стеклами террасы — мелькает О.Н. и дедушкина белая голова. Мне и так очень хорошо — в гамаке, с книгами. Но еще лучше — вижу, как идут с какими-то пакетами, с сумками Нина и Ваня. Она — в английского покроя платье, розоватом в клетку; небольшая шляпа; он — в белой панамке (видя меня, скалит зубы, как всегда красив). С другой дачи доносится: "Когда простым и ясным взором...". Вечерет.

О.С. Иванов-
Мусатов

даже немного прохладно. Солнце невысоко. Откуда-то возникает Павел. Взаимные приветствия, неспешные разговоры. После ужина мы с Павлом уединяемся в отдельную комнату — разговоры, разговоры... На следующий день мне почему-то надо уезжать рано утром — выбираться из дома надо будет через окно, чтобы не беспокоить О.Н. А пока темпераментный монолог Павла. Поздно, ночь. Я постепенно отключаюсь и задремываю. “Ты спишь, негодяй! Я же тебе говорю...” Но сон меня одолевает. “А будь ты проклят!”

Курсистки (слева О.Н.).

К. и К. zeit (былое).

ПРИПАДОК / “ДУХ НАДО ПРОЯВИТЬ”/

— “Я не хочу врача, не надо врача!” (во время давления; врач-неотложка — уже вызван).

— Надо, стало быть. Подними голову, пожалуйста, вот так (кладу горчичники). Теперь давай ногу. Другую. Терпи. Вот баллоны (грелки) к ногам. Теперь вот эта бутылка — в руки. Да, лекарства! — “Ты считаешь, что чем больше лекарств, тем лучше!” — Принимай, принимай! — “Ну вот, приняла. Теперь отстань от меня!” (Подъезжает неотложка. Знакомый врач, полька.)

— “Здравствуйте дорогая! Вот видите — он, как всегда... да ничего такого.” — Как это ничего? Доктор, это у нее уже несколько часов, а она мне ничего не говорила! Почему ты мне ничего не говорила?

— Да, ну давайте-ка, О.Н., я вас посмотрю. Ну, сейчас, видимо, лучше — небольшой укол. (Укол воспринимается, как всегда, бестрепетно.) Доктор (мне): “Теперь вы ее не трогайте, она поспит, и все будет хорошо”. — А кислород, доктор? Вы не против? Д.: “Нет, что же... но ей сейчас будет легче. Я вам даю сосудорасширяющее”. — Позвольте, я поднесу ваш чемодан, у нас ведь скользко... так как вы считаете — ничего такого? — “Нет, нет! Перемена погоды, вы сами видите... спасибо. Ну всего лучшего!” — Благодарю вас, доктор! Уж не взыщите! Вы сами понимаете, всего хорошего.

Машина отъезжает, я по лужам прыгаю домой во весь дух! Б.В.:

— “П.Л., О.Н. вас зовет.” — Как она? — “К-к-ажется ей лучше”. — Лучше! Слава богу! Борис, я вас очень прошу — эти дурацкие кислородные баллоны — пожалуйста. Я уж с ней. Вот деньга. — “Не надо”.

— “Куда ты его усрал?” — Сейчас придет. Звала? — “Да. Ну, ты, конечно, побежал не одетый. Спрашивал?” — Сказала, что ничего серьезного, слава богу. — “Я это знаю и без нее. Из всего делать панику!” — Паника не паника, а проявлен Дух. Видишь, — тебе легче. — “Конечно, когда рядом свой человек. Сознание, что не посторонний...” — Ну, а я тебе что говорю. То-то вот! Горчичники, ты, я вижу, уже приобщила? С барской надменностью? (они валяются на полу). — “Ты мне всю кожу сжег...” — Ничего я тебе не сжег. Терпеть надо. Дай-ка я тебя помажу (мажу и забинтовываю). О.Н. (в пространство):

Это он сдается, и я засыпаю. Утром же наша задумка с окном проваливается. “Мальчоночка! на завтрак”, — это Нюра (она совершенно свой человек в семье). Ольга Николаевна уже за столом. “Ну что же ты, мы с Олегом не хотели тебя беспокоить”. Величественное мание руки отмечает все объяснения. И широкая, ласковая улыбка.

05.04.96 О.С.Ивашев-Мусатов

Олег Ивашев-Мусатов и Павел Бунин

Павел Львович и Олег Сергеевич

— “Конечно. Уход — это все... Внимание... ну, я теперь посплю. Ты сделал все, что мог...” — Рад стараться! — “И можешь теперь идти... (чудовищно зевает). — А знаешь, Калиныч говорит, что тебе бы очень пошло в этих случаях выдыхать огонь. — “Дурак!” — Ну, зевни еще! (зевота для нас верный признак, что припадок проходит, и мы оба очень ее ценим).

— “Ну, иди, иди”. — Нет, давай еще раз. — “Ну, если ты так хочешь..” (зевает).

— Я тут у тебя посижу пока, с книгой. — “Но потом не буди меня по всяким пустякам”.

— (С оттенком нетерпения): — Хорошо. Только скажи — проехало? — “Проехало. Все.”

Начинает похрапывать, розовея и разглаживаясь на глазах. Читаю, стараясь не шевельнуться, и взглядываю каждые несколько минут. Когда Б. возвращается, весь увешанный баллонами, поднимаюсь не без шума. Знаю, что сон очень крепкий и освежающий.

— Б., благодарю, проехало, слава богу. Идемте на кухню. Я вас отпою чаями после этой мерзости.

— “Чаями! В-в-вы свое пойло называете чаем! Есть у вас заварка?” (демонстративно несет крепкий чай в сортир и выливает). — И будем читать... э — “Красное — и черное”! Стендаль!

— “Что Стендаль? Ничего Стендаль!” — Ну, не впадайте в маразм! Ведь вам... (звонки из комнаты О.Н. — спешу к ней, но не беспокоюсь: проехало, знаю твердо).

— “Ну, вы там что? Пьете чай? Дайте мне тоже!” — А как насчет мармелада? — “Весьма положительно”. — Что-нибудь сменить? — “Ничего не надо. Чаю!” — Чаю вечного воскресения, мадам! О.Н. (цинично): “С этим успеется”.

Когда через несколько минут я приношу чай, сон продолжается. Для алиби ставлю все рядом на стул. ВАРИАНТ: когда вношу, поднос, а на нем фразе с мармеладом и прочий металллом, — совсем здоровым голосом:

— “Ох, хо, хо, хо! С доставкой на дом!” — Фирма не останавливается...

(Я вижу, что ей это очень приятно, но после чашки:

— “Ну, иди, иди, он там у тебя один!” — Он принес баллоны! — “Ну, надо гонять людей в такую погоду!” (Мне, однако, кажется, что ей приятно и это. Не сам факт доставки баллонов, а так сказать, действенное внимание.)

— Б.! Вот О.Н. благодарит вас! — “Да. Я...” — Ну что вы, О.Н.!

— Ты теперь предавайся, а немного погода мы к тебе зайдем... (это лукавство — я знаю, что

Париж, 28.10.85 Дорогой Павел,
пишу бегло - перед отъездом в Женеву.

...

Ваши мемуары меня интересуют отнюдь не с коммерческой точки зрения, - я хочу, чтобы они сохранились. Пишите, что есть, я отдам напечатать

Нина

А.С.Пушкин. "О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А.Крылова".

сон будет еще крепчать). Впрочем, ночью, часа в 4:

— "Павел! — Ну что, что? — "Я что-то не пойму, который теперь час?" — Ну не все ли тебе равно? 4! — "Ага". — Уж раз ты меня разбудила — как ты себя чувствуешь? — "Все прошло, могу хоть сейчас встать!" — Нет уж, уволь! И если утром будет все хорошо — не буди. Понятно? — "Что тут непонятного? Спи!"

Утром, однако доносятся обрывки тихого разговора: "... бросился... вызвал врачей... не отходил... и Борис..." (В голосе гордость. Но я прислушиваюсь: Нюра:

— "О.Н.! Золото и в *попеле* видно!"). Я:

— Нюра! Добрый день! Нельзя ли чаю?

В дверях — и с чаем в руках и сияя — О.Н.

Прижигает мне порезанный палец — густо мажет иодом. Кричу. Она — смеясь:

— "Ты знаешь, одна дама рожала, так она тоже — *Мон Дье! Маман!* ...*Я знаю...* Доктор — никакого внимания. Наконец: *Мамочка!* — Вот теперь вам больно!" (Смеется и мажет еще. Я смеюсь тоже. За окном — зимнее солнце. Она, все смеясь, уходит на кухню.)

НЕРАЗРЫВНОСТЬ

Затираю пол. Тороплюсь, чтоб не зашел кто-нибудь.

— Ну, неужели ты не можешь взвиться хоть на несколько минут раньше?

— (злясь) — Ведь есть же время (чувствую, что говорю не то, что нужно, но остановиться не могу).

— К черту! Ну вот, кажется, все. (Ухожу на кухню и мою руки. От холодной ли воды или иначе, но понимаю, что надо немедленно восстановить нити между нами. Возвращаюсь к себе в комнату и застаю О.Н., сидящую у меня на раскладушке.) Начинаю совсем в другой тональности:

— Ну, вот и все... да, а как это ты так ловко уселась?! Знаешь что — укрою-ка я тебя пледом — уют! А я тут посижу тем временем... (Она, пренебрегая моими заходами — не величественно, не царственно, не агрессивно, но с режущей меня простотой):

на машинке, а там посмотрим.

...
Вы не отдыхали с 79г.? А кто отдыхал? Мы надеемся пригласить Вас к нам в Бретань на 2-3 недели - хотите, например, весной? Порисуете, попишите, будем гулять и обдумывать жизнь - прежнюю и будущую.

Художник и народ

— “Неужели ты думаешь, что это мне доставляет удовольствие?” (В памяти мгновенно: О.Н. на подножке автобуса; прядь плохо подкрашенных волос, в руке бидон, суп для меня, украденные бутерброды; ее шаги под окном в 6 утра — возвращается с ночной смены: “Правда”, вредный цех; она несет невыпитую бутылку молока; еще одна заплатка на подкладке пальто, а само пальто — с чужого плеча; наглое — “забирай свое барахлишко” и т. д., и т. д. О! Довольно!)

— Ну да, да! Но ты же видишь — я стараюсь, как могу... Господи!..

Прижимаюсь к ее стриженому затылку. Она — сурова. Тот редкий случай, когда за ее словами, я угадываю (мне бы хотелось сказать — могучую) любовь, но это нечто невыразимое, какая-то нерасторжимость: мог бы угадывать и чаще — но текучка, так сказать, занятость.

— “Разве я не вижу?” (И почти тут же): “Поди приготовь мне стакан чаю”.

Еще раз — седеющие, подстриженные (мною) волосы и ухо, по форме напоминающее бетховенское. Ухожу на кухню и ставлю чай на маленький огонь. Беру книгу и сажусь.

НАТОЩАК

— Ну, куда это ты все? — “Я хотела, как лучше! Да ты взгляни хоть одним глазом!” — Душенька, очень хорошо, но ты же знаешь — нажрись и все. Дай-ка лучше чаю! — “Какой-то водохлеб!”

Дает чай, пью.

— А-ах! А-а-а!

— “Ну что ты так стонешь! Дешевое удовольствие, в конце концов!”

— А помнишь — у Островского — я бы спал... — “А все работали. Чего лучше (смеется)! —

— Ну, ты все-таки вставай!” — Я все-таки встаю! (Хотя очень хочется еще полежать с книгой.) О.Н., унося нетронутый завтрак и убедившись, что я начал работать:

— “Хоть лопни, но держи фасон! (затем прислушивается — по радио “Баркарола” Шуберта, я играл ее когда-то):

— Ты слышишь — *Ауф дер Вассер цузинген /музыка на воде - нем./* — да, да. Ведь это же твое”.

Подбегаю к ней, и уткнувшись в седую шею (как всегда, волосы — нежными перышками):

— Душенька, душенька! — “Ну, что ты, что ты! Ну, нельзя же так!”. — Но ведь был, как ты

Обнимаю Вас от себя и от моих Надежд.

Ваш Е. Э. <Ефим Эткинд>

Прусский король Фридрих II

говоришь, дом, а? Дедушка! — “Мы его так мало вспоминаем”. — Мало вспоминаем! Да ведь он как бы все время с нами. И, наконец, — ты и я? Ведь мы же... “мы с тобой, как рыбка с травой” (искореженная мной в детстве поговорка; надо: “с водой”)! — “Вот что значит — натошак!” — Хорошо, хорошо! Ты волоки все-таки это на кухню, я сейчас... (Как всегда, она берет себя в руки гораздо быстрее, чем, я. Через некоторое время из кухни доносится тихое жужжание):

— “Подите и купите ему торг. Быстро... а то... очень восприимчив... впечатления... и натошак, так поскорей, А.Ф.!”

Звякают деньги, и хлопает дверь. Мы оба сидим, каждый в своих владениях; мы оба знаем — лучше переждать. Но когда А.Ф. возвращается, О. Н., как ни в чем не бывало, подает голос:

— “Павел! Твой любимый торг!”

”НОЧНОЙ СМОТР”

Я уже ложусь спать, раздеваюсь. И потом в трусах опять подхожу к работе, задерживаюсь. Вдруг, не то что пугаюсь, но для порядка решаю подойти к О.Н. (а то что-то храпа не слышать). Подхожу — тихо, темно. Провожу осторожно (но в это время не беда, если и проснется) по лицу — слава богу! пышет теплом!. Она сквозь сон смеется и тоже в темноте старается поймать руками: — “Ты это что, как на пляже?” — Ну, дай-ка я присяду на минутку... — “Ну — ну! (поглаживает мне руку, потом, вспоминая: “...посмотри-ка, возле речки сняли кожу человечки...” (и, уже засыпая, путает строки): “...полетел и сел на вышку!”). — Ну, и я полечу... до завтра... (с тайным расчетом, что еще что-нибудь скажет). — “До завтра. Завтра мы зореньку будем встречать... Хочу спать! Иди!”

ПОСЛЕ ВЫХОДА В ГОРОД

— Голоден! Умираю — голоден! — “А-га! Хунгер ист дер бесте Кох!” /голод — лучший повар — нем./

— Да я знаю это все! — “Сейчас. Вот будет тебе “яешна”! Погоди, не набивайся чем попало!” (Поедаю все подряд):

— А, а, а, р, р, р... (Смеется и, видимо, довольна моей прожорливостью):

“Пагай, пагай! (погоди). Ну, вот (ставит на стол шипящую яичницу, я и ее уписываю, запивая

Дорогой Павлик!

Очень без Вас соскучился. Узнал, что Вы были больны - очень сокрушался. Приезжайте. И не нужно ли Вам (между нами говоря) денег? Черкните открыточку с Вашим точным адресом.

Ваш К. И. <Корней Чуковский>

Корней Чуковский и Павел Бунин

холодным молоком. О.Н. любит:

— Ну, уж сегодня ты нигде не прихватил! Вижу!”

(Продолжаю жратву): — А я не скрываю! А ты?

— “Я? Я — это я! Ты обо мне не думай!”

(Отрываясь от еды, наконец):

— А помнишь — пьяница (перед плакатом: “Алкоголь — медленная смерть!”): “А мы и не торопимся!” (оба смеемся). — Ну, ты что, как? Дай-ка мне руку, а то я что-то...

— “Ну, теперь я тебя!” (Протягивает маленькую, но крепкую загорелую руку, я, уцепившись, поднимаюсь):

— Пойду, завалюсь, — “Конечно, иди, иди...”

Через некоторое время проснувшись (за окном золотые листья деревьев, закат):

— О.Н., ты где? — “Уже проснулся?” — Ты посмотри, какая красота! (указываю на деревья в окне). Теперь тебе гулять и гулять!

— “Осень золо-та-я! Кто тебе не рад! Весело играя, встретим листо-пад!”

— Все-таки у тебя чудовищная память! Присядь на минутку... — “А ты, конечно, с книгой — без книги не можешь! Что у тебя там?” — Гоголь.

— “Есть город Миргород! Дедушка всегда смеялся”. — А помнишь — посреди Миргорода громадная лужа, замечательная лужа, непременно приезжайте посмотреть! — “Непременно!”

В открытые окна — теплый ветер, иногда пролетают листья.

— “Ну, брось портить глаза! Уже сумерки — зажечь тебе свет? — Нет, погоди. Ну, что у тебя сегодня? — “Да ничего. Хотя нет, ты знаешь, кто звонил?”

ПОСЛЕ ГОЛОВОКРУЖЕНИЯ

— “А, свежий воздух! Да, вот теперь мне легче!”

Закутываю ей ноги в плед, она в шапке (каракулевой с плоским верхом — несмотря на озабоченность, не могу удержаться и похлопываю по круглой плоскости) и шубе, в кресле, окно открыто. Зевает, потом прямо-таки на глазах начинает розоветь и разглаживаться... разговаривает:

— “Ну, ты уходи... этот холодище прохватит тебя... ох — ох, ох-хо” (зевок, и еще, и еще). Я

Е. А. Мальцура. “Приезд — возвращение”.

Раннее зимнее утро 1986г. Мы, кучка старых друзей, на киевском вокзале ждем прибытия поезда.

Из дальних странствий длиною почти в 10 лет возвращается П.Б.

Бабушка

Кримхильда. “Песнь о Нибелунгах”.

предаюсь веселью.

— Вот видишь. — “Видан дух”. — И меры приняты; не дует? — “Откуда? Ты меня всю закутал (зевок) — вот это лучше твоих лекарств, но иди, иди!”

ПОРТРЕТ О.Н.

Опишу ее внешне.

Вхожу к ней утром. Голова несколько под углом лежит на подушке, а одеяло натянуто почти до шеи. Лицо полное, она улыбается мне. Со сна розоватого цвета, морщин как бы не видно. Какие-то очень живые глаза, короткий нос, общее выражение лица несколько кутузовское. Складка около рта служит как бы выражением некоей улыбки, а внизу правой щеки (около губ) небольшая, чуть заметная родинка (время от времени я истребляю появляющиеся там волоски). Волосы седовато-стального цвета.

Опять-таки детали, а на круг как-то не получается.

Вот, может быть, так: круглая, мощная голова с мягкими, темно-стального цвета волосами. Живые глаза, короткий решительный нос меж щек с характерной складкой вокруг мягкого, отнюдь не бесцветного и не узкого рта. Могучая шея, великолепно переходящая в мощный затылок (ничего не поделаешь — другого слова нет). Обычное выражение — живая, несколько агрессивная доброжелательность. Она одновременно грузна (брюхо в бандаже) и странно легка. Руки решительны, подвижны, цепки и несколько неловки.

Это целостнее. Но хорошо бы еще короче.

Могучая голова, темно-стальные волосы характерно и коротко подстрижены. Короткий решительный нос меж щек со складкой вокруг мягкого, но тоже решительного рта; голова сидит на могучей шее. Живые карие глаза — прямой открытый взгляд, часто любопытный. Она грузна и странно легка. Ощущение всемогущества — не дает думать о беспомощности. Прекрасная легкая улыбка с звездами морщин. Общее выражение — живая, несколько агрессивная доброжелательность.

ГЕНЫ ПРЕДКОВ

Мы с ней и Олегом в ГМИИ — около Рембрандта. О.Н. в коричневом костюме. Я

Как всегда, в ожидании, стрелки часов движутся нехотя и сонно. По радио уже два раза объявляли, что поезд опаздывает, а он все не прибывает.

Самый молодой и нетерпеливый Миша Чегодаев, идет наводить справки, возвращается смеясь:

- Угадайте, когда он приезжает?

Село Воскресенское в Башкирии, куда была эвакуирована МСХШ

ораторствую:

— И поскольку он (Аман) был разоблачен, его истребили.

О.Н. (с каменной уверенностью):

— “Вместе с детьми”.

ЭХО УКРАИНЫ

— *Ехал козак за Дуна-а-й, сказал дивчине про-ща-а-ай...* — “Ис-топ-та-ла-че-ре-ви-ки...”

ОБА: “Ходю-чи до него!” О.Н.:

— “Он сказал мне — при-ди, при-ди!”

ОБА: “Не ска-зал мне ку-ды, ку-ды?”

— “Да, так “куды”?”

— Да ты же знаешь не хуже меня... — “Ну да, — редакции... но ведь это не на целый день...”

— Видишь ли... — “Я все вижу!” — А видишь, так ладно! — “Ладно! Так когда?”

— Э... Э... к 8! — “Так давши слово”... — Да, но если что — я позвоню... — “А-а-а. Ну, тогда тебя Митькой звали... закатайся к Славе, к Сергию... Я знаю!” — Нет, нет! Будь благонадежна!... — “Я то благонадежна, — за собой последи... И не переутомляйся! Уж будешь там...”

— Да нет! Все будет *ин орднунг!* /в порядке – нем./

— “Так помни — *орднунг*”.

Она машет мне в окно рукой. И хотя мне действительно нужно по делам, да и вообще хочется прошвырнуться, каждый раз мелькает: а не плюнуть ли? Не вернуться ли обратно? И на минуту сжимается сердце.

— Ночь хо-ло-дная настает, от реки туман — встает...

— “Птичка божия устанет, спит и петь пе-ре-ста-ет”.

Послушай, как это все остается!

Всплывает слишком многое, и поскольку слов не хватает, обнимаю ее молча — который раз.

Возвращение

- ??

-В 7.40!

Ну, конечно, ведь началось-то путешествие с Земли Обетованной, чем же ему кончатся, как ни фрейлэсом, знаменитым Семь-Сорок. Наконец, поезд!

И.-В.Гете. "Фауст".

БЕРАНЖЕ—УТЕШИТЕЛЬ

— Какой ужас, какая гадость! (О кино про пожилых). — “Ты думаешь, так не бывает? — Сплошь и рядом!”

— Нет, но какой ужас. Мне это даже в голову!.. (отдают в дом для престарелых).

— “Тебе не пришло — а им пришло!.. Ты вообще... аномалия!.. Что ты себе думаешь!”

Неожиданно вытаскиваю старый рисунок — “Бабушка” Беранже:

— Посмотри-ка! О.Н. (все еще несколько раздраженно): “Кю эс ке?”

Смеется: “Ну, это же поэт Лемешев — голова к плечу!”

— В хмелю!

— “Тебе непременно надо меня поправлять! (рассматривает рисунок, смягчается)... ну, я не знаю, по-моему, ты и тогда хорошо рисовал! ...Эти их банты... Откуда ты все это знаешь!”

КАПЛИ

О.Н. не впустила в глаза капли; она вообще старается пустить побоку все мои лекарства, но, конечно, беспокоясь о ней, я соответственно себя чувствую. Вот и сейчас:

— Садись! Ну-ка садись! (повышенным тоном). О.Н., не торопясь, идет к стулу:

— “О, о, о! Вот ты уже на меня кричишь. Ты уже на меня поднимаешь голос!”

Усмехаясь, усаживается.

— Волос я на тебя поднимаю... (беру пипетку; при этом зрелище О.Н. немедленно по-кошачьи жмурится, о чем я ей и сообщаю). О.Н., приоткрыв левый глаз, — он у нее немного больше: “Ну, да! Дедушка всегда говорил — ты, как кошка, привыкаешь к месту...”

— Так могла бы привыкнуть и к процедуре... — “Могла бы. Но как просить? Нюра дура, а ты вечно крутишься...”

Все это вполне справедливо, и я чувствую себя неудобно. — Но напомнить-то ты можешь?

— “Не думай, что это такое удовольствие...” (Начинаю действовать): — Открой глаз!

— “*Herr* Доктор...” (это вспоминается старый анекдот, оба смеемся). *Дама привела ребенка к окулисту: “Aber Herr Doktor — vergessen nicht das ist ja Auge!” — но доктор, не забудьте: это все-таки ГЛАЗ!*

— “Ну, как я могу открыть, когда...” (Тут я ухитрюсь отправить лекарство по назначению. О.Н. отдувается). “Фу!” (Она вытирает глаз.) Я:

Вот и “наш” вагон. И в окне непривычно застывшее лицо с белыми глазами. Родное, знакомое и все же чем-то чужое, ошеломленное.

Не знаю, в эти первые минуты различал ли он нас или воспринимал аморфной кучей. Тогда не спросила, а сейчас правды не узнаешь. (Он и сам, возможно, забыл.)

С Ефимом Эткиндом в Мальмезоне, любимом замке Жозефины.

Пани Гетман Яблоновска; под Веной ее прапрадед победоносно командовал крылатыми гусарами.

— Не лапай глаз! Опустит грабли! О.Н. (не моргнув): “Опушу” (поднимается). Ну и хватит на сегодня!” — Зато порядок! — “Порядок! Завтра же забудешь!” — А ты напомнишь! — “Посмотрим!” Это уже говорится значительно и несколько таинственно. Она шествует. Но, обернувшись у двери:

— “Все на сегодня”. — Все! — “Ну, так ты можешь теперь быть спокоен, и займись чем-нибудь путным”. (Отваливает).

НА КУХНЕ

Открываю дверь — О.Н. на кухне, в облаках пара, около плиты кипятит нечто, грубо тыча в кипящее ведро палкой; недовольно оборачивается):

— “Тебе чего?” — Да ничего — руки помыть. “Ну, так мой!” — Постой, это же твоя парадная трость!

Испанский камыш, набалдашник слоновой кости.

— “...Ладно...”

— Что ладно!? Пусти — дай сюда...

— “Вечно мешают...”

— На вот тебе другую дубину — она даже лучше. — “Лучше-хуже — давай — и занимайся своим делом!” (и она снова ныряет в пар).

ПОЛЮСЫ

(Скандалю о неудачном разговоре по телефону):

— Почему ты не объяснила ему? — “Ну, я не знаю, я...”

— Но ведь так просто — я ведь тебе говорил! (При этом в голове по дуруости не укладывается, что 86 лет! — привычка, что она все может!

О.Н. крепится и вдруг): “Что ты хочешь? Я старая женщина!..”

Я совершенно потрясен. Как если бы вдруг ударили по голове. Наконец, собравшись с силами:

— Не смей так говорить! Никогда! Ты слышишь — ни-ког-да!

Начинается выгрузка. Папки, папки, папки, чемоданы, кое-как застегнутые, с торчащими вкривь и вкось рисунками.

- Неужели нельзя было уложить, как следует!

- Оно и было так сложено, но на таможене меня так трясли, так... и каждый рисунок, и каждый листочек... Такси бы. - Да тут такси не обойтись.

авел Бунин.
"Моцарт и Сальери"
(перевод с русского).

Szene II
Speziale zimmer in Gasthaus, Klavier. Mozart
und Salieri

Warum du bist so finster?
Salieri

Ich? Nein!
Mozart

Du bist unruich Mozart, was?
Na, Mittagsmahl und wain,
Nur du in Schweigsamkeit.
Salieri

Ach, weist du,
Mein Requiem bring mir Schmerz.
Mozart

Salieri
O!
Has du geschrieben Requiem,
Wie lange?

Mozart
Shon lang, drei Wochen. Aber seltsam sache...
Hab ich dich erzelt?

Nein.
Salieri

Dan höre.
Mozart

.....
Mozart
...obwohl ist ganz beendet mein Requiem. Ja,
aber unterdessen...

Was?
Salieri

Ich scheme mich zu sagen...
Mozart

Кидаюсь к ней.

Страшные эти по непривычности слова — ведь Нерушимая стена! — я стараюсь их тут же истребить, изгладить.

О.Н. из амбиции сопротивляется:

— "Нечего закрывать глаза... я говорю то, что есть, — в конце концов..." — Ты с ума сошла!

Чтобы никогда!..

— "Но ты должен держать себя в руках... Как распустеха какой-то... крик..." (Бразды явственно переползают в ее руки.)

За окном начинается дождь. Я: Наконец-то! (Была страшная жара.)

Раздается телефонный звонок; я, как ни в чем не бывало, кричу: О.Н.! Возьми трубку!

— "Что? Да. Нет, он дома. Одну минуту. (Мне): Тебя какой-то..."

После разговора кладу трубку:

— Смотри, а дождь продолжается! Отлично!

— "Ну, ты этого хотел. (Миролюбиво, с некоторым подъемом): — Теперь вся зелень оживет!"

Усаживается у окна и наблюдает дождь. Я (вдруг вспомнив): Боже мой! — "Что опять?"

— Мы же развесили на веревке пальто и прочее! (Бегу к двери.)

О.Н. (вдогонку): "Накинь что-нибудь!" (Возвращаюсь с кучей добра):

— Куда все это?

— "Сложи тут. Ньюра придет — разберемся". — Да как она придет — ливень! — "Ничего".

Появляется Ньюра:

— О.Н., вот, все купила! Мальчоночка промок?

(Бразды уже вполне на изначальном месте): "Так. Пойдемте, Ньюра. Что у вас тут?" (идут на кухню). А мне остается, как человеку, глянувшему с высокого обрыва, ужасаться и пилить себя: как я мог, нет, как я мог?

Некоторое время спустя О.Н. заглядывает ко мне в комнату; я с горя читаю биографию Кромвеля, физиономия его — для полноты картины — опять-таки чем-то напоминает О.Н..

О.Н. (вполне миролюбиво и бодро): "Ну! За любимым занятием? Об чем на этот раз?" —
Английская революция.

Здесь грузовик нужен.

А через несколько дней веду его на "Покаяние" (приобщаю к нашей жизни, к нашим реалиям). Жду электричку и понимаю, что не помню его лица, что, вообще, это какая-то фантастика, потому что за 10 лет привыкла, что он где-то там... постепенно превращается в письма, в голос из телефонной

Ja? Salieri
Mozart
Die ganze Tag und Nacht ich habe Ruhe auf meine Schwarze Man.
Und gleich, es scheint er setzt mit uns, der Dritte.

Salieri
Ach, höre auf! Das ist ja kindisch Angst!
Denk nicht auf das, und weis du,
Boumarsche hat mir gesagt: "höre, freund
Salieri, wen grausamme Gedanke kam fur dich,
Dan name gute Sekt und lese noch ein mal mein
"Figaro".

Mozart
Ja! Boumarsche war deine Freund; du hast
"Tarar" für him verfassen,
Ruhmreiche Sache. Da ist ein Motiv, ich wieder-
hole das wen ich bin glücklich...
La, la, la, la... Ach ist es Wahr, Salieri,
Das Boumarsche fergiftete ein mal?

Salieri
Ich denke nicht: er war zu komisch für diese

Handwerk.

Mozart
Genie er ist,
Wie du und ich. Gnie und Messetat zusammen
ken nicht bleiben.
Nicht war?

Salieri
Denkst du? (werfen Gift in Mozart Glass)
Nun, trink du.

Mozart
Auf dein Wohl, mein lieber Freund, und für
aufrichtig-Bund, verbinden Mozart und Salieri –
zwei Söne der Garmonie:
(Trinkt)

Salieri
Doch Warte,
Warte, Warte! Du trinkst... allein!?

Mozart
Genug, und sat bin ich (geht zu Klawir).
Here du, Salieri, mein Requiem. (schpielt)
Weinst du?

— "Виги и тори".

Еще хорошо, что при всем моем изумлении, я его не выражаю. Потому что иначе было бы: Боже мой! Откуда? — "Оттуда. Что, — я уже совсем идиотка? Во что ты меня превращаешь?"

Но сейчас надо иначе:

— А ты знаешь, "виг" — по-английски "парик".

— "Ну и молодцы! А, кстати, где твои парики?" — В шкафу. Я тебя в них тоже нарисую!
"Посмотрим. Будет некогда день..." (И она отправляется на отдых.)

* * *

— По разным странам я-а бродил... И мой сурок со мною! — "Как было хорошо!"

Мы оба, естественно, вспоминаем мои первые уроки музыки.

О.Н. всегда говорила: "*Marmotte*" /сурок - фр./.

— Послушай-ка! Черт с ней, с кухней, давай лучше пообщаемся!

— "Можно. Но вот видишь как ты: то общайся, а то уходи! Как это грубо".

— Ты могла бы заметить, что это бывает только во время работы, — меня тогда все отвлекает, и можно в минуту все испортить — а потом возись!

(Несколько раздражаясь.) — Неужели это непонятно? — "Понятно, понятно! Но..." — А раз понятно, инцидент, стало быть... — "*Исперчен*. Ну, так я все-таки пойду, а ты не очень задерживайся".

(Стук в дверь). "Вот! (Идет отпирать)... Входите, Гелий, входите!"

— Как здоровьице, О.Н.? А ты, валяешься? Буржуй!

Нина: Так его, хорошенько! (идет на кухню).

Гелий (усаживаясь в шубе на кровать):

— Ну, что новенького?

ЧУЖОЙ ЛЕКСИКОН

Видя, как я вожусь по хозяйству, с одобрительным удивлением:

— "Откуда это у тебя?" — Но ты, кажется, забываешь, чей я внук... — "Ну..." (Она довольна.)

трубки. И, вдруг, вижу идет ко мне по платформе той же походкой, тот же П.Б., и тем же доотъездным голосом начинает, как всегда, с середины свой стремительный, обо всем на свете разговор.

Смотрю, как на материализовавшийся фантом. Неужели можно дважды, в одну и ту же реку... и Великий Грек неправ? 24.03.96г.

А.С.Пушкин. "Песнь о вещем Олеге".

— Да и не могу я уходить из дому, оставляя такой бардак...

Задумчиво: "Бардак... но это нехорошее слово, и ты бы *топ...*" /Это — произношение О.Н.: *топ* — *мог*; и т.д./ — Конечно, конечно.

(Усмехается): "Ну, так приводи его в порядок!.."

— *Яволь! Цу бэфель! /Так точно! Слушаюсь!- нем./* — "Ладно, ладно".

ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Смотрит на портрет бабушки.

— "Мы его совсем забываем (задумывается)... — Что ты, что ты! Что ты такое говоришь?..

Ты лучше скажи, как дедушка выглядел, когда был директором. (Нина, проходя, рассеянно): "Дедушка, голубчик, сделай мне свисток". /Детские стихи из другой жизни./

— "Как выглядел? Видишь ли. Однажды ученицы писали сочинение на тему: "Наш директор".

И одна из них написала: "Как ни странно, наш директор похож на Мопассана..." — Ну, ладно. Что у тебя?"

— Да вот, Л. просил помочь ему... — "Так не надо отказывать — хороший человек".

ГАГРЫ

— "Они так несутся (это о проносящихся машинах, пока мы переходим с ней улицу — от дома к морю)! Ну, все: перебались!"

— Послушай, вот тебе уже море, а? — "Да! (Она шествует.) Поразительно. Но вот тут ты мне помоги".

И мы спускаемся по лесенке. О.Н. продолжает: "Но ты не засиживайся на солнце — сгоришь!" — Ну, а я вчера видел Марью... — "Что ей! Толстеет..."

Спустившись по лесенке, мы двигаемся к намеченной цели — к облюбованной нами полужансенной галькой глыбе. О.Н. немного волочит ногу — идти трудновато: песок, галька, камни — но движется неуклонно. — "Те! Теперь надо бы тут сесть!"

— Красотища! (Горы в солнечно-голубой дымке и тихо накатывающее море). — "Да! Но ты мне тут устрой..." — Ты мне дай, как говорит Борис... — "Словом!" (И она покоится на разложенных

А. Губер

А. Губер / Главный хранитель музея изобразительных искусств им.
А.С.Пушкина /
“ О “Пушкиниане” Павла Бунина”

Эфоры Спарты в Афинах с предложением мира.

полотенцах и прочем.) — “Так! Теперь раскрой мне зонтик, и можешь быть пока свободен”.

Тут я раскрываю голубой китайский зонтик, и О.Н., повертев его на плече, еще плотнее усаживается и погружается, я бы сказал, в нирвану, тупо уставившись в одну точку. Но это не так. Ее коричневые глаза перебегают с предмета на предмет, живо и одобрительно-любопытно поблескивая. Ну, а неподвижна она действительно. И вот экспозиция: белая каменная стена, затем галька, в гальке — глыба, на глыбе самодовлеюще-застывшая в благорастворении О.Н. в зеленом платье; короткие рукава открывают красные от загара, тоже короткие (и крепкие) руки. Она несколько напоминает некоего добродушно настроенного карфагенского идола с выбивающейся из-под косынки (с каким-то грубо-нутряным кокетством — о нем она, наверное, и не думает) прядью волос.

На большой, разлапистой, выгнутой скамье, около кино — вокруг сует много народа, смех, обрывки разговоров — такая одинокая: я на мгновение представляю, что меня нет, и — боже мой — что с ней тогда? И шаги ускоряю тут же. И, странно сказать — энергично ждет. И хоть рядом какие-то рожи, с размаху сажусь рядом и громко: только для нее, а для себя — еще больше, — заговариваю. О.Н. как-то внутренне вспыхивает, оживает. И тут кажется, что, может, и она эти минуты томилась одиночеством, а энергичное ожидание — только маска, чтоб не раскиснуть. Да нет! Она все-таки поглядывала на эту суету с живым любопытством:

— “Ну, так или иначе — мы идем?” (в кино).

Вечером, задержавшись на пляже, замечаю наверху, у парапета, ее характерную фигуру — одновременно откинувшуюся и сутуловатую. Она явно меня не видит, но твердо стоит, опершись в камень зонтиком. У меня тут же в голове: вдруг поскользнется? и я тут же должен быть, наконец!

— А ты не хочешь спуститься? Наш камень... — “Нет!” (О.Н. стоит, не выпуская моей руки.)

— Но закат? Смотри, все ушли, и можем без помех любоваться.

О.Н. (размышляет): “Но эта лестница — вверх, вниз!.. Ладно, в следующий раз!” Пока мы идем, я смотрю — темная зелень; в разрывах меж ветвей — неестественно-сладостная голубизна гор и — выше — золото заката. О.Н. прерывает мои наблюдения:

— “Идем! Хватит уже!”

В “Пушкиниану” Павла Бунина входит около 700 рисунков к поэзии и прозе Пушкина, включая его письма. Манера Бунина очень разнообразна — от легкого, как бы эскизного наброска тушью до детально проработанных цветных рисунков. Главная привлекательность их, как мне кажется, заключается в том, что художник обладает редкой способностью вживаться в

Об Игоре Федоровиче БЭЛЗЕ
(очень немного)

- “Хорош! — восклицает он — нет, это Дьявол!” Игорь Федорович рассматривает мой рисунок Данте, который он конфисковал в одной редакции у нашей общей знакомой...

Рисунок висит над его кроватью, уже в раме и стекле (к моему удовольствию). Мы сидим в уютной его квартире и беседуем об очередном “Дантовском сборнике” и, естественно, о самом Алигьери.

И.Ф. — “...ну, конечно, он был тамплиером и, возможно, в немалых степенях; и уж наверно — еретиком. Ведь Вы помните — “Блаженна несшая...”

- “...тебя в утробе” (бестактно спешу закончить цитату, но И.Ф. доволен: “Ну да, Вы же все знаете (П.Б. конфузится и бормочет — что я знаю!), и Вам понятно (И.Ф. увлечен и как-то непонятно светлеет и молодеет на глазах), Вам понятно, что это — еретическое переложение “Ave Maria, grazia plena”, да еще обращенное к самому себе... (И.Ф.

задумывается).

П.Б. — И.Ф.! А как Вы думаете — почему в Равенне?

И.Ф. — Видите ли, Павел Львович — Гвидо был приличный человек (это о Гвидо да Полента, владыке Равенны, друге и покровителе Данте), и потом, Вы ведь знаете (я НЕ знаю, но это так приятно слышать), что при его дворе нашли приют и много других Рыцарей Храма и ...”

П.Б. — Но, Игорь Федорович! (Прерывать его и невежливо и бессовестно, но он говорит столь приятельски и интересно, что как-то невольно срываешься. Конечно, И.Ф. прекрасно понимает, что это не от грубости, но от искренней увлеченности, и не сердится, а я продолжаю): — Игорь Федорович, ведь они (рыцари Храма во время процесса) сознавались черт знает в чем, и как же?..

И.Ф. (улыбаясь, прерывает меня в свой черед) “Ах, Павел Львович — неужели я должен объяснять Вам, как добываются подобные признания?”

- А ведь в самом деле — как я не подумал

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вхожу домой после командировки, волоча папку.

— “Смотри!... Как это вдруг!... Ну, это все? Ты совсем вернулся?”

— Да уж будь уверена!

Падаю на стул. О.Н. грубо и отрывисто смеется. Я весь в грязи с дороги, но О.Н. не напоминает, а у меня нет сил — сначала оглянуться — что, как... А как если бы не уезжал — книги, карандаши, рисунки, приколотые к стенам, зеркала, на кухне фыркает чайник — проехало; все!

Время от времени я делаю слабые попытки встать.

— “Сиди!.. Отдыхай!.. Успеется!”

МОЙ УЖАС

— “Я, несчастная старуха, я ничего не понимаю! О, о, о!”

О.Н. рыдает: это очень редкий случай, и я в ужасе бросаюсь к ней.

— Радость моя, что с тобой?! Что?!

— “Я уже ни-че-го не-по-ни-ма-ю!”

— Что ты? Что ты? Господи! Душенька моя, пушенька, дорогая... (крепко обнимаю ее за плечи). Что ты... что ты...

— “Это М. ...пришла... все хорошо... и вдруг она: “Ты мешаешь Павлу...” Я...”

— Ох!... Дура...

— “Нет, ты так не говори... но она это так грубо...” — А, как всегда... ох!.. да что ты — не понимаешь, что просто она тебе завидует... ох!..

Я, действительно, в ярости и отчаянии, и это со мной тоже не так часто; всячески проявляю “действие” — тормошу, дую в ухо, в гребенку на затылке, — при всем идиотизме моих поступков — с великой радостью, — ну, вот и камень с сердца — вижу, что помогает...

— “Ох!... Ладно... но главное... — ...старуха! Это ей непременно надо сказать...”

Ладно... наплевать, проехало, и я даже пробую шутить: — старуха-белобуха... ничего; и повторяю на мотив “Форели” Шуберта — Ста-ру-ха-бе-ло-бу-ха... тарамта-та-ри-ри-ри-рам-там-

эпоху, в духовный мир и внешность литературных персонажей, что каждый рисунок строго предметен и воссоздает зрительно либо пушкинский образ (Пимен, Сальери, Дон Жуан и др.), либо ситуацию, которая точно определяется пушкинскими словами. В тоже время художник далек от натурализма, от бесстрастной реконструкции. Напротив, в каждом штрихе

раньше!

Между тем И.Ф. присматривается ко мне: — “Попадите свой карман, Павел Львович — что у вас там?”

... с трудом вытаскиваю “Кобзаря”...

И.Ф. (одобрительно) — “Вы как — на *мове*? Любите Тараса?”

П.Б. — Очень — ведь живой эпос. Вот хотя бы: “ой чога ты почорніло зеленее поле?..”

И.Ф. /рефлексивно/ — “почорніло я от крови за вольную волю”... Вы знаете, Павел Львович — именно на эти стихи я когда-то написал ораторию...”

П.Б. /почтительно/ Может быть, Игорь Федорович, Вас не затруднит сесть за рояль и...

И.Ф. — “Не затруднит, но сейчас мы заняты Алигьери”.

...он вытаскивает том Данте и читает, увлекаясь все более, по-итальянски. Нечего и говорить, как это звучит в его исполнении...

— “Джентльмены, Ваш разговор очень интересен, но Вы можете продолжить его за чаем...” — это Зоя Константиновна, с ее обычной ненавязчиво-спокойной

элегантностью... Наверно, особо привлекательная атмосфера в этом доме в немалой степени (не хочется сказать — ее заслуга) — ее естественное порождение.

И.Ф. (естественно, целуя руку З.К.) — “Конечно, дорогая... Павел Львович, если дама приказывает...”

П.Б. — То только удовольствие ей подчиниться...

За чаем разговор продолжается: И.Ф. — “Ну, а как Вы намерены это назвать?”

П.Б. — Не знаю, И.Ф. По-видимому, усыхание мозга...

И.Ф. — (по-домашнему смеясь) “Если и так, то, надеюсь, не надолго... Но подождите (И.Ф. вытаскивает из папки рисунок). Вот. Фарината. Ну-ка припоминайте!”

П.Б. Охотно — “Тосканец, ты, что городом огня идешь живой и скромн примерно...”

И.Ф. — “Вот и достаточно. Название — “Тосканец”.

П.Б. — По-моему — идеально.

И.Ф. — “И прекрасно. Тем более, что (листает рукопись) Вы ведь этим и завершаете

там... О.Н. усмежается:

— “Ладно (в весьма грубом регистре — он для меня “слаще пенья”, как выражается один из ее любимцев Ричард III)! Белобуха, говоришь? Дай-ка я...” (Она поднимается; тут надо ее чем-нибудь немедленно занять, ясное дело):

— О.Н.! Я ведь тебе не сказал — умираю, есть хочу!

— “Ну, так пусти!”

Я лукавлю:

— Может быть, что из сухоматы? (О.Н. грубо передразнивает):

— “Из *сухоматы* (нарочно коверкает). Нет! Поешь в кои веки!”

Идет на кухню. Валюсь обессиленный на ее раскладушку у окна, превращенную в диван тучей матрацев *(от каждой полочки — покупал матрац; для бюджета — легче, чем кровать)*, повторяя при этом:

— Ох! Дай-ка я! (тянусь за книгой).

Поздно вечером тихонько вхожу с тайным расчетом, что если и проснется — ничего!

— “Ну! Ты уж сегодня находился, я думаю!” — Я тебя не разбудил? Можно войти? — “Нет, нельзя! Ну, как ты думаешь?”

— Я зажгу на минутку настольную, хорошо? — “Конечно!”

Зажигаю, и вот вижу: крупная голова расцветает улыбкой и, несколько взлохмаченная на затылке, что особенно умиляет, приподнимается на подушке. Скидываю пиджак и так устраиваю лампу, чтобы ей не в лицо. “Ладно, ладно... Ну, садись... что сегодня?”

— Ну, А., прежде всего, передает тебе привет. (*Алик Муравлев, композитор и мой друг.*)

— “Спасибо! Он — что?”

— Слушали Шуберта, потом он играл... вот и задержался... — “Ну, и очень хорошо... а что он играл?”

— Моцарта.

— “Моцарта. Ну, это можно слушать без конца. Был кто-нибудь еще? Девахи?”

— Нет, были одни.

чувствуется стремление художника проникнуть в самую глубину образов великого поэта, понять их как наш современник. Рисунки Бунина не могли возникнуть ни 100, ни 50, ни даже 20 лет назад, они внутренне датированы нашим временем.

Очень желательно издать альбом этих рисунков, отобрав вместе с

свой труд (читает последние строки Великого – “Больше не надеюсь, о Баллата, возвратиться на берега Тосканы...”)...”

П.Б. (скромничает) Ну, какой труд! Так – достаточно бессвязные заметки...

З.К. (мягко-командно) Павел Львович, не кокетничайте.

И.Ф. – “А собственно, почему, дорогая? П.Л., если это Вам нравится... Но к делу: у нас есть рукопись, есть рисунки, и есть заглавие. Если Вы доверяете мне еще раз ее просмотреть, и если...”

П.Б. – Господи – Игорь Федорович! Да чего же лучше!

...
Речь шла о публикации моей рукописи о Данте, но увы! Несколько лет я отсутствовал и, естественно, дело замерло. Об этом эпизоде, хотя и не завершившимся – вспоминаю только с чувством радости, поскольку (рискну сказать со всей возможной скромностью) И.Ф. испытывал ко мне нечто вроде теплого чувства; да вот хотя бы – где-то около Театральной библиотеки вдруг встречаю Игоря Федоровича. А я, как

нарочно, спешу в одну газету с письмом, подписанным Коненковым, Андрониковым и другими в таком роде, о целесообразности издания альбома моих рисунков к Пушкину.

П.Б. – Игорь Федорович!

И.Ф. – “Павел Львович, рад Вас видеть – куда Вы?”

П.Б. – Да пожалуй, именно к Вам (излагаю дело).

И.Ф. – “То есть Вы находите, что моя скромная подпись может Вам чем-то помочь? Давайте бумагу (подписывает). Желаю удачи. И если что-то понадобится – Вы ведь знаете, что я всегда рад...”

А вот мы на телевидении. Некий пушкинский юбилей – показывают мои картинки, И.Ф. их комментирует: остро и одновременно доброжелательно. И вдруг, совершенно не по теме, а зато от сердца: “но вы не должны себя ограничивать. Как я был бы рад, увидеть нарисованного Вами Шопена...”

П.Б. (шепчет) – Игорь Федорович! Ведь это

— “Бодливой корове... Тут тебе одна звонила... Телефон надорвался... “М, м, м...”

— Записала? — “Записала. Но тут еще были и деловые... Но это завтра... иди, отдыхай”.

— А Нина?

— “Иди, иди! Сегодня был спокойный день, можешь не волноваться...” — Ну, так спокойной!

— “Спокойной!” (Когда иду к двери, О.Н. неожиданно оживленно добавляет):

— “А знаешь — сегодня Качалов... ну, ну этого... Дон Кихота... И эта его песенка... ну, ты всегда...”

И тут я возвращаюсь, осторожно трюсь об ее лицо носом.

— “Легче, легче!”

— А вот ты знаешь — у новозеландцев это в знак дружбы...

— “Ну, вот будешь в Новой Зеландии, так там...”

И вот я теперь раздумываю. Тогда оно “проехало”. Но сколько же раз оставалась она так одна. И каково это ей было; ведь, положим, и звонил, но 84, 85, 86, 87... Вот она говорит, что все хорошо. Прекрасно. Но ведь кто знает, что будет через 5, через 10 минут, через час, два! И осознавать, что, кроме дурехи и воровки Ньюры (а остальные еще гораздо хуже), под боком никого нет... А ведь если что, то при всех такси могу добраться домой не меньше, чем в полчаса. А если? А ведь иногда достаточно и минуты.

Воистину, все это чудо, не моими слабыми руками было поддерживать это так долго, и так (увы) далеко не всегда на уровне. И все-таки, не смею сказать *верю*, но надеюсь... иногда...

РАДОСТЬ ОБЫДЕННОСТИ

Сворачиваю за угол и вижу: О.Н. сидит на скамеечке, в руках авоська с какими-то покупками; синее пальто, коричневая шляпа.

— Как, ты здесь?

О.Н. довольно улыбается, отчего ее — сегодня бледное — лицо светлеет. — “Ну, да”.

— Но как же это ты? (накануне был трудный день и пошаливала голова). — “Так же это я! Ты

художником наилучшие варианты. Пушкина иллюстрировали многие живописцы и графики, но так, как Бунин, никто.

Многое из того, что он сделал, было признано нашей художественной общественностью на выставках Всесоюзного музея А.С.Пушкина в 1960 г. в гор. Пушкине, Гос. Музея А.С.Пушкина в Москве в 1962 г., Литературного

совсем другое...

И.Ф. (невозмутимо) – Ничего, Павел Львович, если им не понравится – вырежут”. (К моему изумлению, оставили.) “Ну, вот видите, как все хорошо получилось!”

И вот я опять в Москве: “Игорь Федорович, добрый день! Можно зайти?”

И.Ф. – “Не только можно, Павел Львович – нужно. И есть смысл поторопиться”. (Мы не виделись 10 лет, но И.Ф. сразу узнал меня – сердце обдало теплом.) По счастью – я поторопился. Я опять увидел умудренные, печально-веселые глаза, мягкую улыбку, опять ощутил магию и тепло этого дома; этот контрапункт таких по-разному привлекательных характеров, так понимающих друг друга, и – вас, прежде чем вы заговорите.

Наверно было радостью для каждого оттаивать душой среди этих людей, а для меня (достаточно одинокого существа) – и подавно.

Что можно сказать в заключение – при повальной словесной инфляции?

Да только одно – СПАСИБО!

Спасибо Игорю Федоровичу и прекрасной и сильной женщине, так долго бывшей ему опорой.

Дорогая Зоя Константиновна!

Тяжело расставаться с близким человеком. Но в Вашем сердце – память о нем, рядом с Вами – прекрасный сын и (уверен) почтительно восхищающееся Вами множество людей, среди которых и я,

Ваш слуга, Павел Бунин.

А.С.Пушкин.
“Пророк”.

ушел...”

— Но кто тебе помог одеться? — “Никто. Сама”.

— Ну-ка, потеснись. Дай-ка я тоже сяду. — “Пожалуйста”.

О.Н. делает вид, что приподнимается, и садится на то же место. Я стараюсь устроиться рядом.

— А посмотри, какой мягкий, прекрасный день!.. — “Да! Вот я и...” — А ты не устала? —

“Нет. Почему я должна уставать?” — Что ты, что ты! Но пойдем домой? — “Да. А то Нина там...”

— Но, позволь! А где наша хавронья? — “Я ее отпустила. У нее какие-то торжества...” — И уж появится... — “Не без того”.

Появляется Нина. Она довольна, что застала нас обоих; оживленно:

— “Мама! Там звонила Соня, сказала, что придет вместе с Бертой...” . О.Н. довольна: “Ага!”

— Ну, так надо что-нибудь купить поэффектнее. Вот что: вот вам деньги, идите — и по усмотрению. А это я заберу домой. (Поднимается.)

— “Ну, так, Нина! Но нам нужна сумка!”

— Конечно, — я распахиваю по карманам покупки О.Н., остальное беру в руки, — вот вам сума.

О.Н. хватает не глядя и берет Нину под руку:

— “Ну, так можешь нас не ждать. Ты СВО-БО-ДЕН!”

Лукавлю: А, может, подойти, помочь?

Нина: “Что, у нас рук нет?”

О.Н.: “Сами справимся, ступай”.

И они разворачиваются и двигаются по направлению к “Правде”. Прежде, чем завернуть за угол, оглядываюсь. Хрупкая Нинина фигура. А рядом, несколько еще нерешительно, но в то же время неуклонно, ныряющей походкой и крепко ухватив Нину под руку (это она втайне опасаясь, после вчерашнего), небрежно таща суму, двигается (все-таки немного волооча ноги — о, господи!)... Вот... Свернули.

ВЕЧЕРОМ

(Неприятности и успокоение.)

А. Губер

музея в Москве в 1962 г., редакции “Московского комсомольца” в 1964 г. На выставках фигурировали и другие работы художника — его иллюстрации к Шекспиру, к Данте, к Лермонтову; к французским, итальянским и древнегреческим писателям и поэтам. Вышел также ряд книг с иллюстрациями Павла Бунина. Печатались его рисунки и за рубежом.

Вхожу домой. На кухне темно, у меня тоже, только когда вхожу к О.Н. — у нее горит настольная лампа (люстра потушена), и сама она сидит как-то: не знаю, сжавшись ли, но — как-то уменьшившись. Рядом книга, но не похоже, чтобы она читала. — Ты что? И в темноте?

— “Ну, тебя нет... Вообще... я хочу с тобой поговорить...”

И в этом есть намек на угрозу; понятно — виноват, опоздал, что уж тут, — но попробую...

— Прежде всего — зажжем свет. Вот (люстра зажигается) — смотри! Другое дело, а?

О.Н. как бы развертывается на глазах. Дико сказать, но она на глазах меняет цвет лица и как бы увеличивается в размере. Спешу продолжить:

— Денек был сегодня — сейчас я тебе расскажу. Но я сбегаю поставить чай; нет, ты сиди — я сейчас.

Чай, конечно, тут же зажигается: не забыть бы — а, ладно! Возвращаюсь:

— Так вот! Пришел я к этому, и что же ты думаешь: сидят какие-то потаскухи, и он, вместо того, чтобы, ну, ты знаешь... “Я тебе всегда говорила...”

— Да. И начинает выдрючиваться: “Я моложе Вас”, и все такое...

— “Старый дурак! Это он перед своими *халутрами* (она всегда ошибается, надо: лахудрами). И не...”

— Вот именно! (Это о некотором давнем знакомом и отчасти покровителе. Он обещал поддержку и, как это с ним иногда бывает, — накатило). О.Н. наливается гневом:

— “Так! Воображаю себе...” — Нет, на этот раз пригласил (к столу), но, понимаешь, кусок бы не лез... — “Я думаю! Ну, и хватит тебе!”

— А так и будет (изображаю в лицах): “Не нравятся мне ваши картинки... ну что я могу поделывать!”

— “Так и сказал?”

— Именно. На этот раз твой внук был на уровне...

— “Ну!”

— Значит, не нравятся? — “Нет!” — “Ну и отлично, — другим понравятся. Всего хорошего!”

О.Н.: “Ну и хорошо, что ты ему все это сказал, довольно!”

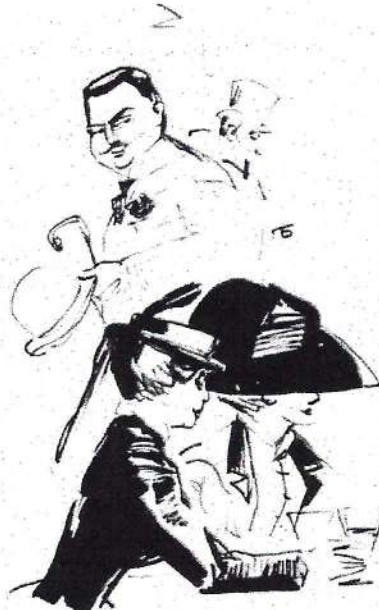
— А потом опять будет слать свои письма... высказался...

А. Губер

Издание альбома “Пушкиниана” было бы подарком нашим почитателям Пушкина, а их у нас не счесть.

Прадед, промышленник, монополист соли на Смоленщине.

Gescheftsman (деловой человек).

— “А! Но теперь то уж довольно...” — Будь уверена — шабаш!
 — “И пусть будет шабаш — справимся”. — Да, будь благонадежна, — СТОЙ! Чай кипит (вскакиваю).
 — “Не туши там газ. Я иду!”

* * *

43 год. Я сплю у окна. О.Н. возвращается с ночной смены, с “Правды”. Сплю я крепко, но — не знаю как — я просыпаюсь, услышав именно ее шаги. Высовываюсь в окно.
 — “Ну, ты не спишь? — Отворяй!” Она огибает угол нашего дома, в руке бутылка с молоком (вредный цех), на голове туго, но небрежно стянута косынка.

НОВЫЙ ГОД И ДИПЛОМАТИЯ

— “С новым годом, дорогой, с новым счастьем!” (сияет улыбкой).
 — А! Какое счастье — будь только ты здорова. — “Будь здорова, как корова, толста, как свинья!..”
 — Что это за ужас? Что такое?
 — (Смеясь): “Это Рахиль... однажды ко дню рождения... ну ладно, побреду на кухню, распоряджусь — что, как...”.

ЕЛКА

— Ну? Не тушить ее (елку)?
 — “Что ты! Очень красиво. Пусть. И — смотри — как эти огоньки отражаются...”
 Мы оба замолкаем и смотрим. — Да! Красиво! — “Ничего не скажешь!”

В НОВОГОДНИЕ ДНИ

— Ну, как тебе нравится елка? (О.Н. оборачивается): “...Елка, елка! Зеленая иголка, откуда ты душистая, пушистая, пришла...”
 — Я ведь не сомневаюсь в твоей чудовищной памяти... “...Бежала от мороза, и много я

ЮНЫЕ МАСТЕРА КИСТИ

В зале “Всекохудожника”, в котором обычно экспонируются произведения крупнейших мастеров кисти, размещены 550 работ восьмидесяти совершенно не известных широкой общественности авторов. Это понятно. Слишком необычен возраст художников, представленных на

Профессор Сорбонны Е. Эткнд, П. Бунин и директор Австрийского дома в Париже Herr Doktor Альтмюллер.

Президент Венского Сената Дитрих Дерболав.

подарков детишкам принесла”... — “Как? Елка, говоришь? Да, очень оригинальна. Ну, ты же знаешь, эти карлики...”

Елка украшена в духе Вагнера — валькирии, нибелунги; наверху, вместо шпиля, в кольце сидит Альберих... — “Вот только это я бы сняла...” — Почему? — “Какой-то мрачный...” — Охраняет золото, что ты хочешь?

(Смеется): “Да, раз так...” (садится). — А как тебе понравилось, когда горели свечи? — “Очень! Ты знаешь, в этих электрических лампочках есть что-то холодное...”

Нина: А вот елка в 204-й (37-й год). 1204 школа, где училось несколько моих приятелей и я тоже. Я и сейчас живу рядом с ней. Что-то это дает...!

О.Н.: “Да! Но это совсем другое! Сколько было народа! И эта песенка... Ну, ты знаешь — из “Дети капитана Гранта” и Полтавская /директриса, бывшая “бестужевка”, ее старанием на класс приходило не более 2-3 кретинов! “Подпевайте, подпевайте, родители”. Ты был в этом испанском костюме... Как мы с Ольгой Васильевной спешили, возились... Жива ли она?”

— Жива, жива! Я ее встретил неделю назад! (вру, но, впрочем, она тогда была жива). — “Ну, что она, как?”

— Да такая же красавица! (Она редкая уродина.) — “Так надо было ее пригласить. Говори, что хочешь, — а свой человек! Ты приглашал?” — Конечно! Но говорит — работа.

— “Да. Это на нее похоже!” (Звонок: “Павел! С новым годом! Можно О.Н.?” — Конечно, Женя, конечно! О.Н. — тебя).

О.Н. (в трубку, сразу принимая бразды): “Женя, ты? Здравствуй, дорогая! Спасибо, что позвонила... А я как раз собиралась... Да, да; нет, все хорошо; елка? Конечно!” (смеется; мне: “Удивляется, что елка”).

— Ее дело — приглашай!

— “Конечно! (в трубку): Так, Женечка, мы тебя ждем! Ты помнишь адрес? (смеется) Да, все тот же! Пора переменить? Ну, не знаю. Павел тут что-то хлопочет, но пока не знаю... Что Борис, Саня? Ну, до свидания, приедешь — поговорим...”

Вешает трубку, но раскраснелась, разохотилась и звонит сама.

— “Маруся? Ну, с Новым годом! Как ты добралась? (смеется) Конечно, не за горами, но все-

выставке. Это ребята от 11 до 17 лет, учащиеся Московской средней художественной школы.

Да и сама-то школа очень молода. Она возникла всего два года назад. Сейчас в ней получают общее и специальное образование 230 юношей, обладающих незаурядными способностями в изобразительном искусстве.

Граф Рудольф фон Аппоньи.

так... Что ты сегодня? Ага! Так мы с Ниной потом зайдем к вам... Павел?... Дома... ага... сейчас” (Ко мне: “Борис к тебе хочет зайти, ты как?” — Я: Конечно!) — “Маруся! Он говорит — “конечно”, ну — всех благ!” (Вешает и опять берется за трубку.

Голос Н.Я., соседки: “С Новым годом, Павел! Можно О.Н.?”

Я (бодро): Конечно! (Тихо): О.Н.! Ты ее к себе — ладно? — “Не беспокойся... Н.М., ну, с Новым годом, с новым счастьем, желаю всего...”. Н.Я.: “Смотрите, какую красивую вещь мне прислал сын!”

Нина: “Ах, как красиво! Мама, посмотри!”

— “Пойдемте-ка ко мне — там нам никто не помешает; Нина, скажи Нюре, чтобы подала всем чай”. Плывут одна за другой из комнаты. Нина, уходя, улыбаясь подмигивает. Через какое-то время, когда чай завершен:

— “Павел!”

Н.Я.: “О.Н., может, неудобно? Он, кажется, занят?”

— “Ничего” (пронзительный звонок, который я ей специально подарил для вызовов). Я: Чем могу? Н.Я., с Новым годом! Хорошо, что зашли, а то О.Н. уже собиралась к Вам. — Ну, что Вы, Павел... О.Н. (гордо): “Значит, Павел, настрой нам телевизор”. — На какую? (О.Н. обращает око на Н.Я.).

Н.Я.: “Вторая программа; Павел, пожалуйста, — “Три мушкетера”! (льстиво): — Может, и Вы посмотрите?”

— “Три мушкетера! (величественно коверкает *хотя когда-то так говорили*). Нет у него там дела... так Вы говорите, дорогая...”

Я: *Ваше пр-во* — готово! — “Хорошо, можешь идти”. (Откланиваюсь.) Н.Я., тихо: “Как это он вас называет — теперь! Это не опасно?”

Голос О.Н. (гордо): “Нисколько. Он вообще (голос понижается) относится ко мне с большим у...” (Счастливо улыбаюсь.) Голос Н.Я. (тоже тихо): “Да, мы уж все во дворе говорим... а вы знаете, у рыжей сын опять пьет... Я вам скажу...”.

(Что она говорит, я не слушаю, но потом): “Можешь себе представить: Н.Я. — мне говорит — как Ваш-то не пьет!”

...И вот первый широкий показ достижений учащихся после двухлетней учебы. Срок вряд ли убедительный для такого серьезного мероприятия, каким является выставка. Не слишком ли рано демонстрировать успехи учащихся? Такой вопрос невольно возникал у посетителей, еще не перешагнувших порог зала. Однако первое же знакомство убеждает в значительности большинства

Швейцарский студент.

— Лестно. Ты бы этой...

О.Н. (очень спокойно): “Зачем? Людей *не* переделаешь! “...Что да, так нет!” (поговорка; вдруг помрачнев): — Что да, то не! Я была у М., и Б. сказал — Павел за 400 руб. купил себе свободу...”

— Что за дребедень? Почему за 400, а не за 297, например? (невольно усмехнувшись). — “Ну, это то, что мы платим Нюре”. — А, дубина и всегда был дубиной... Но ты-то! Охота тебе слушать всякую чушь? Как это дедушкин профессор? — что вам, картошку горячую под хвост подложили? Нет, экая скотина?

Ужасно! (Я вполне искренне раздражен, и, конечно, О.Н. это чувствует и успокаивается.)

— “Ужасно, говоришь? Он ведь “научный”. (Смеется и начинает шутить и вдруг произносит с чувством):

— “Африка ужасна, да, да, да! Не ходите, дети, в Африку гулять!”

— Да что им там делать? Ты лучше вот что скажи, что тетя Саша? /Тетя Саша — негибавший оплот Адвентистов 7-го дня. Тетка — адвокат, и тетя Саша поставляет ей адвентистских клиентов./

— “Тетя-Мотя... да — вот тоже существо... Ну, ты ведь знаешь — у нее вечные истории...” — Дурацкие какие-то?

— “Ну, в конце концов, несчастная одинокая старуха... (тень пробегает по ее лицу; продолжает) ...сын пьяница...”

— Совсем как я... адвентизм, по-видимому, не помог? Может быть, надо не 7-го, а 8-го, ты как думаешь? (О.Н. смеется опять): “7-го или 8-го... словом”. (Сажусь рядом и обнимаю — все трин-трава: мы вместе.) — Ну, а что Нина?

— “М. и с ней груба... Нет, ничего такого, но... (Я: тише, разбудишь и...) — Нет, мы тут без тебя хорошо поужинали... Но она все волновалась — “его все нет!”...” — Да я ведь сказал!

— “Я ей и говорила... ну, пришла Н.Я., еще тут одна...”

— Хоть было чем угостить?

— “Ну, как ты думаешь? Нет, все было хорошо, а сейчас пора — ох-хох-хо-хо” (улыбается и позевывает).

Я: А ты не переутомилась? — “Нет, ничего... ну, конечно, — впечат-ления!” — Послушай, а откуда это несет горелым? — “Ниоткуда не несет”.

представленных работ. Их можно и нужно рассматривать с профессиональной строгостью, не делая никаких скидок на возраст.

Стенды полыхают густыми красками, пестрят широкими мазками угля, тонкими карандашными линиями... Наиболее многообразно представлено творчество 14-летнего Г.Бабицына — выставлено 30 его работ. Юному

Данте. "Ад".

О.Н. решительно поднимается и идет на кухню. Вспомнила, и сразу — принять меры; я — следом: так и есть... Она сушила тряпки, положив их слишком близко к огню; заговорились и забыли. Как всегда, когда О.Н. чувствует, что дело несколько не того, она по-особому сурова и деловита. По счастью, я сыт и не скандалю, а наоборот.

— Ну, ничего, ничего — подумаешь! (лью воду).

О.Н. (я вижу, что отлегло от сердца, поскольку я ничего; и мы, наоборот, наперерыв друг другу): "Нет, как это я..." — Ты тут не при чем — заговорились; ну, пожар истреблен. — "Сорок душ от смерти спас!", — декламирует О.Н. с пафосом (шутя, и в то же время с удовольствием, что я — на уровне).

— Все; проехало!

О.Н. (подчеркнуто одобряя): "Про-ехало". — Ну, а теперь пойдя к себе, я тут дверь открою, пусть свежий воздух...

— "Нет, постой, я тоже хочу..." (Она трогательно торопится руками, что-то делает; сердце разрывается от радости, что она рядом, и от того, что ей приходится, и от того, что на какое-то мгновение она — боялась.)

— Знаешь что! Дай я тебе нахлобучу шапку, вот пальто, и — нет худа без добра — подышим свежим воздухом; вот садись-ка!

Усаживается, потом спокойно: "Ну что ж, очень хорошо... Но ты тоже что-нибудь накинь". Я молча ее обнимаю, от чего шапка несколько съезжает набок: прядь волос — ох, надо покрасить! — мы оба не любим, когда она седеет; непривычно — и все тут. Зато глаза! И не то что полные, но никак уж не высохшие губы дружески и молча улыбаются. Если бы не наши неписанные правила — расцеловать бы в обе щеки... Это момент, когда даже нельзя сказать — "душенька": дело в том, что О.Н. внутренне должна все это переработать, войти в берега...

"Словом, уже все в порядке..."

Иду и закрываю дверь; теперь остается одно, и тоже отчасти ритуальное: хочешь чаю?

"Я ХОТЕЛА КАК ЛУЧШЕ"

(В жаркий день, глядя, как я лакаю): "Ну, будет тебе, наконец, дуть! Лопнешь". — Так ведь не

художнику особенно близка героическая история нашей родины. В карандашных рисунках, полных напряженной стремительности, со знанием и мастерством взрослого Бабицын показывает эпизоды далекого прошлого. Таковы насыщенные движениями “Взятие Китай-города”, “Куликовская битва”, “Изгнание поляков из Кремля”, “Осада Галаты турецкими войсками”.

Рисунки П. Бунина на пушкинские темы – значительные произведения нашей графики. Автор в течение многих лет работал над этим циклом. Полагаю, ни один другой советский художник не положил столько труда, не вложил столько любви и понимания в пушкинские темы, как П. Бунин, не приходится уже говорить о том, что художник прекрасно знает тексты, очень зримо представляет себе труды Пушкина, чувствует стиль и характер пушкинской поэзии и прозы. Рисунки П. Бунина всегда остры по форме, темпераментны по выполнению, очень разнообразны по характеру, как и творчество самого поэта.

Не сомневаюсь, что из огромного количества рисунков можно выбрать около 100, которые составят превосходный альбом. Отдельные листы его уже воспроизводились в газетах и журналах, но художник вполне заслужил право видеть свои работы, изданными в отдельном альбоме. Это может быть очень хорошей и нужной книгой, данью нашего уважения Пушкину.

М. Алпатов.

надолго, О.Н. — (Смеется): “Что да — то нет! Ну, пей еще!”. (Разобрала и разложила мои вещи, я ничего не нахожу.) — Послушай, зачем ты это сделала? — “Я хотела как лучше”. (Уходит. Входит через некоторое время.) — Ну, и что ты? — “Ничего, я просто пришла...” (Некоторое время я люблюсь на нее сбоку — легкая сутулость, не мешающая общему выражению энергии. Потом — до этого я вожусь на полу — подхожу и обнимаю.) — “Я же хотела как лучше! (считая, что вопрос исчерпан, шутит и разговаривает) ...Ну, а ты, конечно, уже все переставляешь, — не теряя ни минуты...” — В тебя пошел!... (На этот раз не обижается и смеется): “Я свободна и легка, тем спасаюсь от врага... Время даром не теряю, шишки, желуди собираю! Ну, пусть, пусть... Ох, время даром не теряю!.. пойду посмотрю, что там Ньюра...” (уходит). А в ушах остается — “Я хотела, как лучше!”...

(Возвращаясь из гостей): “Ну, ты уже наговорился всласть!..”

— Были звонки? — “Были... Что-то много... Я записала... Маша, Саша (смеется). “Плакала Саша, как лес вырубали...” — Пусть плачет, ее дело. А я вот завалюсь. — “Завались! Кто тебе мешает!..” — Послушай, а почему ты одна? — “Потому что! Отпустила ее, но ничего... я тут...” — Завтра пойдем с тобой гулять! — “Опять свалится какая-нибудь ерунда, побежишь...” — Вот увидишь. (Засыпаю и слышу, как, немного шаркая, но твердо, О.Н. отбывает в свою комнату.)

К ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ

— Как Ада выросла... — “Ха! Ха! Ха!” — Что такое? — “Ну как же, ты помнишь, — Борис ей всегда — “Ты, главное, расти! Ты расти!” Нина: “Это...” Я: Э, э, э (со скрипом; смеется все трое).

О.Н. (сентенциозно): “Не смейся, злодей, варвар...” — Да, знаю я это все! — “Не смейся надо мной, — Господь тебя накажет равнivoю женой” /старинная трактирная и шарманочная песня/.

— Ну, пока Бог милует!

— “Нет, но что ты себе думаешь! Надо же когда-нибудь...” — Вот когда-нибудь и займемся...

Негритянка. Ты знаешь?! — “Да, да... как это у него /Мопассан/... но чересчур черна!” — Ну вот видишь!

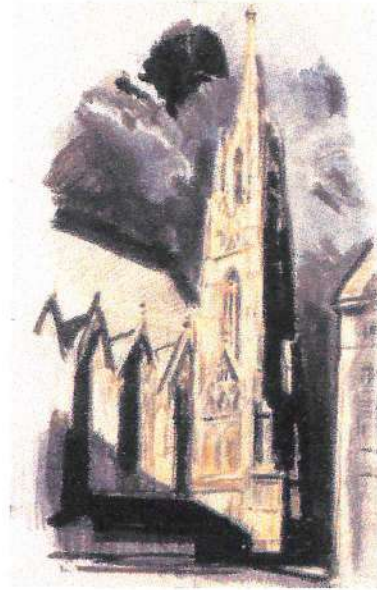
Нина: Купим ему кого-нибудь!.. — “Купим! Ну, расскажи мне, что ты сегодня?” Нина: Мама, так я пойду... — Куда это?

Нина: На “Правду”, так... — Так купи-ка торг, а? — “Ого!”

Зрелым мастерством отличаются работы “Солидно” представлено и творчество пионера Вани Архипова — двадцатью работами. Особой похвалы заслуживает его серия композиционных набросков на лермонтовские темы. Бесспорно удачны отмеченные свежестью красок “Базар”, “Кухня” и “Зоопарк” 12-летнего А.Тутунова. Его однолеток П.Бунин, всего год

Греческий консул г-н Цахос открывает 14-ю выставку в Вене.

Собор св. Стефана в Вене.

Нина (смеется): “Давай денег — и куплю”. — Вот! Вот!

О.Н. (усаживаясь на диванчику окна): “Значит! (вдруг оживляясь) Ты знаешь! — тебе звонила эта...” — Эта? А почему же не та? Нельзя ли поточнее, *мин херц!* — “*Минхерц!* Ну, ты знаешь...” (улыбается), а потом:

— “Ну, и как ты намерен с ней поступить? — “Да никак!” — “Но ведь она надеется, наверно”. — Надеется! Кто ей виноват! Я ей что — обещал что-нибудь? — “М-м-м... только время провела... Ты что же думаешь?” — Да боже мой! Уж, кажется, шпыняю, как могу... — “Ну да! (сентенциозно): чем меньше женщину мы любим...”

О.Н. небрежно обрывает строку и прислоняется к подоконнику. За окном шаги и окрик Бориса:

— Эй, Тортила! Дома? — “Входи, входи. Ну вы сейчас наговоритесь!”

И О.Н. идет отпирать дверь, в которую раздается дикий стук.

Борис, входя:

— Нерасторопна! Пошевеливайся тут...

— “Ладно, ладно — сейчас будет вам чай, угомонитесь!”

НАШИ ПОДТЕКСТЫ

О.Н. неуверенно (колеблясь) протягивает руку к вазе с печеньем.

Я: Душенька, они очень вкусные, я их недавно купил — они шоколадные.

— “Шоколадные...”

О.Н. задумчиво хрустает. Но ведь, на самом-то деле, это все значит совсем другое:

— Радость моя, ты для меня — ВСЕ. Понимаешь? — ВСЕ...

— “Разве я не вижу. А для меня — ТЫ?... Если, не дай бог... Но как ты будешь жить потом?...

Нет, я действительно не знаю...”

И тут я молча подхожу к ней и обнимаю...

— Ну, ничего... ничего... Пойдем... пройдемся...

— “Хорошо. Я сейчас...” (и это говорится с кроткой и тихой покорностью, что очень редко и

обучающийся в школе, сделал несколько набросков животных. Работы свидетельствуют о большой наблюдательности и умении “подсмотреть” повадки зверя. Акварельные пейзажи улиц 13-летнего С.Гусева выделяются своеобразной колоритностью.

В дни, когда страна отмечала столетие со дня рождения

С Гелием.

Сен-Жюст.

не свойственно О.Н., с покорностью — не мне, конечно, а...).

Мы выходим на лестницу, спускаемся. О.Н. осторожно ступает своими ботами среди луж, а в них — солнышко. Солнце вдруг прорывается из туч — по-Рейсдалевски — заиграло. И на лицо О.Н. — тоже. Мы останавливаемся как по команде, и О.Н. впервые размыкает молчание:

— “Солнце!”

— Солнце, — подхватываю я; и тут со скамеечки — наш клуб — добродушные крики: “Ольга Николаевна! Погулять вышли! Миколавна, иди к нам, отпусти малого!..”

Это сейчас действительно наилучший выход. О.Н. некоторое время с внешне-тупым спокойствием рассматривает солнце, затем — тоже спокойно:

— “Я думаю — распогодилось. Ты себе иди...” — Верно! Я схожу к С... — “И возвращайся вместе с ним”. — Ну, да. А чем мы его угостим?

— “Найдется...” ...Она садится в центре скамейки — каракулевая шапка, порозовевшее лицо, боярский посох. К ней тут же подвигается полдюжины улыбающихся физиономий. И кто-то из них: “Идите, идите, Павел, не беспокойтесь... Мы уж тут...”

Сворачивая в переулок, я, конечно, оглядываюсь на коллоквиум — все хорошо: машина заработала. Никто даже и не оборачивается.

ЗАКАЗ

— Дай-ка я подхлестну себя чайком!.. — “Подхлестни!” — А то я что-то не того! — “Я думаю! Я же видела — уже начинало светать, когда ты лег...”

— Ну, да. Но знаешь — уже заел этот кавардак... Дай-ка сюда капусты...

— “... Кавардак... чай с капустой... где это видано... заяц какой-то!” — А все-таки, дай!

— “Бери! Кто тебе мешает? Нина, нарежь ему это сокровище...”

Нина: “Трусишка, зайка серенький” (нарезает капусту). Я:

— Ну, вы уж совсем меня превратили... Как будто у меня уже растут уши...

(О.Н. — среди общих улыбок): “А что ты думаешь!” — Что думаю? Думаю, что могли бы меня и похвалить (показывая на прибранную комнату).

Нина: “Кто говорит!”

школы была предложена тема — “Жизнь и деятельность первого маршала”. Из этой серии на выставке представлено 33 работы, охватывающие различные моменты боевой деятельности товарища Ворошилова. Молодые художники сумели убедительно передать героические эпизоды эпохи гражданской войны, блистательные подвиги Красной Армии. Отдельные кадры запечатлены с

Вернисаж. Гимн Австрии. Новый австрийский гражданин (Paul Bunin).

Г-н Вальтер Кошацки, надворный советник, профессор, директор музея Альбертина (Вена).

(Одновременно): — Гевисс!

О.Н.: “Никто ничего и не говорит — порядок!... *Dem ist zwar so, doch...*” Затем О.Н. продолжает размышлять вслух:

— “В кого это ты... ХОЗЯИН...”

Я: Полагаю — в вас?

Нина (автоматически подбирает рифму): “Ананас”.

О.Н смеется: “Тарантас...”

Я: Мос-Газ? (была банда под этой кличкой).

(В один голос: Нина: “Нет! Не надо!” О.Н.: “Вот уж это ни к чему!”)

Общий смех, но в него, кажется, врываются трели телефона.

Я (прислушиваясь): Пойдите-ка! Телефон... О.Н.:

— “Не дают побыть. Не беги! Не беги!” Но я все-таки бегу к осатанело звящему телефону.

Затем возвращаюсь:

— Что это по-вашему, а?

(О.Н.: “Я знаю! Какая-нибудь побегушка...”. Нина: “Гелька...”)

— Так вот! Заказ... (все довольны, я продолжаю), — притом на тему, к которой у меня много есть готового... О.Н. (удовлетворенно): “Ну, в твоих запасах...” — Нет, но каково? Это как?

— “Это так! Ну, ты уж будешь собираться?” (Говорится с удовлетворением.)

Я: Конечно! Нина, ты там можешь снять мой парад (парадный костюм)?

Нина (направляясь к шкафу): “Который? У тебя их столько...” (открывает дверь).

Я: Синий... (чищу ботинки, Нина пытается вытащить костюм).

О.Н.: “Нина — брось мучиться! Он сам...” Я, одеваясь:

— Послушай, какое сегодня удачное утро!

(В один голос: Нина: “Да! Ну, уж...” О.Н.: “Нет! Уж повезет, так повезет! Звони!”)

А по возвращении. — “Доктор Бомаш что говорил? Надо есть часто и понемногу. А ты, как удав какой-то!” — Но ведь времени не было. — “Так надо устраиваться, чтобы было!”

ОТРОЧЕСТВО (“ДОМ”)

Весна 1941

Отдельные кадры запечатлены с большой выразительностью. Таковы “Переправа Первой Конной” — И.Сорокина, “Ворошилов и Буденный в штабе” — В.Аносова, “Прощание” — В.Захарин и “Ворошилов в детстве” — Д.Дмитриев.

Отлично сделаны наброски углем комсомольца В.Стуклова, портреты и

У памятника Кромвелю.

Тевтоны.

Прелестное — серенькое, очень спокойное начало дня. Сиду за дедушкиным столом у окна. Над столом увеличенное до натуре фото О.Н. в юности, телефон (на стене), дверь в коридор, затем зеркальный шкаф. Коридор большой и светлый (два окна) и в него выходят две комнаты — Нинина (я там иногда сплю) и для Ады с няней.

Вчера поздно рисовал (нарочно), и решено, что в школу можно и не пойти... И вот стол завален книгами, и я даже не знаю, с чего начать, так это все привлекательно. Вот Гауф — прекрасные иллюстрации; Сэтон-Томпсон, Жюль-Верн, Чапыгин — “Гулящие люди”. Мне двенадцать лет, но ничего — взял у Нины, — Пушкин (“Это всегда хорошо”, — скажет О.Н.).

Из кухни (еще одна дверь в коридоре, но дальше) доносятся хозяйственные полязгивания и тихие голоса: это О.Н. — она сегодня тоже не на работе, Нина и Нина-работница. Это, так сказать, малый прогул. Большой — это когда мы с Борисом, сговорившись, возвращаемся с дороги — холодно, мороз! И к нам еще придет Ваня (наш сосед, сын обрусевшего немца, мы с ним постоянно обмениваемся книгами), и мы затеем какую-нибудь веселую игру, чаще всего кончающуюся снежками...

А сейчас — за окном медленно разгорается день. Сероватые контуры домов прорисовываются за деревьями. Это очень красиво, и я беру бумагу и акварель...

Через какое-то время иду поменять воду на кухне, там — общая улыбка. О.Н. бодро: “Ну, наш художник уже за работой; зайди к Борису, он тоже не...” — Да?

Нина: “Представь себе...”

И я иду еще в следующую дверь (в сущности, это целый этаж: половину — большую — занимаем мы: дедушка, О.Н., Нина, я и 2-я Нина, а половину — Маруся: она, Натан, Борис, Ада, няня и еще одна “рабыня”, постоянно чередующаяся). Открываю дверь и захожу в комнату, уже конечную. Большое окно, около него — письменный стол, в углу — пропеллер (настоящий, до потолка), голландская печь, кожаный диван (на нем среди книг — Борис), над диваном карта Китая, еще окно, кровать...

Я: Ты что же не зашел?

Борис (колет, но не без почтения и с некоторой настороженностью): “Ты ведь работал...” (Проехало.)

карнавально-красочные эскизы И.Аристовой.

К этому списку наиболее одаренных учеников школы нужно добавить имена Н.Калиновича, А.Суханова, Н. Курицына, Б.Харченко, В.Будихина и многих других. (окончания нет)

Мефистофель.

Я: Ну, а что ты читаешь?

Борис (серьезно и с готовностью): "Вот — Резвин. "Колумб".

Я: А какое место?

Борис: "2-е путешествие на Эспаньолю. Потом вот я тут составил конспект об Аустерлице, ты не сделаешь рисунок? У нас там все уже знают..."

Я: Конечно, сделаю. А ты не хочешь пойти со мной и доделать макет? Там, знаешь, если укрепить крышку чернильного прибора вверх ногами, получится красивая ваза.

Борис (торопясь и радостно взмахивая рукой): "А если налить спирт или денатурат и поджечь — будет эффект!"

Я: Ну, так идем!

Борис: "Идем!" И мы уходим в Нинину комнату, где на ломберном столике красуется макет: мавританский зал, и в нем колдуны. Сцена из "Калифа-аиста". Лучший из колдунов сделан Натаном: что тут удивительного — архитектор, — он по-профессиональному сделал для фигуры каркас с протянутой рукой и очень живую головку. Не без зависти мне оставалось лишь посадить фигуру на почетное место и снабдить кинжалом.

Тут же, на подоконнике, другой макет — "Скупой рыцарь" среди сундуков из чайных коробок, наполненных битыми елочными игрушками. К сундукам прилажены микросвечи с ниткой вместо фитиля. Действительно, если зажечь, будет очень красиво. И еще один макет — "Ледовое побоище". /"Александр Невский"! Эйзенштейн./

Борис между тем укрепил медную фигурную крышку на некоем подобии постамента (сурово-скромно):

— "Вот посмотри".

Я: Ну, так возьми спирт. (И Борис появляется с пробирками из нашего химического кабинета. Дедушка очень часто приносит нам все эти сокровища с работы — мензурки, колбы и колбочки, подставки с разноцветными пробирками, маленькие весы, жаровни, пинцеты и т.д. Есть особый состав для создания невыносимо-кислого запаха. "Состав вони", — называет его Борис. Он однажды использовал его в классе с полным успехом). Я:

— Ну, так скажи — прочно?

Борис: "Да, по-моему... (и он наполняет из пробирки вазу). — Зажигаем!" Мы оба любимся,

П. Бунин о П. Нормане.

Сэр Питер Норман, профессор. О Павле Бунине.

(Я в "mighty London". Запутавшись в переходах подземки на Трафалгарсквер, подыскиваю подходящего прохожего, чтобы допросить о дороге в

А.С. Пушкин. "Герой".

обмениваясь небрежными замечаниями:

"Позвать взрослых?" — "Успеется. Подождем до вечера". — "Верно! При потушенном свете..." — "А уроки ты сделал?" — "Да. Там у нас ничего существенного..."

А ведь это только около 12 дня. Сколько еще впереди! Во-первых, мы еще поработаем. Борис будет корректировать свой конспект, а я делать рисунки к нему.

— Атака кирасир — подойдет? Как ты думаешь? — "Да. А вот тут хорошо бы портреты Кутузова и Наполеона. Но это — если не сложно". — Нет, ничего.

Это раз. Затем мы поедem на лыжах в ближайший парк (почему-то называемый "Филианский"), будем там ездить с гор.

...Вернувшись и оставив наверху лыжи, мы вмешиваемся в снежное побоище, происходящее у нас во дворе между Носом и Пузом. (Подлая мелюзга!) К нам присоединяются Алик и Ваня. Это наши сверстники, и потасовка (для нее сделано многое: во-первых, снежная крепость, во-вторых, сарай, на крыше которого запасы снежков; суть в том, чтобы забраться на крышу и довести ее защитников до прыгания вниз — это не страшно — сугробы) постепенно переходит в политическую дискуссию — 40 год! — "Ты за немцев или за французов?"

Тут уже приближаются сумерки, и загораются огоньки. Заметив, наконец, что мы с ног до головы в снегу, неохотно расходимся, впрочем, условившись, что увидимся у нас часа через два.

За это время мы успеваем пообедать (при этом каждую минуту хлопает дверь — приходят "взрослые").

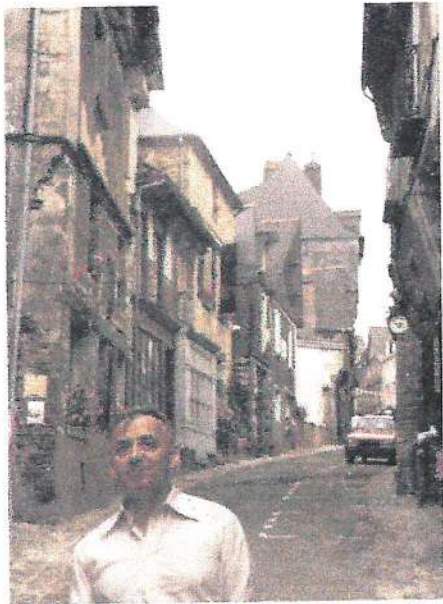
Вот слышу, возвращается О.Н. (она спускалась к соседке), вот Натан, вот Дедушка, вот, с покупками, Нина — она поднимается по лестнице, разговаривая еще с кем-то; вот с шумом и тоже с покупками — Маруся; откуда-то доносятся выкрики Ады — ей принесли мяч, и она в зеленом джемпере носится с ним по коридору. Дом!

Мы с Борисом сидим на ковре и играем в шахматы, дедушка за письменным столом "раскладывает пасьянс" — он работает над патентами.

Вдалеке — женские голоса. Это, с одной стороны, Нина беседует с О.Н., а далее — Маруся отдает распоряжения на кухне.

— "Григорий Васильевич, я Вам не помешаю?" (Натан с газетой в руках). Дедушка, с

Британский музей. Вот этот подходящий: высок, поджар, в лице — нечто доброжелательное. По моим соображениям, так и должен выглядеть типичный англичанин... *Beg pardon, may I ask you?...* — *Ou, ies, but...* Вы говорите по-русски? Акцент, разумеется, но мой собеседник и его изящная жена переходят на русский язык, и неудивительно: *m-r Peter Norman* — профессор славистики в

Бретань. Глубинка.

Вольтер. "Кандид".

удовольствием отрываясь от стола (стол освещен красивой настольной лампой): — "Пожалуйста, пожалуйста, ну, что нового?". Оба усаживаются за столовый стол. Вежливый стук в дверь: "Добрый вечер, Григорий Васильевич! Что, к Павлу можно?" — "Входите, Ваня, входите". (Этот усаживается рядом с нами на ковре):

— "Эй, вы! Смотрите, какие я раздобыл марки! Павел, вот твоя книжка — так себе; а вот я принес тебе, как обещал — "Электрическая жизнь", — Робида! Фантастический роман о XX веке, — вот!" — А я все время забывал его фамилию. (Там все: телевизоры, подводные лодки, противогазы — но офицеры с саблями, женщины в коротких юбках...) Мы все начинаем рассматривать блестящие рисунки, причем, Ваня, как будто автор — он, дает разъяснения — сначала авторитетно, но потом срывается в увлечение, как и мы:

— "Вторжение китайцев... (китайцы в современной форме, но с косами и в китайских шапочках; в руках автоматы, почти у всех очки)

...боевые химики идут в атаку... А, вот и ты...", — это Алику, который незаметно к нам присоединился; под мышкой у него прекрасная коробка — "Рич-Рач" — будем играть!

Борис: "Нам с Павлом надо закончить партию..."

Ваня: "Ладно, а мы пока сыграем в "Морской бой". Они садятся с клочками бумаги на диван, загораживаясь друг от друга, и, пока мы с Борисом доигрываем, оттуда доносится в темпе и приглушенно-злобно:

— "А-4! — попал?"

"Попал..." — "Ага! Тогда А-5" — "Мимо". — "Как это мимо?" — "Так это". — "А ты примечай — дворник" (модная тогда у нас фраза).

Между тем, от стола дедушки доносится:

— "Ну, сочли мы за благо народа — шах!" (Дедушка и Натан играют в шахматы; рядом сидит Леша, студент рыбного института, сын нашего соседа снизу: он терпеливо читает газету, дожидаясь своей очереди.)

Между тем, у нас на ковре:

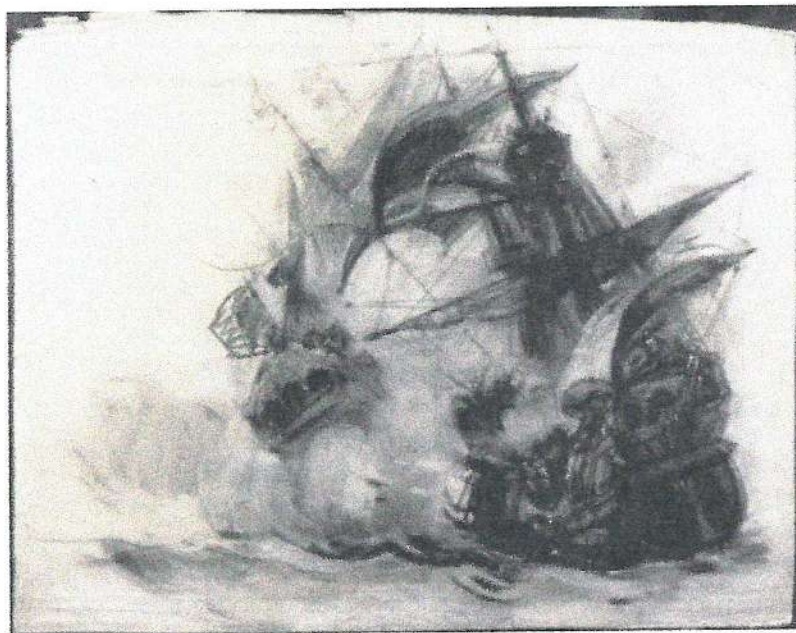
— "Ну, мат?"

Борис (скромно, но доволен — он победил): "Мат"...

Я: Поведем их смотреть макет?

Лондонском университете, а его жена и того удивительнее — дочь С. Франка, того самого, запрещенного (еще и в 1980 г.), — Наталия Семеновна.

Конечно, вскорости всплывает имя К.И.. Как и полагается в волшебной сказке (Питер — первый англичанин, с кем я заговорил в Лондоне), К.И. — давний знакомый проф. Нормана.

“Тиль”.

Борис (озабоченно): “Да, пора... Я пойду, приготовлю освещение...”

Я, тем временем, быстро разъясняю сражающимся, что мы сейчас будем смотреть макет, те охотно соглашаются, и мы незаметно перебираемся в другую комнату.

Все довольны. Ваня вносит лепту:

— “Вот”. (Он берет оранжевый кирпич пластилина и сажает на него быстро вылепленного филина.)

— “Погоди, сделаем ему оранжевые глаза!”

Алик между тем обсуждает с Борисом свойства горящего спирта.

— “Да. Это проблема консистенции...” У них вид директоров “*Farben Industry*”.

Когда я вечером валюсь в кровать (с тайно проведенной к ней лампой, чтобы читать всласть), у меня твердое ощущение правильно проведенного дня. А вот завтра можно и в школу. И я еще успеваю просмотреть интересный журнал, принесенный Аликом (у него их очень много). Откуда-то из темноты еще доносится голос О.Н.: “Спите, орлы боевые!” Я и засыпаю...

“МИРОВАЯ ВОЙНА”

— “Во что ты так впился?”

— Да вот, мировая война — Гумбинен...

— “Ну, да. Гумбинен, Друзгеники... потом эти... Мазурские болота... Я же помню... Что тогда творилось... И этот... Нет, он все-таки был эффектен — рост, борода...”

— Ты про Н.Н.?

— “Да... Тощий... в этой шинели... Тот рядом с ним не имел никакого вида... вообще...”

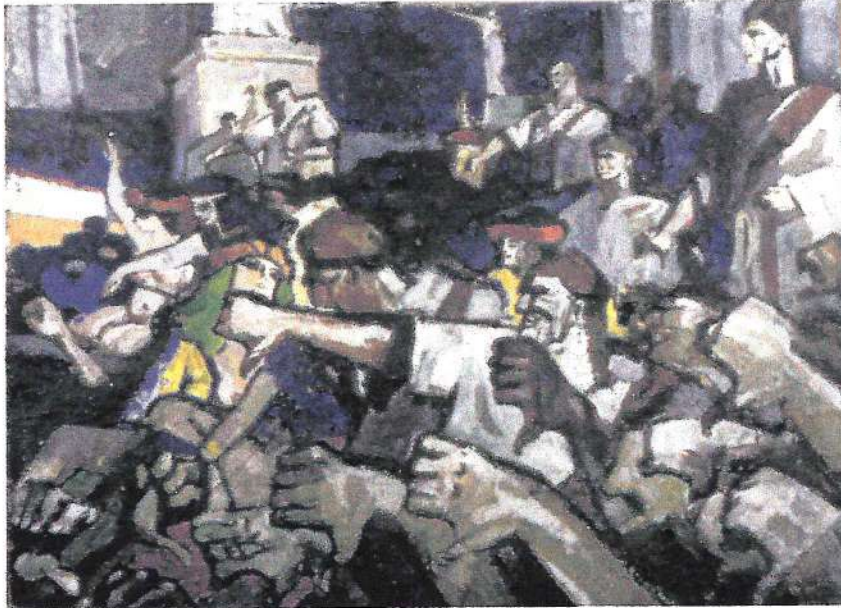
Taugenichts... ничтожество...”

— А скажи, Алексеева ты видела?

— “И Алексеева видела,— на минуту задумывается,— невысок, плотен, серьезен... довольно большие усы... (вспоминает), кажется, тоже небольшая борода. Ему все брали под козырек... Ну, потом эти... (смеется)... Ставка ведь была против нашего дома, и вот мы видим — едет автомобиль, и там денщик, везет громадный арбуз...” — Что же?

— “Ничего. Но как-то дико: война — и вдруг — арбуз...” — Ну, а офицеры?

Слушаю об их первой встрече — в Переделкино, разумеется.
— Простите, не подскажете-ли дорогу к Пастернаку? — “Та-ак!
Английский шпион (так и слышу интонацию К.И.) — сейчас я буду Вас до-пра-
аши-вать — идем!” Так и вижу эту сцену! И. Бунин.)

М.Ю.Лермонтов. “Ликует буйный Рим...”

— “Имели вид. Ты бы видел, как они держались...” Она задумывается о чем-то очень далеком. Чтобы помочь ей в этом, я тихо мурлыкаю “На сопках Манчжурии”. “... Там... та, та...” — чуть слышно доносится до меня; это даже не пение, а вздохом срывается с губ — прелестная, вневозрастная улыбка на лице О.Н.

Вообще-то она смеется весело, размашисто и цинично — по-Черчиллевски, но вот сейчас на лице неестественно помолодевшем — непередаваемое выражение 17-летней гимназистки, перед которой открывается мир.

О.Н. сама возвращается к этой теме:

— “Ну, потом эта Галиция... Перемышль... беженцы (начинает она, будто продолжая разговор)... Все наши дамы... комитет... я была избрана... все собрались у нас в зале... (она явно меня игнорирует; до меня продолжает доноситься): — Ну, пустили лист... дедушка подписал... он очень волновался, был бледен, и все...”

— СЛОВОМ!” (Она мощно поднимается и выходит из комнаты.)

Я не очень решительно захожу в ее комнату; О.Н. улыбается с дивана:

— “*Nun, also gei schon*” /ну, так давай – нем./.

Я: Нет, что ты! Просто, ну, ты понимаешь...

— “Видишь ли!”

Я пожираю торт. О.Н. входит:

— “*A mol!*” /кусок; - идиш! (Старый анекдот: некто везет в подарок торт. Не выдерживает и отрезает кусок, потом еще кусок, и так до конца.)

— “Ну, раз так — отрежь и мне”.

О.Н. садится и ест, поблескивая глазами. Облизывается, и странно увидеть, что хотя и на энергичном, но все-таки пожилом лице, мелькнул по губам молодой язык.

“*Also!*” /так – нем./ — это по окончании истребления.

— А посмотри-ка, снег, холода еще, а между тем...

— “Да:

Впервые я встретил художника и переводчика Павла Бунина на станции метро в центре Лондона. Случилось это совершенно случайно. Он хотел узнать, как пройти к Британскому Музею, и, обнаружив, что я говорю по-русски, отрекомендовался как друг Корнея Чуковского.

Это обстоятельство особенно расположило к нему и меня, и мою жену:

Ж.-Б. Мольер. "Господин де Пурсоньяк".

“Как февраль ни злися,
Как ты, март, не хмурься, —
(торжественно):
Все ж — весною пахнет!”.

— Конечно! Ты же видишь — и солнце, и уже птицы... — “Но ты знаешь, — мороз тоже приятно, и...”

— Знаешь что? Идем. Пройдемся.

СУЕТА СУЕТ

— “Ну! Сегодня у тебя был большой день, и ты должен быть доволен” (вышла книга). — Ну, еще надо подождать, пока... — “Конечно, но дело сделано. И это ты сделал”.

— Я и ты.

— “Ты — и я! Но, позволь, что — я? — гнулась дни и ночи?”

— Тебе это и не требовалось; ты была рядом — и достаточно.

О.Н. довольно усмеяется: “Ну, если ты так считаешь...”

— Да, именно так и считаю. — “Ну, а теперь надо что-то еще...” — Теперь надо, прежде всего, повременить. — “И времени — кто тебе мешает! Но надо всем сказать... Я хочу позвонить... Оле, Берте... еще тут есть одна: помнишь, мы познакомились на Юге, она всегда передает тебе привет; ты ей скажи как-нибудь несколько слов — ей будет приятно...”

— Конечно, скажу. Но погоди объявлять — дождемся завершения.

— “Конечно! Ждали столько... ну, а С. ты скажешь?” — Никому!

— “Молодец! Держи марку! Нет, все-таки это большое дело, но теперь отдыхай, шабаш!”

— А вечером пойдем гулять! — “С удовольствием!”

И О.Н. уходит на кухню. Ложусь, но через несколько минут вскакиваю и иду туда же. О.Н. сидит на скамейке у открытого окна. Скамейку эту украла Ньюра, а я покрасил. О.Н. сидит в своей обычной египетской позе, при виде меня ухмыляется:

— “Ну, что, ты уже вскочил?” (ясно, что она понимает, почему). — Да, знаешь!... Нет, все это спихнуть!.. — “Я тебя понимаю! Ты знаешь — вот так и дедушка:

Чуковский был и мой близкий друг, и он в свое время сообщил Бунину мой лондонский адрес,

И для Бунина, и для Чуковского характерен огромный интерес и любовь к английской литературе. Но если Чуковского привлекали произведения художественной литературы, то Бунина больше интересует

...Но из всей графики Павла Бунина выделяется замечательная, на мой взгляд, сюита к “Медному всаднику”. Иллюстрирование этой трагичнейшей поэмы, может быть, самого совершенного создания Пушкина – подвиг в особенности после иллюстраций Александра Бенуа, который, казалось бы, навсегда исчерпал тему, и, однако, Павел Бунин дерзнул – и по моему скромному мнению – иллюстрации Бенуа остались позади. Было бы очень хорошо издать альбом рисунков Павла Бунина к произведениям Пушкина. Его проникновенное понимание великого поэта, его лаконичнейшее и острое искусство несомненно заслуживает широкого распространения.

Т.Г. Цявловская.

— Ты знаешь, Ольхен, не знаю, куда себя деть!”
— Нет, куда себя деть не собираюсь, но как подумаю — вся эта грязь, ужас! — “Но и кончено! — Хапнуть! Завтра Нюра все вымоет — и вши-стко! Живи в свое удовольствие — гуляй, читай, иди в гости... отоспись, наконец...”

Мы сидим рядом; за окном теплый дневной ветер — хорошо!

— Ты знаешь что! Схожу на “Правду” и куплю всем нам билеты...

— “Сиди! Нина сходит (слышим ее шаги на лестнице).

— Ну, Нина! Павел закончил работу!”

Нина: “Ну, поздравляю!”

Я: Нина, а тебе не трудно было бы сходить за билетами на всех нас?

Нина: “А куда?” Я: На “Правду”.

О.Н.: “Так, вот тебе деньги и купи получше”. Нина (улыбается): “Ну, какие будут...”

О.Н. (в окно, когда Нина проходит под окном):

— “И не задерживайся там!” Нина (снизу):

— Зачем мне задерживаться?

ЕРУНДА

“Ну, ты доволен?” (вышла новая книга). — Конечно! И вид довольно изящный, а? — “Конечно... дай-ка я полистаю...”

Ну, вот же твоя Французская революция”.

— Где? Покажи... а, да... Бастилия (припоминаю неволью первые такты Марсельезы)... что-то было во всем этом! — “Конечно! Раз ты любишь...”

Продолжаю рассматривать книгу:

— Но в общем, ерунда какая-то... мелочь... — “Да! Хочется, чего-то более крупного...”

— Конечно!

И мы с глубочайшим равнодушием откладываем книгу.

МНЕ ПРЕДЛАГАЮТ ВЫСТАВКУ

Иду по морозным московским улицам и переулкам. Холодно, руки окоченели, десны ноют;

общий ход, а равно и отдельные подробности английской истории.

Одаренный замечательной памятью, он может цитировать целыми страницами труды Гиббона, Маколея, Черчилля, Карлейля и других английских авторов. Этот интерес к истории Англии отразился не только в его многочисленных рисунках, но и в выборе тех стихов, которые он перевел.

“Тиль”.

все в морозном мареве — похоже на Марке, — и хоть продрог — любишься.

Дымы, иней, голубой снег на розовом небе. Темные запятые прохожих. — Марке!

Вот переулочек, двор, дом. Окна горят за инеем деревьев. Ага, у О.Н. свет. Она, значит, дома; ко мне — кто-то приполз (очень приятно); и на кухне тоже, — стало быть, Нюра и Нина...

Мир очень большой, и сколько на пути домов и как привлекательно и уютно горят в них окна. Да мне-то что! Ведь вот, только на этой осевшей лестнице, только за этой дверью я (стучу ногой, руки заняты) всегда нужен, и мне — все нужны.

Куда еще войти, как не в свой дом, какой бы он ни был? В нем — близкие, в нем — все; много или мало — все равно.

— “Мальчонка! Замерз!” — Нюра; а вот и Нина (поднимает от блюда голову). Они явно вместе шурували на кухне и, конечно, гоняли чай.

— Ох, Нюра! Возьмите это, пожалуйста. Нина! Там кто? (доносятся чьи-то голоса, перекрываемые гласом О.Н.). Нина: “Ты знаешь, я не знаю, какие-то важные, там мама с ними...”

Нюра: “Да сугрейся сначала... и иии на, пей! Подождут!” Я начинаю заправляться, но — неясно, каким образом — О.Н. чувствует мое прибытие; она появляется на кухне:

— “А! Послушай, тут к тебе пришли...” — Кто?

— “Не знаю. Но какие-то интересные люди. По-моему, они были на выставке (на “Правде” моя выставка), и вот... Я не знаю, но они о тебе так говорят...” — А сколько их? — “Два! И уже давно сидят”. — И ты с ними все время? Они же замучали тебя, наверное? — “Ничего... Если женщина захочет, то поставит самовар...” — А кстати, ты им дала какого-нибудь пойла? — “Не беспокойся! Все в лучшем виде... Но ты к ним все-таки пройди...” — А как они выглядят? — “Старше тебя. Один седой, важный... а другой какой-то странный... возвышает голос...” — Господи, кто бы это мог быть? — “Ну, вот пройдешь и увидишь...” — Сейчас (между тем, из комнаты действительно доносится с одной стороны как бы тихое, несколько елейное гудение, прерываемое резкими, “гитлеровскими” выкриками)... Да. Но с тобой-то этот светоч был вежлив, я надеюсь?

О.Н. (усмехается): “Светоч... в своем роде...”

— нет, наоборот. “Он должен гордиться такой бабушкой...” — это он мне...” — Ага! Ну, тогда... — “Поправь галстук...”

Круг интересов Бунина громаден. Среди его переводов — и образцы ранней английской поэзии, например, короткое и трогательное стихотворение сэра Уолтера Рэли, написанное в 1618 г. перед его казнью, по повелению его недоброжелателя, короля Якова. Когда после второго удара топора пала голова Рэли, раздался голос в толпе: *“Нам не найти другой такой головы,*

“...И ночь прошла. Стояло войско эллинов; не динувшись, о бегстве не помысливши...”

Эсхил. “Персы”.

Нюра быстро обмахивает меня щеткой: “Годится!” Я (двигаясь по кухне): “Нюра, Вы уж не уходите, может быть придется подать то, се...” — “Иди, иди. Мы тут займемся...”

Открываю дверь:

— Добрый вечер, простите, что заставил ждать...

Обладатель елейного голоса и тяжко прощающих глаз, со вздохом: “Нет, ничего; ведь мы Вас не предупредили...”

Другой, создавая впечатление, что он сразу находится в нескольких местах: “Ерунда! Я пришел сделать Вам официальное предложение. Ваша выставка — ерунда!”

Елейный: “Мой друг хочет сказать, что у нее не самая лучшая экспозиция”.

— “Экспозиция дерьмо! — прерывает его гитлеровский окрик. — Что они понимают! Когда я... Нет, мы устроим настоящую выставку, афиши!..” Я: Но, ведь, кажется, и у этой были афиши? — “Ими может подтереться цыпленок!”

Елейный (переводит): “Мой друг хочет сказать, — он сделает большую и более солидную афишу...”

Тот, отдышавшись: “Да об этом и говорить нечего! Будет все! — С хрустом жует яблоко, затем, смягчившись, — хорошие яблоки! О.Н. нас угостила, — молоток!”

— “Замечательная женщина, и мы с ней интересно поговорили...”

— “Ну, а я что говорю!!! А как вы с ней обращаетесь, а?!” Я:

— Позвольте...

О.Н. распахивает дверь: “Я, во всяком случае, не жалуюсь!”

— “А, ну тогда все в порядке! За это мы ему устроим выставку — настоящую, а?!”

Тихоструйный голос: “Вы увидите, Ольга Николаевна, это так и будет...”

— “Ну, что ж — очень приятно, а когда?” — “В самом скором времени — в центре города! Теперь вот что, — кроме Пушкина у Вас что-нибудь еще есть?”

О.Н. (эпически гордо): “Вы спросите, чего у него нет? Ладно! Я вижу, у Вас тут надолго, и пойду распорядиться чаями”.

Грустный и отрешенный голос: “Ну, к чему такое беспокойство, Ольга Николаевна”. (О.Н. уходит, я вытаскиваю папки. Сквозь страшный хруст очередного яблока до меня доносится карканье):

чтобы и ее отрубить...”

Кажется, одним из любимых поэтов Бунина является Киплинг, о ком Элиот говорил: *“Я могу вспомнить множество поэтов, создавших прекрасные стихи, но только очень немногих я мог бы назвать великими творцами поэзии. И, если не ошибаюсь, то место Киплинга в ряду этих творцов не только*

Шекспир

— “Нет, она молоток,— тычет ногой в папку,— здесь что?”

Я: Ну, в той папке Шекспир, а вот здесь антика, ну, а вот тут...

Голос свыше и со вздохом: “Я же говорил Вам, что такой Пушкин не мог быть один...”

— “Ну, да, да! Здесь что?”

— Здесь — ренессансные темы... Да, вы уверены, что Ваши намерения с выставкой — реальность? А то, все это развязывать...

1-й — задыхается от негодования и презрения. 2-й — особенно тихо: “Вы можете не сомневаться...”

Стук в стену. Я:

— Простите, я на минуту...

Идя на кухню, еще слышу:

“...ведь я Вам говорил...” и нестерпимо-командный:

“... Ну, да, да!!!”

На кухне: на подносе — торт, печенье и вино. — Когда вы это все?

— “Ну, я же слышу... Раз так... но ты, знаешь, странный человек — все время ест...”

— Ну, посмотри на его рост... Ну, Нюра, я все это принесу, а вы уж прихватите чай, хорошо?

— “Все будет — иди!”

Вношу поднос:

— Вот видите ли, поскольку нам предстоит переречь это добро, то подкрепиться необходимо нам всем.

1-й: “Отлично! Ставьте сюда!” (отрывает рукой кусок торта и жует, как хлеб).

2-й: “Ну, если Вы так настаиваете...”

Нюра вносит чай и сковородку, полную шипящими и брызгающими котлетами; тут же нарезанные хлебцы. Нюра:

— “Кушайте, гости дорогие! (уходит). Владелец горного гласа:

— “Она у Вас — золотой человек”. Это говорится с почти зримым подтекстом: “...в нетронутых глубинах народного духа...”. Торжественно и с оттенком выполняемого долга ест.

Второй одобрительно мычит,— пасть у него забита до отказа.

Sir Peter Norman
(London)

чрезвычайно высоко, но уникально..."

Из множества стихов Киплинга, переведенных Буниным, возможно, наиболее известно стихотворение "Ганга Дин", последние три строки которого стали пословицей: "Я шпынял тебя, приятель. Но тебя создал Создатель много лучше, чем мы все, о Ганга Дин!"

Киплинг

"...И ПУСТОЙ, БАНАЛЬНЕЙШИЙ МОТИВ..." (Киплинг)

Я подсаживаюсь к ее кровати и напеваю старую детскую песенку:

— "Вот старый умный воробей..."

Она подхватывает хриловатым голосом, потом: "Ну, что ты, что ты! (Ее на самом деле небольшие, но как бы надежные, крупные руки...)

— Что ты, что ты!"...

Меня еще в детстве — а видимо, теперь и на всю жизнь — странно холодит и особенно заставляет ценить комнатный уют это немудряще-простое:

"Ночь холодная настанет... .

От реки туман пойдет,

Птичка божия устанет,

Спит — и петь перестает!"

И пока я вожусь за своей доской-столом, до меня из недр ДОМА доносится давно забытое, но сразу всплывающее:

"Людам скучно, людам горе,

Птичка в дальние страны,

В теплый край, за сине море

Уле-та-ет до весны..."

Ну, что толку повторять, что отдал бы руку и все, до последней былинки, с радостью и смехом...

"ТРОЗНО И СМЕЛО"

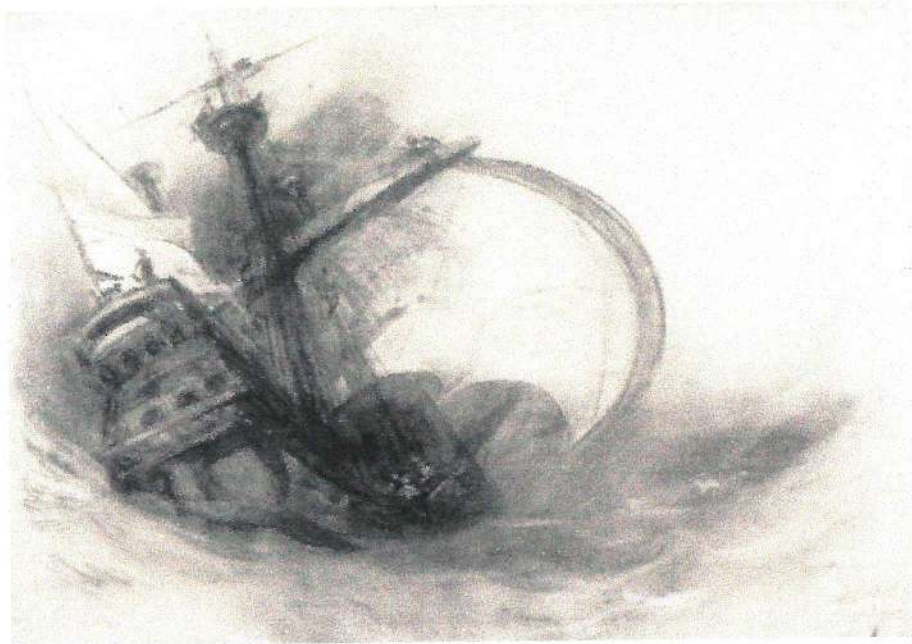
По радио — "Варшавянка".

— "...Веют над нами,— охотно и с готовностью подхватывает О.Н., — темные силы нас злобно гнетут..."

— "Было что-то во всем этом. Люди к чему-то стремились... кружки, собрания, выступления... книги, стихи... Этот, ну, ты знаешь... — Буревестник..." — Ну. Да.

Рисунки Бунина замечательно дополняют его переводы. Он очень одаренный и многогранный художник с чрезвычайной способностью изображать сущность, характер и даже ошибки своих персонажей.

Итак, в стихах, переведенных Буниным, и в его рисунках читатель имеет возможность разглядеть сквозь дым Времен ход Истории, героев, кто

“Тиль”.

О.Н. двигается на кухню, декламируя: “...пусть сильнее грянет — буря...”
 — “Ты тогда не жил, ты не знаешь — тоже хватало гадостей... Эти великие князья... Сергей... в 24 часа! — Ну, и получил свое...”
 — Но другие остались... — “Ненадолго! А этот — получил свое — собаке...” — О.Н.!
 — “Я говорю, то, что есть”. О.Н. грозно и грубо усмехается.

БЕТХОВЕН

О.Н. слушает Лунную сонату: “Ах! Вот это у него! — и в конце 3-й части она *staccato* верно подхватывает мотив, потом:

—... Да! Одно слово! Знаешь — есть такая картина... “*Man schpielt Beethoven*”.

Я: Да, конечно...

О.Н. (не слушая): “... Он сидит за роялем... какое лицо!... и его слушают...”

О.Н. идет на кухню (“вести дом” — и это не шутка), а в комнате — особое, как в детстве, — прекрасное, спокойно-радостное и несколько интимно-торжественное состояние. И в лучах золотится пыль.

Потом она возвращается и величественно восседает в кресло: “Я что хочу сказать!”

— Ну! (Теперь я невольно улыбаюсь, и О.Н. следом.)

— “Словом! Что тут говорить!... Да... Одно слово... БЕТХОВЕН!”

НИКОЛАЙ АВГУСТОВИЧ

— “Он был хороший человек... Мне тогда: “...не могу смотреть, как Вы...” и этим: “Да помогите же!...” И к тебе относился...”

(Это о Н.А.Карренберге, директоре художественной школы.)

Прибытие из Воскресенска в Москву. Вокзал. О.Н. волочит мешок. На прочих мешках развалились Бабицын, Стожаров, еще кто-то... Недовольно урча, они поднимаются... “Свиная кость”, — говаривала О.Н.)

— Да ты знаешь — мы все его вспоминаем... И мне, после каких-то моих безобразий, он сказал: “Я тебе друг”. — “Ну, вот видишь...”

проявлял свою мощь и в зле, и в добре.

И мы видим их такими, какими они и были, запечатленными как в стихотворных строках, так и в рисунках Павла Бунина.

“ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!”

О.Н. после раздумья изрекает: “Как мало прожито, как много пережито!..”

— Послушай, ты уже не раз... а кто это? — “Кто это? Ну, Надсон, конечно... Его сейчас никто и не читает... Но с ним очень носились...” — Модный пиит?... — “В этом роде...” — И тебе нравился?

(О.Н. вспоминает): “Ну, как тебе сказать... очень печально... чахотка... рано умер... Ты знаешь... тогда всюду были эти его портреты... Эффектен...” — Да нет, просто красив, но поэт, знаешь ли... — “Кто говорит — и знать нечего, но было такое время... (смеется).

—...В Бозе почил!” — Что? — “Это Александр... Нас распустили домой... А Олимпиада — в три ручья: Царь умер! Траур, ну, все...” — Ну, а потом коронация?

— “Да, Ходынка. И все говорили — плохо кончит, ну и ты видишь...” — Послушай, а как к нему?..

(О.Н. размышляет): “Он был непредставителен... все у него как-то не получалось. Эта Алиса — не! Трапка! Их не любили...” — Ну, а вы, школьницы? — “Тоже было не сахар. Кассо, Горемыкин — горе мыкали мы раньше... Типики...” — Ну, а 905?

— “Это был подъем! Все на что-то надеялись, дедушка говорил: “Конституция!” Фрума... носила тогда красную кофточку — если понадобится знамя...” — Ну, и ее...

— “Да, но это уже позже, а тогда — что делалось: речи, выступления, митинги... — Долой! И все кричали “долой!”... — Стачки? — “У нас не было (со спокойной уверенностью). Один... ну, ты знаешь — уехал в Америку... так он писал нам — мы тут едим золотыми зубами, но черный хлеб, а у Вас мы ели не хлеб с маслом, а масло с хлебом”. — Скажи!

— “Да! Что ты думаешь! В конце концов, главное — это отношение к людям, и папа всегда... ..Я помню, встретила пристава — он мне говорит: “Вы думаете, я не знаю, что у Г. В. в реальном ученики по вечерам делали... кинжалы... ножи (от погромов), но и я на это смотрю так (О.Н. смотрит на меня сквозь пальцы)... из уважения к Г. В. Вы ему это так и скажите”. — И сказала?

— “И сказала. И Гриша — он прав по-своему, я — по-своему”. — Ну, хоть что-то человеческое...

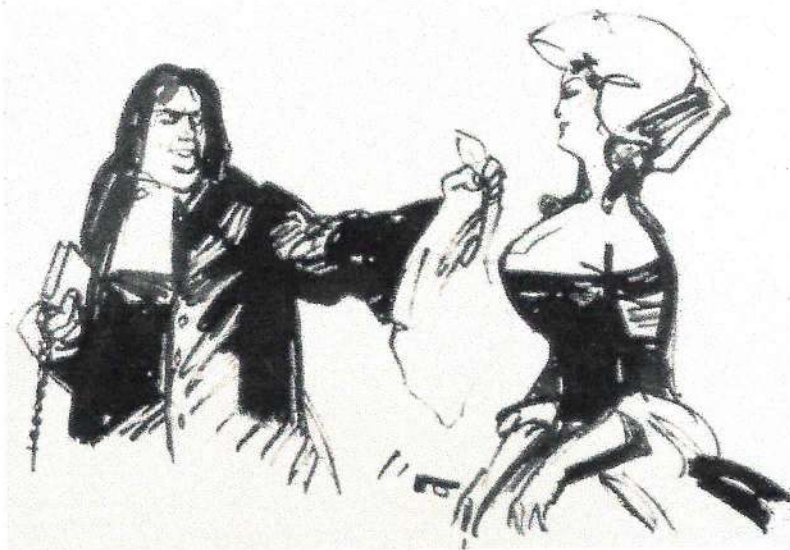
— “Ммм! Он брал взятки... Когда ждали погрома, то складывались и...” — Но ведь пресекал?

— “Пресекал, кто говорит!”

— А как он выглядел? — “Ты знаешь — очень красив. Про него говорили — сын Александра

Рисунки Павла Бунина к произведениям великого поэта – единственная в своем роде по объему и разработанности образной системы художественно-графическая Пушкиниана.

Без учета ее особенностей сегодня вряд ли можно успешно продвигаться в иллюстрировании произведений А.С. Пушкина.

Ж.-Б.Мольер. "Тартюф".

и..."

— И похож?

— "Вылитый! И он носил еще эти бакенбарды, ну и вообще, р-рост, выправка... когда видел меня — всегда руку к козырьку!"

О.Н. улыбается...

ГАГРЫ (ВЕЧЕР)

— Послушай-ка, О.Н.! — Какие прекрасные дни, а? — "Да. Море, Солнце! Уж не знаю чего еще! И эти дни — они какие-то большие..."

— Ну, да! Ведь нет этого городского мельтешения. — "Но ты все-таки помельтеши, и сходи в булочную — надо что-нибудь купить на ужин".

— Не доглядел — моя вина. Но знаешь — что? Вечер прекрасный — пойдем, тут есть недалеко кафе, и поужинаем, а? — "Ну, что ж!" (О.Н. раздумывает).

И вот, поднимаемся пандусом, огибаем дом и выходим на улицу; фонарики, там и сям светятся окна, иногда проезжают автобусы. Мы идем вдоль металлической сквозной ограды — за ней густо стоят очень темные деревья, на фоне звездного неба, сразу за ними, вздыхает (иначе не сказать) море. — Сказочно, а?

И мы останавливаемся и оглядываемся.

— "Ну так сядем на этот автобус?"

Я отговариваю — и напрасно. Путь оказывается гораздо дальше, чем я думал; я устал, О.Н., закусив губы, не поддаваясь, двигается рядом. Давно бы ей отдохнуть. Эх! Как я неудачно это; но наконец:

— Вот видишь, на той стороне, — вот то окно.

О.Н. (сквозь зубы): "Хорошо!" — Держа меня под руку, О.Н. прямо-таки влачится (негодяй!) через улицу. Наконец! — я открываю стеклянную дверь:

— О.Н., сюда! — веду ее к маленькому столику, и она валится на стул: "Ох!"

Но когда я подхожу с подносом, который я постарался завалить едой: мясо, картошка, лапша, салат, пирожки, виноград и: — О.Н.! Что брать — чай или кофе? — "Чай!", — О.Н. как бы оживает.

Вклад Павла Бунина в отечественную культуру очевиден, творческая зрелость художника доказана на примере его Пушкинианы, пользующейся большим успехом у зрителей и специалистов.

Все это вполне заслуживает самой высокой оценки в виде присуждения ему звания лауреата Государственной премии Российской Федерации.

Старая Вена (с натуры, но ностальгически).

Я расставляю все на столе: — Ну, замучил я тебя, замучил, но посмотри, а?

О.Н. не отвечает. Нахмурившись, она кромсает мясо и прочее. Но уже потом, любопытно оглядываясь, решает: “Обратно — поедем”. Едем в почти пустом автобусе. “Теперь нам нужно не пропустить. Ты знаешь, где сходить?”

— Да, конечно, через две остановки. — “О!”

— Да, вот видишь как получилось. — “Но на будущее ты все-таки думай...”

Но О.Н. не гневается — еда была хороша и много. За окном лихо несущегося автобуса — ночные Гагры.

— О.Н.! На следующей!

— “А? (она, кажется, немного вздремнула). — Уже? Дай руку!” Мы сползаем из автобуса и в полусне ковыляем оставшиеся несколько десятков метров до двери. — Фу!

Молча кидаемся к своим кроватям. Уж не знаю, как О.Н., а я просыпаюсь все еще в осовении — где там часы? ага, пол-шестого — в окно сероватый рассвет и утренний прохладный ветерок; ах, в туфлях? — скорей все сбросить и... — и под одеяло, и засыпаю мгновенно, хотя О.Н. храпит, как гиппопотам. И хорошо, — значит, все в порядке. Сплю.

ТЕКУЩИЕ МИНУТЫ

Открываю окно. О.Н.:

— “Нет, ничего, свежий воздух... пусть”. — А посмотри, какой мягкий день! — “Да! И ты должен быть доволен — порядок!” О.Н. оглядывает комнату, которую я вчера прибирал. Затем продолжает: “Но ты видишь — это осень. Воздух уже... закрой-ка окно все-таки”.

Видит, как я пью чай:

“Ну! Этим всегда кончается!” (смеется).

ЭПИЛОГ

Действительно, под солнцем и на море как-то легче, да и веселые крики купающихся, и вся эта красота.

О.Н., конечно, понимает это не хуже меня и остается пребывать в бронзовеющей

Р. Киплинг

“Гимн Митре”.

неподвижности. Теплый ветер треплет иногда края ее рукавов. Солнце жжет. Да, так можно.

Читаю “Карамазовых”; слова Алеши:

“... Знайте же, что нет ничего выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно, вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание...” — я отрываюсь и незаметно, немного снизу (я лежу на скамье) смотрю на лицо О.Н. Она неподвижно смотрит на солнце. Несмотря на короткий нос, в сощуренных неподвижных глазах, в посадке головы — нечто орлиное. Статуя римского сенатора: в небрежно одетом, полощущем на теплом ветру халате. Сурово-бронзовое лицо. И, напившись, читаю дальше:

“...сохраненное с детства, может быть самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь”.

— На всю жизнь.

“... И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение”.

СОЛНЦЕ САДИТСЯ (из воспоминаний о К.И. Чуковском).

Не хочется так расставаться; вот, по счастью, вспомнил нечто умиротворяющее:

К.И. “Ну? Чему Вы так плотоядно усмехаетесь?”. Я. — Нет, от удовольствия... Есть шик.

К.И. (заинтересован): “Да о чем Вы? Читайте (впадая в городничего), все читайте!”.

Я. (голосом К.И., искренне-фальшиво и даже с некоторым пафосом): “...Так творите же из жизни легенду, как творила ее леди Алрой... она была такая скучная, такая неинтересная... и вот...” — не выдерживая, — нет, ведь, действительно, здорово... элегантно, нервно...

К.И. (поправляет цитату): “Свежо и нервно” — уж цитируйте, так точно...”.

Я. А, обойдется! Но ведь — а? Сделано с явным самоуслаждением. Вы еще говорите — плотоядно... именно... и прекрасно...

К. И. (как бы колеблясь и взвешивая): “Да... если через такой срок... Да нет, чего там —

Редакция благодарит Дмитрия Жукова и Алексея Макеева за техническую поддержку данного издания.

Без их бескорыстной помощи эта книжка была бы без картинок.

Д. Жуков.
Рис. П. Бунина

здорово написал старик!”

Я. О чем Вы? Какой там старик — мальчишка! Сколько Вам было — 20? 22?

К.И. (несколько даже растерянно): “Да... да... как это все...”

Молчание.

Я (очень тихо и искренне-почтительно): Вы сделали все, что могли.

Он подходит к уже темнеющему окну... еще после молчания: “Что я могу...” (берет себя в руки и, глядя в окно, тихо и медленно): “В поле не видно ни зги, /Кто-то зовет — “Помоги!”... Что я могу...”

Я (еще тише): “Сам я и беден и мал, /сам я смертельно устал — как помогу?..”. Пауза, но затем:

К.И. “Идемте, Павлик, пройдемся... (Светски.) — Вы ведь, разумеется, останетесь ночевать, не так ли?”

Я. Да, да... конечно. Вот только позвольте, позвоню Ольге Николаевне...

Широкий приглашающий жест большой ладони — рузвельтовская улыбка... То, что приоткрылось на мгновение — отпустило, загнано куда-то прочь, привычно-равнодушным радушием... повседневностью... да оно иногда и спокойней. Он уже одет; (равнодушно-мажорно): “Вы готовы? — вы ведь вечно что-нибудь забываете...”. Я. *As usual*... К.И. (весело повторяет, сбегая по лестнице): — “*As usual!*” /как всегда — англ./

Я. Ну, а что же мы? Идем к плотине? К. И. (холодно): “Итак, Вы решительно не хотите исполнить свой...” (я должен был сделать какой-то заказной рисунок).

Я. ...Только не употребляйте этого ужасного слова... К.И.: “И не подумаю... за полной бесполезностью...”

Я. Тем более, что у него есть гораздо более действенный заменитель...

К. И. “Что бы это, лень?” Я. — *Love*.

К. И. — “*Really?* /действительно? — англ./ А почему по-английски — щегольство?” Я. — Зато правда, и ритмически подходит.

Азарова М.В., Гантимурова Г.А.,
Иванов В.А. (гл. редактор),
Киреева О.Н., Козина Е.Н.

И.-С.Бах и Фридрих II.

К.И. (несколько рассеянно): “Да, пожалуй”. (Мы медленно движемся к озеру).

К.И. (неожиданно останавливается): “Это Вы серьезно?”.

Я. Как нельзя более. Сколько раз вы сами говорили, что я люблю литературу; я ведь слышал.

К.И. (въедливо): “Подслушал, хотите вы сказать”.

Я. Не было необходимости... при удивительных модуляциях вашего голоса, это...

К.И. — “Проклятый льстец!”

Я. — не составляло никакого труда... Но ведь я и действительно ее люблю...

К.И. “Да, это ваше счастье... (потом бережно) и несчастье...”. Мы идем молча... Потом, у

плотины:

Я. Какая красотища!...

К.И. “Хочу надеяться, что вы в состоянии выразиться несколько менее тривиально... Вы бы хоть попробовали, ну!”

Я. Сейчас. Прежде всего, я сказал бы, — вы, наверно, опять придеретесь, — что приходит тишина и спокойствие... Это серебро (в воде), этот туман... И, смотрите... как милы эти огоньки среди совсем синих домиков...

К.И. (одобрительно, но придирчиво): “А слово “милы” вас не смущает?”.

Я. Нисколько; они мне, действительно, милы... Еще хорошо, что я не сказал — трогательны...

К.И. “С вас станется... Но, как я вижу, солнце вы обошли своим вниманием?” Он пристально глядит на солнце (это не трудно — оно опускается в густой туман).

Я. В присутствии другого, быть может, не менее любимого светила...

К.И. “Ист-реб-лю! (мгновение переваривает сказанное, затем оживленно) — Ну, дальше! Валяйте!”

Я. Вы будете смеяться, но я бы сказал: “Солнце садится”.

К.И. (одобрительно кивает): “Солнце садится”.

Замолкаем и смотрим, как садится солнце. Где-то очень далеко скрипит колодец...